

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Научные биографии»

В.Г. ТРУХАНОВСКИЙ
АДМИРАЛ НЕЛЬСОН

Издательство «Наука»

Москва

1980

Г80 Трухановский В. Г. Адмирал Нельсон.— М.: Наука, 1980, 184 с., ил., 05 ил. (Серия «Научные биографии»),

В книге рассказывается об известном флотоводце Горацио Нельсоне, самоотверженным трудом и ратным подвигом снискавшем себе славу национального героя Англии, о той полной драматической борьбе эпохе, в которую он жил, о его любви к Эмме. Гамильтон.

В. Г. Трухановский — профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории», член Постоянного комитета Пагуошского движения, заместитель председателя Исполкома Всемирной Федерации Ассоциаций Содействия ООН, вице-президент Советской Ассоциации Содействия ООН, президент Общества «СССР — Новая Зеландия», специалист по истории Англии и истории международных отношений и внешней политики СССР, член Союза писателей СССР, автор таких книг, как «Новейшая история Англии» (М., 1958), «Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918— 1939 гг.)» (М., 1962), «Внешняя политика Англии в период второй мировой войны» (М., 1965), «Внешняя политика Англии после второй мировой войны» (М., 1957), «Уинстон Черчилль. Политическая биография» (М., 1977), «Антони Идеи. Страницы английской дипломатии» (М., 1974), «Советско-английские отношения: 1946— 1978 гг. (М., 1979) и ряда других. Многие работы В. Г. Трухановского переведены на иностранные языки — немецкий, венгерский, болгарский, польский, английский, китайский.

Ответственный редактор доктор исторических наук М. А. БАРГ

© Издательство «Наука», 1980 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

Глава I. Становление моряка и личности

Глава II. Сан-Висенти, Абу-Кир, Неаполь. Гамильтоны

Глава III. Балтийский поход

Глава IV. Трафальгар

Заключение

ОТ АВТОРА

Историческая биография — такая форма историографии, которая находится как бы на стыке между наукой, с одной стороны, и художественным произведением — с другой. Воссоздавая с помощью строго научных методов исследования эпоху и фактическую сторону жизни того или иного деятеля, историческая биография должна к тому же раскрыть его индивидуальность: черты характера, психологический и физический облик, мироощущение, этические и моральные принципы и т. д. В этой области так называемые исторические источники далеко не всегда помогают, и тогда автор вынужден, опираясь на всю совокупность прямых и косвенных данных, домысливать, дорисовывать недостающие штрихи, полагаясь на интуицию и силу воображения. В этом заключается сложность и трудность жанра исторической биографии для автора и вместе с тем его притягательность для читателей.

Имя английского адмирала Нельсона принадлежит истории. Однако, если бы речь шла просто об удачливом флотоводце и только, вряд ли его биография оставалась бы по сей день столь занимательным сюжетом для западных историков, публицистов, кинематографа и т. п. Шпагой, к примеру, прославился и герцог Мальборо и шведский король Густав-Адольф, тем не менее интерес, пробуждаемый их деяниями у потомков, не выходит за пределы антикварного. В лице же Нельсона, помимо флотоводческого таланта, внимание историков привлекает прежде всего необычность его карьеры — к вершине успеха и славы он шел снизу, прокладывая себе дорогу не столько покровительством влиятельных людей, сколько упорным трудом, мужеством и ратным подвигом. Несмотря на все расточавшиеся по его адресу славословия, его титулы и орденские ленты, Нельсон так и не стал «своим человеком» в среде английской знати. Но главное — Нельсон оказался на арене европейской истории в один из наиболее драматических ее моментов, когда достигла кульминации многолетняя борьба между Англией и Францией за господство на море, в Европе и в создаваемом тогда колониальном мире, когда в смертельной схватке сошлись пережившая буржуазную революцию Франция Наполеона и враждебная ей коалиция феодально-абсолютистских государств, возглавлявшихся буржуазной Англией.

Производной этих событий стала судьба самого Нельсона: победитель при Трафальгаре, национальный герой Англии — в конечном итоге такое же порождение французской революции, как и сам Наполеон. Если бы Англия не оказалась перед угрозой вторжения армий Наполеона, Нельсон не сыграл бы свою роль «спасителя нации». Не случайно до Трафальгара Нельсон никогда не был первым лицом в эскадре — всегда только вторым. И лишь в час смертельной опасности, когда снобизм знати мог обернуться для Англии катастрофой, Нельсон получил всю ту долю исторической ответственности, на которую он — в силу несомненных дарований — вправе был претендовать.

В советской историографии нет специальных исследований, посвященных данному сюжету, поэтому предлагаемая вниманию читателя книга должна помочь ему разобраться в сложном переплетении событий и верно оценить роль адмирала Нельсона, избавив его как от наслоений слащавой апологетики, так и от посмертной мести уязвленных в своем самолюбии английских правящих кругов, до сих пор разрабатывающих «романтическую линию» биографии адмирала.

Создавая книгу, автор хорошо сознавал, что ее образовательное и воспитательное значение будет зависеть от того, насколько сквозь призму биографии несомненно незаурядной личности удастся осветить важные грани определенной эпохи в истории Англии и не только Англии. О том же, как автор справился с этой задачей, не ему судить.

Глава I СТАНОВЛЕНИЕ МОРЯКА И ЛИЧНОСТИ

Двое сыновей небогатого священника англиканской церкви проводили рождество

1770 г. невесело. Матери уже не было в живых, а отец уехал в курортный городок Бат в Юго-Западной Англии, недалеко от Бристоля, чтобы поправить здоровье. Он это делал ежегодно. Братья остались, по существу, одни в мрачном, холодном и сыром в такое время года каменном доме, и праздники не сулили им никаких радостей.

Однако рождество преподнесло неожиданный подарок. Из местной газеты они узнали, что их дядя, капитан военно-морского флота Морис Саклинг, получил командование военным кораблем. Этот, как и ряд других кораблей, возвращался в строй в связи с тем, что война с Испанией, казалась неизбежной. Какая война, из-за чего она, братья представляли смутно, но скромное газетное сообщение захватило их воображение, в головах зароились планы, предположения, мечты обрели реальность. Особенно взволнован был Горацио.

Он сказал брату: «Пожалуйста, братец Уильям, напиши отцу в Бат и сообщи ему, что я хотел бы отправиться в море с дядей Морисом» (1). Письмо ушло, и священник, у которого на руках оставалось семь непристроенных детей, обратился с соответствующей просьбой к брату своей покойной жены, капитану Саклингу.

В Англии издавна так повелось, что более состоятельные или твердо стоявшие на ногах члены семьи помогали менее удачливым родственникам. Братья Саклинги в свое время обещали позаботиться о двух детях их сестры. И один из молодых Нельсонов, Морис, самый старший, первым покинул дом приходского священника, когда ему исполнилось 15 лет. Уильям Саклинг, занимавший солидный пост в таможенном управлении, пристроил там племянника клерком. Считалось, что его брат, капитан, позаботится о втором племяннике.

Просьбе помочь капитан Саклинг не удивился, его удивило желание Горацио Нельсона стать моряком. Не потому, что Горацио исполнилось всего 12 лет — в XVIII в. в Англии дети очень рано оставляли семью и вступали в самостоятельную жизнь. Многие видные английские флотоводцы начали свой трудный и опасный морской путь в том же возрасте, что и Горацио Нельсон. Капитана Саклинга смутили не возраст, а неважное здоровье и очень уж незавидные физические данные Горацио. Это был небольшого роста паренек, хрупкого телосложения и весьма хилый. Ну какой из него мог получиться моряк парусного флота? Ведь служба там требовала большого напряжения сил. Однако отказать капитан Саклинг счел невозможным. Он согласился взять Горацио к себе на корабль, но заметил: «В чем бедный малыш Горацио провинился, почему его, слишком слабого, посылают... в море? Ну, ладно, пусть он приходит, и, если пушечное ядро снесет ему голову, он по крайней мере будет пристроен» (2).

1 января 1771 г. Горацио Нельсон стал членом экипажа корабля «Резонабль». Он получил самый младший офицерский чин — мичмана. В тот момент ему было 12 лет и 3 месяца. Так началась военно-морская служба будущего прославленного адмирала.

Острый конфликт между Англией, Испанией и Францией возник из-за Фолклендских островов. Расположенные в Атлантическом океане, у южной оконечности Южной Америки, они были важны для Англии как морская станция — военно-морской район, опираясь на которую английский флот мог действовать против испанских владений в Южной Америке. Именно по этой причине испанцев и их союзников французов не устраивало пребывание англичан на Фолклендских островах. Кризис, вызванный спором из-за островов, «явился наиболее важной пробой сил до Войны за независимость США и испытанием способности Англии использовать морскую мощь для удержания позиций, завоеванных ею в Семилетней войне» (1756—1763 гг.) (3).

Англия построила на островах небольшой поселок Порт-Эгмонт. А в феврале 1767 г. испанское правительство дало губернатору Буэнос-Айреса распоряжение: «... не должно быть разрешено основывать на островах никаких английских поселений, и Вам надлежит силой ликвидировать таковые, если они уже созданы... Для этого Вам не требуются какие-либо дополнительные приказы или инструкции» (4). Вскоре приказ был выполнен. Испанцы заставили англичан в Порт-Эгмонте спустить британский флаг.

В Лондоне встревожились. Английские власти приняли решение мобилизовать флот, чтобы демонстрацией силы или, если потребуется, ее применением восстановить

прежнее положение. К пробе сил стала готовиться и Испания, и связанная с ней семейным соглашением (в Испании и Франции правили различные ветви одной королевской династии — Бурбоны) Франция. Флоты трех держав были мобилизованы. Казалось, подписанный после Семилетней войны Парижский мир 1763 г. будет ликвидирован ходом событий. Вот тут-то и был приведен в боевую готовность «Резонабль» под командованием капитана Саклинга с юным Нельсоном на борту. Однако до военных действий дело не дошло. Испания в последний момент уступила Англии и признала ее права на Фолклендские острова. Но для Горацио Нельсона будущее определилось: он отправился в путь по бурным волнам морей и океанов.

Горацио Нельсон родился в пятницу, 29 сентября 1758 г. в доме приходского священника Эдмунда Нельсона. Приход назывался Бёрнем-Торп и был расположен в сельской местности в графстве Норфолк (Восточная Англия), на побережье Северного моря. Дом священника — двухэтажный, построенный в виде буквы Г — состоял практически из двух небольших домов. Помещение было просторное. Дом возвышался в центре земельного участка в 30 акров¹. Эдмунд Нельсон пытался использовать землю под посевы и огород, но урожай собирал обычно небольшой. В порыве откровенности он говаривал, что не может представить себе, как фермеры ухитряются жить на таких участках.

У Горацио Нельсона не только отец был священником. Оба его деда, два их брата, восемь двоюродных братьев и два родных брата самого Горацио принадлежали к касте священнослужителей. Англиканская церковь была той сферой, где действовали члены аристократических семей — не первые сыновья не первых сыновей, не имевшие права ни на титул, ни на состояние и вынужденные самостоятельно делать карьеру и добывать средства к существованию. Одни из таких «непервых» становились политическими деятелями, другие — государственными служащими в метрополии или колониях, третьи — военными, четвертые — священниками, Нельсоны основательно упрочились в церковных сферах. Это обеспечивало и положение, и сравнительно безбедное существование.

Ф. Энгельс отмечал, что духовным пастырям английской церкви хорошо платят и они «не очень-то заботятся о своей пастве». Может быть, поэтому «в сельских местностях и городах Англии нет для народа ничего более ненавистного, ничего более презренного, чем church-of-England parson², а у такого благочестивого народа, как английский, это что-нибудь да значит» (5).

Эдмунд Нельсон находился на нижней ступени церковной иерархии — всего лишь приходский священник. Но и он сам, и его жена, как замечает один из биографов адмирала Нельсона, «оба принадлежали к хорошей породе» (6). Мать Эдмунда Нельсона была внучатой племянницей сэра Роберта Уолпола, премьер-министра Англии в 1721 — 1742 гг. Младшего брата сэра Роберта звали Горацио, и это объясняет выбор имени для одного из сыновей Эдмунда Нельсона. Отец Эдмунда получил образование в закрытой аристократической школе — в Итоне — и затем в Кембридже, где обучались дети аристократии и крупной буржуазии. Эдмунд также учился в Кембридже.

Эдмунд был высокого роста, с вытянутыми неправильными чертами лица, темными бровями и длинными до плеч волосами. Спокойный, уравновешенный, несколько рассеянный человек, он остро переживал свою незначительность. «Вялый», «чудаковатый» и «совершенно не подходивший для общества» — так Эдмунд характеризовал себя сам.

Твердый характер и волю Горацио унаследовал от матери. Она умерла, когда ему исполнилось 9 лет. Екатерина Нельсон, урожденная Саклинг, скончалась в 42 года, дав жизнь 11 детям за 17 лет замужества. В семье часто рассказывалось о героических подвигах ее предков на морях, о том, как ее брат Морис Саклинг сражался с превосходящими силами французского флота. Сестра Горацио вспоминала впоследствии:

¹ Акр — 0,4 га.

² Священник англиканской церкви.

«Так или иначе флот всегда интересовал меня. Я бы сказала, что всосала этот интерес с материнским молоком» (7). Естественно, то же влияние оказала мать и на Горацио. Все это возбуждало и подогревало мечты Горацио о морской службе.

Когда создаются биографии выдающихся людей, очень часто этим людям приписывают необычные качества, присущие им чуть ли не с пеленок. Биографии Нельсона не являются в данном случае исключением. И тем не менее приведем здесь два эпизода из детства Горацио, которые, на наш взгляд, заслуживают доверия и помогают понять становление личности будущего флотоводца. Их признают правдивыми даже самые придирчивые авторы.

Однажды, будучи в гостях у бабушки, Горацио отправился за птичьими гнездами. Наступил вечер, а Горацио не возвращался. В доме поднялась тревога, опасались, что его похитили цыгане. Пустились на поиски и в конце концов нашли Горацио. Он сидел на берегу ручья, через который не мог перебраться. На вопрос бабушки: «Неужели голод и страх не заставили тебя поскорее вернуться домой?» Горацио спокойно ответил: «Я никогда не видел Страху. Что это такое?» (8). Неизменным презрением к опасности Нельсон поражал всех, кто с ним сталкивался, и впоследствии.

Второй эпизод, о котором рассказывают биографы, произошел зимой. Горацио с братом на лошади отправились в школу, но снег оказался очень глубок и им пришлось вернуться. Старший брат объяснил отцу, в чем дело. Отец заметил: «Если это так, то мне, конечно, нечего возразить. Но я хочу, чтобы вы еще раз попробовали проехать. Я надеюсь, что чувство чести не позволит вам возвратиться без крайней необходимости» (9). Дети вновь отправились в трудный путь, старший брат неоднократно предлагал возвратиться, но Горацио неизменно отвечал: «Помни — это дело нашей чести» (10). В конце концов они добрались до школы.

Горацио некоторое время посещал начальную школу в Норидже, где жили родственники, затем в течение года учился в частной школе в Норс-Уэлшэм. И все. Он практически не получил образования. Предполагают, что в школе говорили о Шекспире, его сочинения, возможно, были в доме в Бёрнем-Торпе. Но что мог усвоить из них ребенок до 12 лет? Не пополнил Нельсон свои знания и путем самообразования. Писал он с ошибками, не соблюдал правил грамматики, однако стиль его писем выразителен и энергичен.

Горацио Нельсон в этом отношении не составлял исключения в среде английских морских офицеров. Все они начинали службу на кораблях рано и, следовательно, преждевременно бросали учебу, хотя были среди них и такие, которые писали на хорошем, а иногда и на изящном английском языке,— Коллингвуд, Сент-Винсент, Сомарец.

Один из современных авторов замечает: «...Нельсон мало чем интересовался, кроме моря. Он не был начитан, он проявлял очень мало интереса к политике и совершенно не интересовался искусством... В начальной школе Нориджа он получил начатки классического образования... И все же ни один человек никогда не писал лучших писем... Никто никогда не был так откровенен на бумаге, и никогда не было написано так много писем таким естественным стилем, свободным от фальшивых комментариев...» (11).

Известный французский военный историк середины XIX в. Ж. Гравьер отмечал, что из английских морских офицеров не выходили «люди ученые, но зато делались они хорошими моряками, и с раннего возраста, приучаясь к трудным испытаниям жизни особенной, своеобразной... Морская жизнь требует натур восприимчивых, гибких, и слишком большой запас учености при начале карьеры может иногда сделаться скорее обременительным, нежели полезным, потому что в ней нужно очень многому учиться из собственного или чужого опыта» (12).

Нельсон, кажется, не сожалел, что мало посещал школу. Однако однажды он посетовал, что дети в раннем возрасте окунаются в полную трудностей даже для сильных зрелых людей корабельную жизнь. Уже будучи адмиралом, Нельсон заметил юному мичману Парсонсу, что, вероятно, тот начал службу очень молодым. Услышав ответ: «В 11 лет, милорд», Нельсон проворчал: «Слишком рано» (13).

* * *

Юный Горацио Нельсон, конечно, не подозревал, что живет в переломную для истории своей страны эпоху. Так всегда бывает: люди действуют в напряженные моменты истории, участвуют в важнейших событиях и воспринимают эти события и свое участие в них, как что-то обычное. Лишь история впоследствии высвечивает истинную роль таких событий в развитии человечества. Во второй половине XVIII в. Европа шла через две революции: промышленную, или промышленный переворот, который начался и достиг наибольшего развития, в Англии, и буржуазную, свершившуюся во Франции. Под воздействием этих событий радикально изменился ход истории. Они всколыхнули многие страны и народы и вовлекли в свое русло практически все классы и социальные слои тогдашних Англии, Франции, Испании и многих других стран.

В Англии буржуазная революция произошла в 1640—1660 гг., т. е. раньше, чем в любой другой стране, кроме Голландии. Расстановка сил в революции носила весьма специфический характер. Старое дворянство почти все погибло уже к началу XVI в. в непрерывных кровавых междоусобных войнах. Новая знать формировалась в основном из буржуазных элементов и была тесно связана с интересами рынка. В революции достаточно укрепившаяся и развившаяся буржуазия выступала вместе с новым дворянством против феодальной монархии, феодального дворянства и господствовавшей церкви. В борьбе приняли участие широкие народные массы — крестьянство, ремесленники, городские низы. Накал революционной борьбы достиг такой остроты, что возглавивший гражданскую войну и потерпевший в ней поражение король Карл I был казнен. Однако, как это всегда случалось в буржуазных революциях, трудящиеся и обездоленные низы, обеспечившие в ней победу, оказались обманом и силой отодвинутыми на второй план. Власть захватили новое дворянство и буржуазия. «Шестнадцатый и семнадцатый века... упразднили средневековье,— писал Ф. Энгельс,— водворили социальный, политический и религиозный протестантизм, создали колонии, морское могущество и торговлю Англии и поставили рядом с аристократией растущую, уже довольно сильную буржуазию. Социальные отношения установились постепенно после волнений семнадцатого века и приняли прочную форму, которую они сохранили до 1780 или 1790 года» (14).

Английская буржуазная революция середины XVII в. создала благоприятные политические условия для развития капитализма. Постепенно скапливались большие капиталы в результате нещадной эксплуатации рабочих, обезземеления крестьянства, торговли рабами и разграбления достояния народов, над которыми устанавливалось колониальное господство. В стране появилась масса свободных рабочих рук, образовался устойчивый внутренний рынок, требовавший сельскохозяйственных и промышленных товаров.

В XVIII в. в Англии совершался глубокий переворот по всем строе общественных отношений. Энгельс назвал его социальной революцией. На смену капитализму мануфактурному пришел капитализм промышленный.

До этого десятки тысяч рабочих трудились на дому, выполняя работу при помощи примитивных инструментов. Теперь спрос на их продукцию возрос, и изобретательные люди стали размышлять, как следует усовершенствовать инструменты, чтобы один человек мог производить больше товаров.

Поначалу изобретения касались в основном легкой промышленности. Появился так называемый «летучий челнок», который пропускали при помощи нижней педали, а не вручную, как раньше. Через три десятилетия была придумана простая прядильная машина, дававшая сразу 16 нитей, затем, через четыре года,— более совершенная прядильная машина. Вскоре изобрели механический ткацкий станок. Эти сложные по тем временам машины уже не мог приводить в движение один человек. В 1768 г. Джеймс Уатт построил первую большую паровую машину. Таким образом, была создана система машин, для приведения в действие которых требовалось собрать их под одной крышей. Так фабрика вытеснила мануфактуру, сельское домашнее производство. Вместо

крестьянина, обрабатывавшего землю и изготавливавшего товары для владельца мануфактуры, появился промышленный рабочий, который оказался целиком зависимым от владельца фабрики.

Вскоре промышленный переворот начался в металлургии, угледобыче, на транспорте. «С помощью машины восьмилетний ребенок производил теперь больше, чем прежде двадцать взрослых мужчин. Шестьсот тысяч фабричных рабочих, из которых половина детей и больше половины лиц женского пола, исполняют работу ста пятидесяти миллионов человек» (15). Постепенно была создана техническая основа для развития современной промышленности, образовалась фабричная система, пролетариат превратился в промышленный пролетариат. Отныне на исторической сцене стал действовать класс капиталистов, существовавший за счет эксплуатации наемного труда, и класс эксплуатируемого пролетариата.

Важнейшим социальным результатом промышленной революции XVIII в. было образование пролетариата.

Одновременно в английской деревне развернулось так называемое парламентское огораживание (т. е. огораживание по разрешению парламента). С 1760 по 1815 г. было огорожено не менее 3500 приходов. В результате десяткам тысяч мелких крестьян, лишившихся возможности пользоваться общинными угодьями (их разгородили, превратив в частную собственность сельских богатеев), пришлось покинуть деревни.

Непосредственные социальные последствия промышленного переворота и огораживания для английского народа были сопряжены с огромными лишениями. Английский капитализм наливался богатством и силой прежде всего за счет крови и пота английских рабочих. Молодая хищная буржуазия стремилась как можно быстрее создать и увеличить свои капиталы. На фабриках царил тюремно-каторжный режим. Власть фабриканта над рабочими не имела предела. Не только голод, но и вся мощь государственного аппарата поддерживали этот порядок.

Фабрикант сам решал, сколько часов должны работать его рабочие, и в некоторых отраслях промышленности рабочий день растягивался до 20 часов. Заработная плата еле обеспечивала рабочему полуголодное существование. Жилищные условия были ужасными. Неопишуемая теснота, грязь, нищета превратили рабочие окраины городов в рассадник хронических заболеваний и эпидемий. В середине XVIII в. смертность здесь в два раза превышала рождаемость. Не лучше были условия и на производстве. Хозяева экономили на всем — на ограждении машин, на отоплении, освещении, вентиляции. В результате увечья и гибель рабочих здесь превратились в повседневное явление, дисциплину поддерживали побоями и штрафами за малейшую провинность. Больше всего страдали дети, труд которых широко использовался на фабриках. Положение наемного рабочего было намного хуже, чем жизнь прядильщика или ткача, трудившихся прежде у себя дома. В. И. Ленин характеризовал Англию эпохи промышленного переворота как страну «невероятного разорения, принижения, вымирания голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов» (16).

Доведенные до отчаяния бедняки Англии в городе и деревне время от времени поднимали восстания. Рабочие обрушивали свой гнев на машины, в которых они видели причину всех зол. Ломая машины, поджигая фабрики, они мечтали о возврате к временам, когда каждый имел свой дом и, пусть небольшую, усадьбу, когда работа была не подневольной, а жизнь не столь безысходно однообразной. Это были так называемые луддиты. Естественно, что их стихийные бунты легко подавлялись полицией и правосудием. Однако они не были напрасными — рабочий вопрос постепенно становился вопросом публичным и политическим.

Не менее часто вспыхивало и возмущение крестьян на почве продолжавшихся огораживаний. Даже Артур Юнг, агроном и публицист, ратовавший за повсеместные огораживания, должен был в 1801 г. признать: в девятнадцати из двадцати случаев огораживаний бедные терпят ущерб. Они поистине могут сказать: «Парламент, может быть, очень печется о собственности, но я знаю, что по его милости я лишился

возможности жить». Об одном из восстаний крестьян в Оксфордшире в 1814 г. журнал палаты общин сообщал, что объявление об огораживании нельзя было прибить к церковной двери, так как большие толпы людей, вооруженных всем, чем только можно, угрожали расправой тому, кто пытался это сделать.

Бурный рост промышленности сопровождался расширением торговли. Промышленная и торговая буржуазия получала баснословные прибыли, хотя кое-что перепало и земельной аристократии. Буржуазия становилась все более хищной и агрессивной. Она требовала новых, все более широких колониальных захватов, чтобы получить новые рынки для своих товаров, дополнительные сырьевые ресурсы.

Вакханалия наживы за счет зверского угнетения своего ближнего — неимущего англичанина — и ограбления, а зачастую и уничтожения жителей заморских стран, превращаемых в колонии, привела к девальвации моральных принципов и общечеловеческих ценностей в среде буржуазии и тесно связанной с ней аристократии. Разложение верхов было таким, что оно вызывало тревогу и острую критику даже со стороны людей, придерживавшихся консервативных взглядов,

Т. Карлейль, английский писатель и истории, восклицает: «Поистине, с нашим евангелием маммоны мы пришли к странным выводам! Мы говорим об обществе и все же проводим повсюду полнейшее разделение и обособление. Наша жизнь состоит не во взаимной поддержке, а, напротив, во взаимной вражде, выраженной в известных законах войны, именуемой «разумной конкуренцией» и т. п.» (17) Карлейль клеймит «тунеядствующую землевладельческую аристократию» (18). Он находит верные слова и правильный тон, когда пишет об обездоленных англичанах: «Я имею смелость думать, что со времени возникновения общества никогда еще участь безгласных, изнуренных работой миллионов людей не была так невыносима, как теперь. Не смерть, и даже не смерть от голода делает человека несчастным; мы все должны умереть... но жить в нищете и не знать, почему; работать до изнеможения и впустую; жить с изнуренным и усталым сердцем и все же быть изолированным, в сиротливом одиночестве... медленно умирать в течение всей своей жизни, оставаясь замураванным в глухой, мертвой, бесконечной несправедливости... это все невыносимо и вечно будет невыносимым для всех богом созданных людей. И мы еще удивляемся французской революции...» (19).

Ф. Энгельс заключает: «Таково положение Англии по Карлейлю. Тунеядствующая земельная аристократия... деловая аристократия, погрязшая в служении маммоне и представляющая собой лишь банду промышленных разбойников и пиратов... парламент, избранный посредством подкупа; житейская философия простого созерцания и бездействия, политика *laissez faire*³; подточенная, разлагающаяся религия, полный распад всех общечеловеческих интересов... хаотическое, дикое смешение всех жизненных отношений, война всех против всех, всеобщая духовная смерть... несоразмерно многочисленный рабочий класс, находящийся в невыносимом угнетении и нищете, охваченный яростным недовольством и возмущением против старого социального порядка... повсеместный хаос, беспорядок, анархия, распад старых связей общества, всюду духовная пустота, безыдейность и упадок сил,— таково положение Англии» (20).

Ф. Энгельс писал это в январе 1844 г., анализируя книгу Т. Карлейля, вышедшую годом ранее. Это великолепный анализ английского общества, которое развилось под воздействием промышленного переворота, картина той общественной среды, в которой формировался и должен был прокладывать свой жизненный путь Горацио Нельсон.

Политическая власть в стране принадлежала аристократии и крупной буржуазии; оба класса все более и более смыкались — аристократы поправляли свои состояния, занимаясь бизнесом, а люди бизнеса покупали аристократические титулы. В парламенте боролись друг против друга две политические партии: виги — несколько более

³ *Laissez faire, laissez aller* (предоставьте свободу действий) — формула сторонников свободы торговли и невмешательства государства в сферу экономических отношений,

либеральные — и тори — находившиеся на крайне правом фланге политического фронта.

«В 1760 г.,— писал Ф. Энгельс,— на престол вступил Георг III, прогнал вигов, которые со времени Георга I почти бесценно были у власти, но правили, конечно, весьма консервативно, и положил начало длившейся до 1830 г. монополии тори. Благодаря этому правительство пришло в соответствие со своей внутренней природой; в политически консервативную эпоху Англии безусловно подобало, чтобы у власти была консервативная партия» (21).

Как же выглядела во второй половине XVIII в. английская демократия и ее выразитель — парламент? «Источник демократии» состоял из людей абсолютно бесчестных, сделавших себе состояние и пробравшихся к власти разбойными методами. Вот что писал о парламенте тех лет современник в одном из английских журналов: «...в списке лиц, именующих себя подходящими людьми для выбора в будущий парламент, я нахожу „набобов“, которые грабежом, убийствами и изменой своим хозяевам скопили себе громадные состояния и теперь с помощью подкупа избирателей сделались „подходящими людьми“, это выходцы из Вест-Индии; далее я нахожу: управляющих аристократическими поместьями (владельцы этих поместий по наследственному праву заседали в палате лордов.— В. Т.), сходных во всем (за исключением убийства) с вышеописанными набобами; должностных лиц, которые награбили уже настолько, что, как они сами дают понять, имеют теперь возможность вести честную жизнь...» (22).

Ф. Энгельс задает вопрос: «Но что такое, в конце концов, демократия?». Имеется в виду английская демократия. И в качестве ответа приводит мнение Т. Карлейля, который, обращаясь к английскому избирателю, говорит: «Ты — круглый дурак!.. Представление, будто свобода человека состоит в том, чтобы подать свой голос на выборах и сказать: вот теперь мне тоже принадлежит одна двадцатитысячная доля оратора в нашей национальной говорильне... это представление — одно из самых смешных свете... Эта свобода, в конце концов, окажется для миллионов трудящихся свободой голодной смерти, а для ленивых, ничего не делающих тысяч и единиц, свободой *гниения*» 23.

В начале 80-х годов положение Англии было особенно трудным. Война в Америке с целью сохранения североамериканских колоний оказалась проигранной. Это время характеризовалось «быстрым упадком мощи государства, угрозой неминуемого экономического краха, насилием и социальной напряженностью внутри страны и широко распространенным отсутствием доверия к политическим деятелям... И сверх того существовало глубокое чувство уныния и отчаяния. В основе утраты Англией веры в себя в 1783 году лежал упадок ее мощи и влияния в мире» (24).

Восстание лондонских низов в 1780 г. убедительно продемонстрировало неустойчивость внутреннего положения Англии. Чтобы подавить выступление, было расстреляно 285 его участников (25). «Трудности 1783 года,— делает вывод Я. Бредли,— побуждали людей весьма отрицательно оценивать политическую систему, которой Англия так долго гордилась» (26).

Трудности и неурядицы в стране были настолько велики, что король Георг III серьезно размышлял об отречении от престола. Однако от последнего шага воздержался. В ноябре 1783 г. главой кабинета стал Уильям Питт Младший. Новому главе правительства исполнилось 24 года. Он оставался у власти с небольшим перерывом до 1806 г. Питт происходил из семьи крупного буржуа, и его политика — так называемый новый торизм — отвечала интересам быстро укреплявшейся буржуазии и все более обуржуазивавшегося дворянства.

1783 год английские историки считают годом, когда начался поворот в экономическом положении страны к лучшему, когда появились первые плоды промышленного переворота и начался бурный рост промышленного производства. Однако благоприятные перемены обнаружились не сразу и осознавались постепенно.

То, что в Англии раньше, чем в других странах, произошла буржуазная революция, а затем, опять-таки раньше, чем в других государствах, совершился промышленный переворот, в конечном итоге дало ей решающее преимущество в борьбе за захват

колониальных владений и за господство на море, без чего приобретение и удержание колоний невыносимо.

Капитализму присуще вытекающее из самой его природы стремление к экспансии и, следовательно, к агрессии. Английский капитализм не являлся исключением. Еще не закончилась английская буржуазная революция, а уже при протекторате Кромвеля, установившего в 1653 г. военную диктатуру (через полтора столетия французская буржуазная революция повторит этот этап развития, и тогда появится Наполеон Бонапарт), Англия вступила на путь колониальной экспансии. Она захватила, зверски ограбила и превратила в колонию Ирландию, присоединила к Англии Шотландию.

На протяжении ряда столетий в английской внешней политике доминировала триединая цель: стремление к захвату на Европейском континенте позиций, которые позволяли бы оказывать решительное воздействие на европейскую политику; осуществление колониальных захватов за морями — в Америке, Индии и позднее в Африке, и, наконец, установление своего преобладания на морях, без чего невозможна была успешная борьба против соперников по колониальной экспансии.

В 30-х годах XX в. известный английский политик империалистического толка Уинстон Черчилль следующим образом уже с исторической дистанции оценивал 400-летнюю европейскую политику Англии. «На протяжении 400 лет,— говорил Черчилль,— внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять... самой влиятельной державе на континенте, и, в частности, не допустить захвата такой державой Бельгии, Голландии и Люксембурга. Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту 400-летнюю неизменность, цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям, которые когда-либо имели место в жизни какой-либо расы, страны, государства или народа. Более того, во всех случаях Англия шла самым трудным путем. Столкнувшись с Филиппом II Испанским, с Людовиком XIV при Вильгельме III и Мальборо, с Наполеоном, а затем Вильгельмом II Германским, ей было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и таким образом наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана, кем бы он ни был, во главе какой бы страны ни стоял. Так мы... вышли из четырех ужасных битв с растущей славой и расширяющейся империей, а независимость Бельгии, Голландии и Люксембурга была сохранена. В этом замечательная инстинктивная традиция английской внешней политики» (27).

Во имя этой цели Англия вела на континенте бесконечные войны против своих соперников. Из-за своего островного положения, которое служило препятствием для вторжения на ее территорию вражеских армий, а также тому, что она располагала достаточными резервами золота (получаемого прежде всего от ограбления заморских территорий), Англия стремилась воевать чужими руками, нанимая отдельные государства и оформляя наем «союзами» и «субсидиями». Одно время в качестве наемного солдата Англии действовал прусский король Фридрих II. Канцлер Германии Бисмарк позднее говорил: «Политика Англии всегда заключалась в том, чтобы найти такого дурака в Европе, который своими боками защищал бы английские интересы» (28). Это давало возможность лондонскому кабинету воевать на материке, расходуя минимальные военные средства, делая упор на борьбу при помощи создания различных политических комбинаций против своих противников. Львиная доля военных сил таким образом освобождалась для операций по захвату колоний.

Поскольку конкурентами по колониальному разбою выступали европейские страны — в разное время такую роль играли Португалия, Голландия, Испания, Франция, то на полях сражений в Европе зачастую решалась и судьба колоний, которые в зависимости от поворота событий на континенте переходили из рук в руки.

Исследовательская группа английского Института международных отношений пишет об этом так: «На протяжении последних 400 лет Англия воевала в европейских войнах больше по имперским соображениям, чем по причинам сугубо европейского

характера. Англо-французские войны XVIII столетия были прежде всего колониальными войнами и затем уже европейскими войнами... Три войны, которые Англия вела между 1713 и 1789 гг., были войнами за достижение морского и колониального превосходства; ее европейская политика была подчинена соображениям создания империи в Индии и Америке... В Семилетнюю войну (1756—1763 гг.) Питт „завоевал Канаду на равнинах Германии". Субсидируя Фридриха Великого против Франции в Европе и послав английскую армию в сражение при Миндене, он дал возможность Волфу и Клайву захватить Канаду и Индию...» (29). В XVI в. Англия добилась победы в борьбе за колонии и морское превосходство с Испанией. В XVII в. также в пользу Англии закончилась борьба с Голландией.

В XVIII в. на пути к утверждению английского влияния в Европе, к приобретению новых владений, к созданию колониальной империи главным противником Англии стала Франция. Это явилось причиной ряда войн между двумя странами. Английские «войны против Людовика XIV были чисто торговыми войнами с целью уничтожения французской торговли и французского морского могущества» (30).

С большим трудом, постепенно Англия теснила своего противника. Ее победой закончилась война 1701—1714 гг. за испанское наследство, в результате которой Англия отняла у Испании Гибралтар, захватила обширные земли в Северной Америке, закрепила свое преобладание на морях. В 50-х годах англичане добились новой победы над французами в Северной Америке, прибав к рукам фактически всю Канаду и сделал мощный рывок в долину Миссисипи. Одновременно Англия одержала серьезную победу над Францией в Индии, где два колонизатора дрались за «право» создать свою колониальную империю. В феврале 1763 г. Парижский мирный договор зафиксировал крупную победу Англии, отнявшей у Франции огромные территории в Северной Америке, в Индии и кое-что в Африке.

Поражения Франции вели к тому, что в среде французской буржуазии десятилетиями нарастала ненависть к своему более удачливому противнику и вынашивались надежды и планы взять реванш при первом же удобном случае. Такой случай представился в самом конце XVIII и начале XIX в.

Еще до этой решительной схватки, когда в 1776 г. американские колонии Англии провозгласили свою независимость и Англия начала против них войну, Франция оказала помощь Соединенным Штатам. В силу ряда причин Англии пришлось признать свое поражение по Версальскому мирному договору 1783 г., но взаимная ненависть и жажда реванша лишь усилились с обеих сторон.

Что означало английское владычество в колониях, показывает пример Индии. В XVIII в. Англия воспользовалась благоприятной ситуацией, создавшейся в связи распадом единого государства в Индии — империи Великих Моголов — на многочисленные и зачастую враждующие друг с другом княжества, для того, чтобы любыми самыми коварными и гнусными способами захватывать одно княжество за другим. Подчиненные княжества использовались для завоевания очередных жертв. Из местных жителей набирались воинские части, при помощи которых велась война против тех, кто не желал признавать над собой английскую власть. Так Индию завоевывали в значительной степени руками самих индийцев.

И захват новых территорий, и ограбление уже захваченных земель осуществляла Ост-Индская компания, пользовавшаяся монопольным правом хозяйничания в Индии. За компанией стояло английское правительство и буржуазные круги Англии. Дж. Неру позднее писал, что ранняя история Британской Индии «является мировым рекордом обогащения бесчестным путем».

Чиновники Ост-Индской компании начинали с прямого грабежа и воровства: при подчинении очередного княжества военными средствами они присваивали прежде всего его казну. Затем — право сбора всех налогов, которое потом отдавали на откуп местным сборщикам при условии, что, львиная доля собранного пойдет в карманы колониальных чиновников. Монополии на торговлю отдельными товарами продавались за огромные деньги. Власть, сила и коварство использовались для ограбления

местных жителей самыми различными способами. Для повышения цен на продовольствие время от времени организовывали голод, уносящий миллионы жизней аборигенов и приносящий миллионные прибыли колонизаторам. Такими методами создавались баснословные состояния.

Плоды разбоя и грабежа в виде золота, драгоценностей и дорогих товаров широким потоком текли в банки Лондона. Состояния, которые тогда создавались, строились на крови, слезах и поте не только народов Индии. В Англии снаряжали специальные невольничьи корабли, которые загружались различными безделушками и мишурой и направляли к берегам Западной Африки. Здесь в обмен на привезенные почти ничего не стоившие вещи покупали у местных негритянских племенных вождей живой товар — негров-рабов. Битком набитые рабами корабли отправлялись в многонедельное путешествие через Атлантический океан к берегам английских колоний в Северной Америке, в Вест-Индию (острова в районе Карибского моря) и в испанские колонии в Южной Америке. Смертность в пути была огромной (иногда при перевозке погибало до 80% людей), но все равно «бизнес» приносил очень большие доходы.

Это был «бизнес» не отдельных пиратов и купцов-авантюристов, это была акция правительства, санкционированная королями и парламентом. Получаемые таким образом капиталы служили одним из источников финансирования промышленного переворота. Американские авторы Ш. и Д. Плиммеры пишут, что «торговля рабами создавала основу для производства англичанами сахара в Вест-Индии и для промышленной революции в Англии» (32).

Впервые Англия занялась подобным бизнесом в 1562г., когда некий сэръ Джон Хокинс снарядил корабль, пошел к берегу Западной Африки, «захватил 300 черных, продал их в испанских колониях и возвратился в Англию с большим успехом и выгодой» (33). В XVII столетии «работоторговля осуществлялась Англией, как часть государственной политики» (34). Король Карл II привел «английскую работоторговлю в систему» (35). Гигантские доходы от работоторговли явились основой для расцвета в Англии таких городов, как Бристоль и Ливерпуль.

Кульминации работоторговля достигла в середине XVIII в. За период с 1680 по 1786 г. только в британские колонии было доставлено свыше 2 млн. рабов (36).

Вот что представляла собой Англия XVIII в., официально претендовавшая на титул страны свободы и демократии. В этой связи вспоминается сказанное К. Марксом: «Разве она (буржуазия.— В. Т.) когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?»(37). И далее уже прямо об английской жизни, которую он изучал и пристально наблюдал: «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает respectable формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов» (38).

* * *

В таких условиях рос, мужал и действовал Горацио Нельсон. Поначалу обстоятельства ему благоприятствовали. В Англии XVIII в., как и во многих других странах и в разные времена, для того, чтобы сделать карьеру, совершенно недостаточно обладать необходимыми способностями и усердием. Требовалась поддержка сверху.

Страну поразила коррупция во всех звеньях, и флот не являлся исключением. Если молодому человеку не оказывали протекции представители политических кругов или государственного аппарата, то значение имело покровительство хотя бы со стороны какого-либо капитана флота. Здесь капитан Саклинг неизменно играл свою положительную роль на начальном этапе военно-морской службы Нельсона. «Единственная полезная связь,— пишет К. Ллойд,— которая была у семьи Нельсона,— это с братом его матери Морисом Саклингом, капитаном военно-морского флота» (39).

Рука Саклинга не только помогала двигаться по ступенькам служебной лестницы без особых препятствий, но и обеспечивала более ускоренное продвижение, чем предусматривалось правилами и традицией. Горацио же всегда проявлял выдающиеся

способности и усердие по службе, так что его покровителю никогда не приходилось досадовать на своего подопечного. Оба эти фактора гарантировали быстрый, как мы бы сказали в наше время, рост молодого морского офицера.

Нельсон начал службу не с рядового моряка, а с мичмана, что допускалось для выходцев из военно-морских семей. Родство с Саклингом давало ему такое право. Нельсона не могли взять на корабль ранее 15 лет, и тем не менее взяли в 12 лет. Его не могли назначить мичманом до того, как он прослужит на море четыре года, и тем не менее сделали, хотя он не прослужил даже одного дня.

После того как команда «Резонабля» была рассчитана и списана с корабля, Саклинг получил командование 74-пушечным «Трайэмфом», стоявшим в качестве сторожевого судна на реке Мидуэй. Нельсона Саклинг взял с собой. Тот официально состоял в штатах «Трайэмфа», но не прохлаждался на длительной стоянке, а нес морскую службу, дававшую ему разносторонний опыт и знания. Об этом была умная забота дяди.

В те времена различия между торговым и военным флотами не стали еще столь значительными, как позднее. Везде требовалось знать навигацию, уметь вести корабль, управляться с парусами, проводить мелкий ремонт корпуса и оснастки. И на торговом, и на военном корабле имелись пушки. Команда и того, и другого пускала в ход оружие, если сталкивалась с противником.

Но многие моряки предпочитали торговые корабли, поскольку на них и служба казалась интересней, и платили больше, и дисциплина не была такой жесткой, как на военных кораблях. Нельсон писал: «Прошло много недель, прежде чем я примирился с военным кораблем: настолько глубоко укоренилось предубеждение» (40).

Он имел возможность сравнить: Саклинг, сохранив Нельсона в штатах «Трайэмфа», устроил его на торговый корабль, шедший в Вест-Индию. Через четверть века Нельсон вспоминал: «...из этого рейса я возвратился в июле 1772 г. на «Трайэмф», стоявший в Четэме. И если я не улучшил свое образование, то все же возвратился опытным моряком» (41).

Саклинг немедленно назначил Нельсона на небольшое судно, действовавшее в устье Темзы. Именно тогда Нельсон приобрел некоторый опыт и знание лоцманского дела, неутомимо лавируя между запутанными и капризными мелями в нижнем течении Темзы и при впадении ее в море. Эти знания очень пригодились ему впоследствии (42).

В 1773 г. Нельсону удалось принять участие в полярной экспедиции. Два военных корабля были направлены на север, в сторону полюса, адмиралтейством по ходатайству Королевского общества (Академии наук). Юных моряков запретили брать в экспедицию, но Нельсон и еще два его сверстника ухитрились попасть на корабли. Успеха экспедиция не имела, суда оказались затертыми льдами. Наступил момент, когда капитаны решили их покинуть, но неожиданно подул благоприятный ветер, корабли вышли на открытую воду и благополучно вернулись в Англию.

Сохранился рассказ о том, как однажды Нельсон с приятелем, когда суда стояли во льдах, решил убить белого медведя. Они нашли его и попытались застрелить из мушкета, но оружие отказало и приятель дал мудрый совет — уходить. Однако Нельсон заявил, что попытается убить зверя прикладом. Чем бы закончилось это приключение, неизвестно, если бы капитан Лютвидж вовремя не сообразил, что происходит и не выстрелил из пушки. Медведь убежал.

Намного более опасным оказалось для Нельсона плавание в теплые моря, к берегам Индии. За 18 месяцев фрегат побывал почти во всех портах Индостана и Персидского залива. В конце плавания Нельсон тяжело заболел. Судя по симптомам, теперь это заболевание определили бы как малярию. Тогда лечить его не умели. Последствием заболевания явился временный паралич. Врач сказал, что больного нужно отправлять домой. Молодого мичмана («почти скелет») перенесли на фрегат «Долфин», направлявшийся в Англию.

Из устья Ганга до Портсмута было шесть месяцев пути.

Медленно, постепенно больной начал поправляться. Но именно с того времени на него стали находить приступы острейшей мучительной депрессии, чего ранее никогда не

случалось. Приступы депрессии сменялись большим подъемом душевных сил. В один из таких моментов он пережил мощный прилив патриотических чувств: «Мой король и моя страна предстали передо мной как мои покровители». И для того чтобы оправдать их покровительство, Нельсон сказал себе: «Я буду героем. Вверив себя providению, я буду храбро встречать любую опасность» (43).

Сейчас все это звучит высокопарно и неестественно. Но вряд ли стоит размышления Нельсона на борту фрегата «Долфин» приписывать экзальтации. Позднее, при совершенно других обстоятельствах, Нельсон не раз возвращается к мысли о величии подвига во имя короля и страны, которые ответят ему признательностью. Эта мысль пронзила сознание Нельсона перед началом Трафальгарского сражения.

Хотелось бы напомнить, что примерно в те же годы молодой Гёте воскликнул: «Прочь! Вперед! Прежде чем мы сломим себе шею, нам нужно покрыть себя славой» (44).

По возвращении в Англию Нельсона ожидала приятная новость. Капитан Саклинг был назначен контролером флота. Это — очень высокий и влиятельный пост. Следовательно, и поддержка Нельсону теперь могла стать более ощутимой.

В тот же день, когда экипаж «Долфина», на котором Горацио вернулся в Англию, получил расчет, Нельсон был зачислен на 64-пушечный корабль «Уорчестер» четвертым лейтенантом.

Через полгода, 9 апреля 1777 г., Нельсон предстал перед экзаменационной комиссией адмиралтейства и держал экзамен на чин лейтенанта. Он предъявил документы о том, что прослужил на море более шести лет, а также прекрасную аттестацию за подписями капитанов Саклинга, Лютвиджа, Фармера, Пигота и Робинсона, под началом которых плавал, Нельсон успешно ответил на вопросы членов комиссии — опытных моряков. В процедуре экзамена было только одно нарушение: Нельсон представил в комиссию удостоверение, свидетельствовавшее, что ему более 20 лет, тогда как ему еще не хватало пяти месяцев до 19. Но это нарушение существа дела не затрагивало. Комиссия признала его достойным занять должность лейтенанта. Правда, с патентом на чин лейтенанта, замечает Ж. Гравьер, «он мог еще долго прождать лейтенантского чина, но, к счастью, дядя его, капитан Саклинг ... легко выхлопотал племяннику своему чин, о котором многие мичманы английского флота вздыхают напрасно целую жизнь»(45). На следующий день после экзамена Нельсон получил назначение вторым лейтенантом на фрегат «Ловестов».

«Итак,— писал молодой лейтенант родным,— теперь я выпущен в мир, где я должен действовать самостоятельно. Я надеюсь, что буду делать это с честью для себя и своих друзей» (46).

* * *

У англичан — островных жителей — издавна и вполне естественно возник и постоянно усиливался интерес к морю — и, следовательно, к судам, его бороздившим. Борьба с соперниками за господство на морях, за приобретение колоний требовала пристального внимания к строительству флота. На это не жалели ни денег, ни людей,

В XVIII в. флот еще был целиком деревянным, парусным и вооруженным довольно примитивными пушками. Тем не менее корабли бороздили все моря и океаны. Английские капитаны, открывая новые земли, объявляли их владениями Великобритании. Суда делились на ранги в зависимости от размеров и вооружения. К первому рангу относились корабли со 100 пушками и небольшим по нынешним понятиям водоизмещением — 2000—2600 тонн. Экипаж их состоял из 850—950 человек. Ко второму и третьему рангу относились суда с несколько меньшим водоизмещением, вооружением и численностью команды. К четвертому и пятому рангам — суда, имевшие от 50 до 20 пушек; их тоннаж колебался от 1100 до 550 тонн, а численность экипажа — от 350 до 160 человек (47).

В первые три ранга входили линейные корабли — самые большие суда, участвовавшие в крупных сражениях. Тяжелые, обладавшие слабой маневренностью, они имели умеренный ход, но располагали самым мощным вооружением. Залп с одного

борта обрушивал на противника ядра общим весом в 2500 фунтов.

Ко времени Нельсона корабельная артиллерия устарела, пушки использовались столетней давности, точность, дальность и эффективность выстрела были недостаточными. В 1778 г. английская фирма «Каррон компани» предложила новую пушку — ее называли карронада — с намного более коротким стволом, чем у прежних пушек, а по мощи выстрела значительно их превосходившую.

На близком расстоянии карронада легко разбивала борта кораблей противника и производила страшные разрушения на палубах. К 1781 г. уже 400 английских кораблей были вооружены карронадами. Эти орудия весьма содействовали успеху английского флота в последовавших сражениях (48).

В четвертый и пятый ранги входили фрегаты, «глаза флота», как их называл Нельсон,— быстроходные суда с вытянутым корпусом, со средним по мощи вооружением. Очень подвижные, они вели разведку, поддерживали связь между эскадрами и адмиралтейством, выполняли поручения командующих эскадрами, а при случае вступали в бой с кораблями противника.

Строительство судов стоило очень дорого, требовало большого количества высококачественной древесины (в Англии были сведены почти все дубовые леса, дерево для судов доставляли из Северной Америки, Прибалтики, России), растягивалось на дол: 5—7 лет. Королевские верфи находились в Вулвиче, Портсмуте, Плимуте и в некоторых других портах. Более 3 тыс. рабочих были заняты на постройке судов, ими руководили сотни офицеров и инженеров, или, как их называли, «военно-морских архитекторов». Охрану верфей на случай возможной диверсии со стороны противника несли специальные отряды морских пехотинцев. Воровство и коррупция процветали. «Многие флотские офицеры в то время...— пишет сегодня Р. Харт,— не упускали случая набить собственные карманы, представляя фальшивые счета на работы, якобы выполненные для адмиралтейства» (49).

Войны Англии в XVIII столетии против Франции, Испании и североамериканских колоний, провозгласивших независимость, предъявляли свои требования к флоту. В 1756 г. примерно 50 тыс. человек числилось в штатах военно-морского флота; к 1780 г.— уже около 92 тыс., а к 1802 г.— до 129 тыс. (50) Большая часть военных моряков набиралась из числа тех, кто был так или иначе связан с морем: матросы торгового флота, рыбаки, речники и т. п. Однако в военное время моряков не хватало, и тогда при вербовке применяли силу.

Капитаны кораблей, вводимых в строй, направляли в близлежащие портовые города специальные отряды во главе с лейтенантами, которые силой захватывали на улицах, в пивных, кабаках и других общественных местах всех, кто, по их мнению, подходил для морской службы. Это действовали группы насильственной вербовки. Их командиров иронически именовали «желтыми адмиралами».

В 1792 г. премьер-министр Уильям Питт несколько упорядочил деятельность «желтых адмиралов», установив конкретное число лиц для насильственной вербовки в каждом городе или графстве. Однако произвол оставался отчаянным. Хватали любого, кто приглянется, выволакивали из постелей в гостиницах, из таверн, брали даже женихов из-за свадебного стола на глазах у охваченных ужасом невесты и родственников и тащили на стоявший неподалеку вспомогательный корабль, откуда после осмотра врачом доставляли на военный корабль — место постоянной службы. Сколько человеческих трагедий скрывалось за таким комплектованием флота! Время было жестокое.

Конечно, велась и добровольная вербовка на флот. Лейтенант с вербуемого корабля появлялся в портовом городе и, как правило, поблизости от стоянки открывал вербовочное бюро. Он имел ассигнования — фунт стерлингов в неделю на аренду помещения. Вывешивался флаг, грохотали барабаны, чтобы привлечь внимание. Многие приходили в вербовочное бюро. Их тут же старались накачать пивом и всучить «королевский шиллинг» — знак того, что данное лицо согласилось завербоваться. Было среди таких добровольцев много сомнительного люда — подмастерий, сбежавших с фабрик, воров и других людей, находившихся не в ладах с законом.

Теоретически насильственно захвачен для службы на флоте мог быть любой человек в возрасте от 18 до 55 лет, однако на практике данный порядок распространялся только на городские низы, на трудящихся — «джентльменов оставляли в покое, как членов высшего класса» (51).

Многие капитаны отрицательно относились к насильственно завербованным. Они именовали такое пополнение «мерзавцами», «несчастными созданиями, неспособными заработать даже половину того, что уходит на их пропитание» (52).

Вот почему немало попавших таким образом на корабль ждали только удобного случая, чтобы дезертировать. Зная это, капитаны на стоянках старались не отпускать экипаж на берег. В те времена, когда средства связи были очень несовершенны, разыскать дезертиров практически не удавалось. К тому же агенты торговых компаний не только подбирали дезертиров, но склоняли к дезертирству, подкупали и соблазняли к переходу на торговое судно моряков любого военного корабля, появлявшегося в порту.

Одной из важнейших причин, мешавших добровольной вербовкой укомплектовать флот, было то, что все хорошо знали, какова жизнь на военных кораблях. И дело заключалось отнюдь не в том, что жизнь моряка подвергалась опасности в случае столкновения с врагом. К этому относились как к чему-то естественному. Страшили плохое питание, эпидемии, жестокая дисциплина. Отсюда и массовое дезертирство, и восстания на кораблях.

Вновь прибывшего на борт корабля направляли в предназначенное для него помещение — точнее, на отведенное ему место. «Помещение» это представляло собой отгороженное двумя матерчатыми экранами пространство на палубе между двумя пушками. Здесь жили от 7 до 10 человек. У них были скамья и свисавший с потолка стол. Группа держала свою еду в большом оловянном сосуде, который называли «китл», и грог в сосуде под названием «манки», т. е. обезьяна. Спали моряки в подвесных койках — гамаках, представлявших собой кусок парусины, подвешенный с двух концов к потолку. Каждый имел по два гамака: один находился в пользовании, другой — в стирке или проветривался на палубе. Стирал свой гамак, конечно, сам владелец. Официально для подвешивания одного гамака предназначалось пространство в 14 дюймов⁴. Теснота была страшная. Чуть посвободнее становилось в тех случаях, когда моряки поочередно несли вахту: одна группа занималась своими обязанностями, вторая отдыхала.

На рассвете боцман сигналом дудки поднимал команду и выводил ее на палубу для утренней уборки. Сигнал боцмана гласил: «Все руки на палубу», что по смыслу можно перевести на русский, как «Все вверх!». Палубы мыли и скребли пористыми «священными камнями», названными так из-за их формы, напоминавшей большую книгу, — Библию. Стенки мыли, пушки надраивали, гамаки проветривали и т. д. После завтрака члены экипажа расходились по местам и начинались занятия по специальности — одни тренировались в работе с парусами, артиллеристы отрабатывали навыки обращения с пушками. По воскресеньям на палубе корабельный священник служил обедню. Как свидетельствуют современники, «на обедню команду обычно сгонял боцман, как пастух овец; он не жалел при этом ни ругани, ни кулаков» (53).

Вообще-то обедня была мероприятием платным. Моряки получали в те дни от 19 до 25 шилл. в месяц. Но из этой суммы делались вычеты: четыре пенса священнику, два — хирургу, шесть пенсов — на Гринвичский госпиталь (учреждение для моряков — инвалидов и престарелых) и шесть — в специальный «фонд благосостояния». Жалованье выплачивалось только по окончании рейса, когда корабль возвращался в порт.

Очень острой проблемой, как уже говорилось, было питание на борту во время длительного плавания. В английских портах на корабль грузили живых быков, коров, овец, коз, свиней и домашнюю птицу, до через некоторое время в море эти запасы иссякали, и команда переходила на соленую говядину и свинину.

На завтрак морякам давали обычно овсянку на воде или так называемый «шотландский кофе», т.е. высушенные и обожженные куски хлеба, разваренные в

⁴ Дюйм — 2,54 см.

кипящей воде, в которую добавлялось немного сахара. Моряки очень не любили солонину. «Она была тверда, как камень,— свидетельствует современник,— жилистая, засохшая, потемневшая, хрящеватая, усыпанная сверкающими кристаллами соли... Соленая свинина вообще была лучше соленой говядины, но моряки вырезали и из той, и из другой различные игрушки и коробки. Утверждали, что вещи из мяса так хорошо полировались, как если бы они были изготовлены из мелкозернистой древесины»(54). Офицерский состав, конечно, обеспечивался высококачественным питанием. Свежий хлеб на кораблях не выпекался, а сухари вызывали большое недовольство. В них заводились различные насекомые и черви, от которых никак нельзя было избавиться. Оставался единственный выход — жевать сухарь в темноте, чтобы не видеть, как он выглядит.

Утешением для моряков в плавании была ежедневная порция грога, выдаваемая вечером. Порция равнялась пинте, т. е. примерно половине литра. Грог состоял из одной части рома и трех частей воды с добавлением лимонной кислоты и сахара. Моряки строго следили за соблюдением этих пропорций. Увеличение доли воды в гроге вызывало немедленно бурный протест. Грогом моряки платили друг другу долги — на судне он ценился выше денег.

Неполноценное питание, без свежих овощей и, следовательно, без витамина С, скученность, отсутствие гигиены (адмиралтейство не предусматривало средств даже на выдачу мыла) имели своим последствием массовые заболевания, которые тогдашняя медицина почти не умела ни предотвращать, ни лечить. Цинга была на первом месте по распространению. Затем желтая лихорадка, свирепствовавшая на судах, ходивших в Ост-Индию и Вест-Индию. Нередко вспыхивали эпидемии тифа. Линейный корабль «Стирлинг-касл», действовавший в Ла-Манше с экипажем в 480 человек, однажды через несколько недель вынужден был возвратиться в Портсмут из-за того, что 320 человек заболели тифом. Крупные неприятности причиняли венерические заболевания.

При таких условиях жизни на кораблях дисциплина, естественно, поддерживалась жестокими мерами. Кодекс военно-морской дисциплины, действовавший в XVIII в., был составлен за многие десятилетия до этого, т. е. во времена еще более жестокие. Наказывали за малейшее непослушание, за неудовлетворительное выполнение, по мнению офицера, служебных обязанностей, за кражу, за пьянство и многое другое. За небольшие нарушения пороли плеткой-девятихвосткой, введенной еще в 1698 г. Чем серьезнее нарушение, тем большее количество ударов получал нарушитель. Очень тяжелым наказанием было протаскивание под килем. Провинившегося привязывали к веревке, опускали за борт и вытягивали полузадохнувшегося с другого борта.

Любое неповиновение или угроза офицеру рассматривались как бунт. И тогда созывался военно-полевой суд, выносивший немедленно приговор, всегда одинаковый — смертная казнь. Приговор тут же на глазах всей команды приводился в исполнение. Несчастливого вешали на рее.

Особенно страдали моряки в тех случаях, когда среди офицеров попадались люди, которые, наказывая матросов и издеваясь над ними, просто наслаждались. Встречаются люди, испытывающие радость от страданий ближнего. «Избиение и порка,— пишет Р. Харт,— назывались «уклоном»⁵, и некоторые офицеры были известны тем, что получали удовольствие, подвергая моряков этому наказанию» (55).

Удовольствие испытывали, притесняя других, многие на корабле — те, кто обладал хоть какой-нибудь властью или видимостью ее. Начальник хозяйственной части судна (мы бы назвали его завхозом), в обязанности которого входила выдача матросам провизии и некоторых других вещей, мог превратить эту простую процедуру в унижительно-издевательской форме. Даже мичманы, находившиеся по корабельной

⁵ Название происходит оттого, что подвергаемый порке матрос полуголым привязывался за руки и ноги к наклонной решетке.

иерархии между матросами и офицерами, любили поиздеваться над рядовыми моряками.

Юные мичманы помогали передавать команды матросам, учились по мере возможности навигации, сигнальному и артиллерийскому делу. Нельсон в свое время служил мичманом и старательно изучал все, с чем связана служба на корабле. Но, как пишет Р. Харт, «многих мичманов ненавидели рядовые моряки». Он приводит свидетельство современника об одном мичмане, «единственным удовольствием для которого было оскорблять чувства моряков и изобретать предлоги для наказания их... Ему было не более двенадцати или тринадцати лет. Я часто видел, как он садился на лафет пушки, подзывал к себе матроса и давал ему пинка в зад или другое место... И хотя это были матросы первого класса, они не смели даже ворчать» (56). Если бы они попытались дать отпор, то их действия расценили бы как бунт со всеми вытекающими последствиями. Все это не только не нужно было для военно-морского дела, но вызывало острое чувство несправедливости, а такое чувство трансформировалось в ненависть, которая накапливалась, густела, становилась тяжелой и при случае искала выхода.

В английском флоте, что характерно для любого института в классовом антагонистическом обществе, существовала огромная разница в условиях жизни на кораблях матросов и офицеров. Даже самый нижний офицерский дин — лейтенант — имел отдельную каюту. Корабли были, по нашим понятиям, небольшие и каюта могла быть небольшой — 7 на 4 фута⁶, но все-таки это было отдельное помещение.

Каждый вечер офицеры обедали вместе в комфортабельной кают-компани. Корабельные коки составляли для них сложное и обильное меню. Вином их обеспечивали высокого качества и в избытке за счет казны. Столы накрывались хорошими скатертями, сервировались фарфором и серебром. У каждого офицера был слуга, стоявший во время обеда у него за спиной. Обед обычно заканчивался коньяком в хрустальных рюмках и тостом в честь его величества короля. Капитан обедал в своей просторной и роскошной каюте на корме, часто приглашал в гости офицеров, а если судно стояло в порту, то гостями капитана были местные высшие власти и английские представители. Далеко не все капитаны могли расходовать большие деньги, вести широкий образ жизни, но стремились, тянулись все.

До XVIII столетия моряки одевались кто как мог и хотел. Теперь адмиралтейство стремилось ввести единообразие. Постепенно одна форма сменяла другую, и во времена Нельсона утвердился прочно и надолго цвет нейви-блю, т. е. темно-синий. Синими были форменная куртка, брюки, жилет, которые украшались металлическими пуговицами с маленьким якорем. Моряки покупали форму у судового завхоза за свой счет, стоила она довольно дорого, но адмиралтейство не настаивало на том, чтобы все были одеты строго по форме, допускались вольности. Правда, некоторые капитаны пытались одеть свои команды строго по форме, но тогда им приходилось оплачивать форменную одежду из собственных средств, по крайней мере частично.

И рядовые моряки, и офицеры отпускали длинные волосы, которые туго стягивались в пучок, перевитый лентой, — его называли «свиной хвост». Длина «хвоста» достигала иногда 30—40 см.

На военных кораблях, кроме экипажа судна, как правило, находился отряд морской пехоты.

Морские пехотинцы в английском флоте были введены еще в середине XVII в. Вооруженные мушкетами и тесаками, они играли важную роль при захвате вражеских судов и в военных действиях в портах противника. Морские пехотинцы выполняли и полицейские функции на кораблях и в портах. Французы и испанцы также имели морскую пехоту.

Пехотинцы получали более высокое жалованье, чем моряки, одевались аккуратнее, отличались более высокой дисциплинированностью. Они жили отдельно, весь день проводили в тренировках: отбатывали методы владения холодным и

⁶ Фут — 30,48 см.

огнестрельным оружием. В те времена корабли в бою нередко сходились очень близко или «сваливались», т. е. оказывались вплотную друг к другу, борт к борту. Морские пехотинцы тут же взбирались на снасти и брали на прицел на палубе корабля противника офицеров и матросов. Их огонь с близкого расстояния был весьма эффективным. Когда же подавалась команда «На абордаж!», пехота перебиралась на корабль, где закипала горячая рукопашная схватка. Нельсон любил такие стычки.

* * *

Как мы помним, в апреле 1777 г. Нельсон сдал необходимые экзамены, получил патент на чин лейтенанта и назначение на фрегат «Ловестов». Накануне отплытия второго лейтенанта Нельсона на фрегате «Ловестов» в Вест-Индию Саклинг напутствовал его советом. Старый капитан напомнил молодому моряку, что «военное судно должно всегда иметь реи выправленные и снасти обтянутые, что ни одна веревка не должна висеть снаружи, что к 8 часам утра койки должны быть связаны и уложены в сетки, что палубы и наружность судна нужно обмывать каждый день, матросское белье мыть два раза в неделю и что никогда не должно ни ставить, ни убирать паруса поодиночке, ибо ничто не дает судну такого характера вялости» (57).

Это были последние проявления заботы Саклинга о судьбе племянника. В июле 1778 г. Морис Саклинг скончался, и Нельсон оказался предоставленным самому себе. Поначалу он даже растерялся. В разговоре с отцом Нельсон сказал: «Я очень обеспокоен», «настолько обеспокоен сейчас, что не могу писать» (58).

Назначение на «Ловестов» можно считать счастливым для Нельсона. Это был 32-пушечный фрегат, т. е. корабль значительно более подвижный и даже комфортабельный, чем линейный, предоставлявший молодому офицеру наилучшие возможности для совершенствования в морском деле. Нельсону повезло со своим непосредственным начальником. Фрегатом командовал капитан Уильям Локер, человек умный, тактичный, внимательный. Он сразу заметил усердие и способности Нельсона и проникся к нему симпатией, впоследствии переросшей в дружбу, которую оборвала только смерть Локера в 1800 г.

Удачным было для Нельсона и то, что корабль направлялся в Вест-Индию, точнее на Ямайку. Тогда все сильнее разгоралась война, начавшаяся в 1775 г. между Англией и ее североамериканскими колониями, объявившими независимость, а это означало как возможность отличиться в бою, так и возможность продвинуться по службе, ибо убывало офицеров в ходе военных действий немало. К тому же существовал и постоянный фактор — тропический климат и вызываемые им заболевания. На флоте бытовал тост: «За кровопролитную войну и сезон несущий болезни». Если к столь «благоприятным» обстоятельствам прибавлялось еще благорасположение начальства — капитана корабля и адмирала, командующего станцией, то карьере можно было сделать очень быстро. Если, конечно, до этого схватка с противником или желтая лихорадка и дизентерия не ставили точку и на карьере, и на жизни честолюбивого моряка.

Нельсону везло — он миновал, хотя и не без труда, все опасности, которые таила служба в Вест-Индии, и воспользовался всеми преимуществами, которые она давала. Нельсон получил в свое распоряжение шхуну, приданную фрегату «Ловестов», и на ней прошел через многие проливы, разделяющие острова Карибского моря. Накапливался опыт хождения и действий в узких проливах и по мелководью, который в будущем ему очень пригодился.

К этим дням относится инцидент, показывающий, как формировался характер Нельсона. Однажды в крайне ненастную погоду фрегат «Ловестов» настиг американский капер — вооруженное частное торговое судно, промышляющее нападениями на торговые суда неприятеля. Для того чтобы захватить его, надлежало высадить на него группу моряков с фрегата. Первый лейтенант «Ловестова» предпринял попытку высадиться, но из-за сильных волн вернулся на свой корабль. Тогда капитан Локер крикнул: «Неужели у меня на корабле нет офицера, который мог бы подняться на борт вражеского судна?!». Тут же к трапу бросился штурман, чтобы спуститься в шлюпку. Но Нельсон его остановил: «Теперь моя очередь, и, если я вернусь ни с чем, наступит ваша»

(59). Нельсон, несмотря на бурю, взобрался все-таки на борт судна.

Через год после прибытия в Вест-Индию Локер серьезно заболел. Болезнь могла заставить его покинуть фрегат и возвратиться в Англию. Поэтому он организовал перевод своего любимца на флагманский корабль станции — «Бристоль», на котором главнокомандующий сэр Питер Паркер держал свой флаг. Способный и усердный лейтенант, характер которого привлекал к нему людей и вызывал у них симпатию, служа на глазах у адмирала, получил редкую возможность для дальнейшего продвижения. Это обстоятельство, а также война и тропический климат привели к тому, что Нельсон, вступивший на борт «Бристоля» в июле 1778 г. третьим лейтенантом, к концу сентября уже стал первым лейтенантом, «в порядке преемственности», как он говорил (60).

Молодой Нельсон понравился адмиралу Паркеру и, что также немаловажно, его жене. Позднее, когда Нельсон стал уже адмиралом, леди Паркер писала ему: «Сэр Питер и я всегда относились к вам, как к сыну». Нельсон знал и ценил то, что для него сделал адмирал Паркер. В 1801 г. в письме леди Паркер он признавался: «...своим положением в жизни я обязан тому добру, которое сделали Вы и сэр Питер для меня, Вашей благосклонности ко мне и дружеской поддержке Мориса Саклинга» (61). Нельсон умел помнить добро, которое ему делали, когда он был маленьким человеком, и в сиянии славы не забывал тех, кто сделал это добро. Черта характера, которая далеко не часто встречается в жизни.

Тогда же в Вест-Индии у Нельсона завязалась дружба с молодым моряком его возраста и ранга К. Коллингвудом. Он шел в буквальном смысле по стопам Нельсона. На каждый корабль, который покидал Нельсон, тут же назначали Коллингвуда — способного моряка, тоже пользовавшегося поддержкой Паркера.

В июне 1779 г. Нельсона (ему не хватало трех месяцев до 21 года) назначили капитаном фрегата «Хинчинбрук». «Я получил этот ранг,— писал Нельсон,— благодаря тому, что выстрелом был убит капитан судна, и я самым искренним образом надеюсь, что, когда наступит мой час покинуть этот мир, я покину его таким же путем» (62). Слова оказались пророческими...

Стать капитаном в 20 лет — это очень большой успех и большое достижение для моряка. Еще более важно было другое: теперь никто не мог обойти его по службе. В английском флоте офицеры производились в очередной чин независимо от сроков получения этого чина другими офицерами, т. е. вне очереди, только до капитана включительно. Продвижение благодаря способностям, протекции, благоприятным обстоятельствам (открытие вакансий) заканчивалось на капитане. Капитан становился адмиралом только по старшинству, когда подходила его очередь. Никакие силы не могли обеспечить капитану адмиральский флаг вне очереди, и никакие силы не могли помешать ему получить его, когда подойдет очередь. Вот почему чин капитана на флоте имел особую привлекательность и очень высоко ценился. Такой порядок обеспечивал устойчивость и надежность положения капитана. Естественно, не каждый, даже хороший, капитан мог быть хорошим адмиралом и успешно командовать эскадрой. А если в интересах дела адмиралтейство считало, что тому или иному капитану нужно дать чин адмирала, хотя очередь его еще не подошла, то звание присваивалось всем его предшественникам и ему. Число адмиралов в английском флоте не ограничивалось, и адмиралтейство свободно маневрировало. Разумеется, при назначении адмиралов на должность очередности не устанавливали, решали лорды адмиралтейства этот вопрос по своему усмотрению.

Пока Нельсон дождался первого адмиральского чина, прошло 18 лет. Немало. Но поскольку он оказался в ранге капитана раньше многих других, то адмиральский флаг поднял в 38 лет — в расцвете сил и способностей. Его выдающиеся соратники становились адмиралами в 45—50 лет (Коллингвуд, Сен-Винсент и др.).

Приняв командование «Хинчинбруком», Нельсон с большим удовольствием отправился в район, входивший в сферу действия его станции. Плавание закончилось удачно и выгодно. Были захвачены призы — суда и товары противника, причем вознаграждение, пришедшееся на долю Нельсона, составило примерно 800 ф. ст. Это —

крупная сумма, но симпатизирующие Нельсону биографы с сожалением отмечают, что если бы он оставался на «Ловестове», то оказался бы значительно богаче. Примерно в то время «Ловестов» участвовал в рейде на испанский форт в Гондурасском заливе, где находились испанские суда, груженные драгоценными металлами, предназначенными для доставки в метрополию. Все это захватили англичане, и пришедшиеся на долю команд кораблей, участвовавших в рейде, призовые деньги были очень велики.

В английском флоте захват в сражении призов всячески поощрялся. В адмиралтействе существовал специальный отдел, ведавший призами. Особенно устраивал адмиралтейство захват вражеских судов. Это был важный и очень дешевый источник пополнения английского флота. На постройку нового корабля требовались годы и очень большие деньги. А ремонт судна противника отнимал всего несколько месяцев при небольших материальных затратах.

Упорно охотились англичане за вражескими кораблями, которые везли золото из колоний в метрополию. Когда приз доставлялся в Портсмут или другой английский порт, туда прибывал уполномоченный адмиралтейства для определения его стоимости. В Лондоне тщательно изучали относящиеся к делу материалы и устанавливали призовую сумму. Большая часть призовых денег распределялась среди экипажа судна — от рядового матроса до капитана (разумеется, не поровну, а в соответствующей пропорции).

Призовыми деньгами привлекали матросов при вербовке на флот. В городах вывешивались такие плакаты: «Требуются три матроса 1-й статьи или не моряки для службы на корабле его величества „Лайвели“. Те, кто поступит на эту службу, будут направлены на захват богатых испанских галеонов и впоследствии возвратятся окруженные почетом и нагруженные долларами; они проведут остаток своих дней в мире и богатстве» 63. И действительно, если матросу везло, он в течение часа мог заработать призовых денег больше, чем за всю жизнь, трудясь на берегу. Но везло очень немногим. И тем не менее соблазн оказывался велик. Моряки самоотверженно гонялись за призами и, не задумываясь об опасности, бросались на abordаж. Нередко адмиралы и капитаны, особенно если они находились в районе военных операций, составляли значительные состояния из призовых денег. Что касается Нельсона, то его отец и члены семьи в Бёрнем-Торпе вздохнули свободнее, когда он стал посылать им призовые деньги, добытые в Вест-Индии.

Самый богатый приз, захваченный англичанами в XVIII столетии,— груженный золотом испанский корабль «Гермион». Он шел из Лимы (Перу) в Кадис и был взят 10 в 1762 г. Приз оценили более чем в полмиллиона фунтов стерлингов. Из этой суммы английский адмирал получил примерно 6500 ф. ст., офицеры, естественно, получили меньше, а на долю каждого матроса и морского пехотинца пришлось по 485 ф. ст. Большие деньги по тем временам. Жалованье матроса первой статьи составляло тогда 25 шилл. в месяц.

В 1780 г. Нельсон имел случай проявить силу характера и самоотверженность при обстоятельствах, необычных для офицера военно-морского флота.

Шла война Англии против Соединенных Штатов Америки. Ее бывшие колонии в Северной Америке в 1776 г. провозгласили независимость. Новое государство — Соединенные Штаты Америки — начало самостоятельное существование. В 1778 г. на стороне США выступила Франция, а через год к франко-американскому союзу присоединились Испания и Голландия. И на суше, и на море обстоятельства складывались не в пользу Англии.

В столь неблагоприятных условиях губернатор Ямайки проявил инициативу, которая в случае успеха могла иметь далеко идущие последствия. Он предложил доставить в устье реки Сан-Хуан (сегодня по этой реке проходит граница между Никарагуа и Коста-Рикой) отряд солдат. Территорией (она именовалась Гондурас) владела Испания. Отряд должен был, подавляя сопротивление испанцев, продвигаться вверх по реке, занять испанский форт Сан-Хуан и, опираясь на него, пойти дальше вверх по течению до озера Никарагуа. Считалось, что с озера испанцы будут также выбиты и затем легко удастся преодолеть узкую полосу суши, отделяющую озеро от Тихого океана, и по пути

захватить богатые города Гранаду и Леон. План был грандиозным.

Англичане получили бы краткий путь, связывающий Атлантический и Тихий океаны, по реке и озеру. В случае удачи Северная Америка оказалась бы отрезанной от Южной и Англия приступила бы к отвоеванию Южной Америки у Испании. В Лондоне кое-кто уже думал, что вместо колониальной империи, которую Англия теряла в Северной Америке, она обретет обширную империю в Южной Америке. В общем голова кружилась не у одного губернатора Ямайки, но и у министра колоний в английском правительстве в Лондоне и некоторых других членов кабинета.

Для реализации такого грандиозного плана требовались крупные силы. Англия, проигрывавшая войну против США, Франции, Испании и Голландии, такими силами не располагала. Авантюра была обречена на провал с самого начала. На Ямайке наскребли около 500 солдат и горстку морских пехотинцев. Нельсон получил приказ доставить отряд в устье реки Сан-Хуан. Когда ему объяснили задачу экспедиции, он заметил: «Одному богу известно, что из этого получится» (64).

Организаторы экспедиции допустили множество ошибок. Время было выбрано в конце сухого сезона, когда река обмелела и даже небольшие суденышки пробирались с трудом: их часто приходилось тащить волоком. Операция проходила в джунглях, что увеличивало трудности — люди гибли не только от болезней, но и от укусов ядовитых змей. Уже к месту назначения многие солдаты были доставлены больными. Наконец, не оправдался расчет на то, что удастся завербовать большое число местных индейцев, которые предоставят экспедиции лодки, будут выполнять тяжелые физические работы и станут проводниками в джунглях и лоцманами на незнакомой реке. Как только «Хинчинбрук» и транспорты появились у берега, индейцы бежали в глубь страны. Они решили, что англичане пришли переловить их и отправить рабами на плантации Ямайки.

Корабли Нельсона останавливались в нескольких местах побережья. Они все-таки собрали некоторое число индейцев и, наконец, прибыли к устью реки Сан-Хуан. Отсюда Нельсон в соответствии с данными ему инструкциями мог возвратиться на Ямайку. Но оказалось, что никто в экспедиции не знает реки и ни у кого нет представления, где и какие испанские укрепления существуют в этом районе. Нельсон и сам не знал, но решил принять дальнейшее участие в экспедиции. 200 человек, высадившись с «Хинчинбрука», на двух лодках, принадлежавших фрегату, во главе с капитаном двинулись вверх по реке.

Нельсон и его люди подавали пример упорства и настойчивости. В основном благодаря их усилиям удалось продвинуться до укрепленного острова св. Варфоломея. Нельсон повел моряков на абордаж — он и на суше говорил языком моря — и испанцы бежали, по существу не оказав сопротивления. До форта Сан-Хуан оставалось 16 миль⁷. Их преодолели, хотя и с большим трудом. Моряки опять хотели пойти на абордаж, но пехотное командование приняло решение взять форт осадой.

Начался сезон дождей, болезни косили людей, дело затягивалось, индейцы стали разбегаться. Наконец, и Нельсона свалила дизентерия. 23 апреля его отправили из лагеря к морю. Через день форт капитулировал. Расчет на то, что в нем будут захвачены продовольствие и припасы, не оправдался. Экспедиция провалилась, но не из-за сопротивления испанцев, а потому, что болезни унесли большую часть солдат и моряков. Из 200 моряков с «Хинчинбрука» остались в живых только десять. Когда Нельсон прибыл на Ямайку, его пришлось сносить на берег в подвесной койке, сам передвигаться он не мог.

Англичане владели фортом Сан-Хуан всего пять месяцев. Из 1800 человек, участвовавших в экспедиции (время от времени на реку прибывали подкрепления), уцелели и возвратились только 380 (65).

Поведение Нельсона на реке Сан-Хуан получило высокую оценку начальства. Командир отряда доносил в штаб: «Я не нахожу слов, чтобы выразить, как я обязан этому джентльмену. Он был первым во всех делах днем и ночью...» (66). Губернатор Ямайки писал министру колоний, что о заслугах Нельсона нужно доложить королю.

⁷ Миля — 1,6 км.

Заботу о тяжело больном молодом капитане проявили адмирал Паркер и его жена. Однако он не поправлялся. 30 августа 1780 г. капитан Нельсон подал рапорт адмиралу Паркеру: «Сэр! Будучи последние месяцы очень нездоров... прошу Вас любезно дать мне разрешение отправиться в Англию» (67). Разрешение он получил и через пять дней в качестве пассажира на фрегате «Лайон» отправился на родину. Командовал фрегатом его друг Уильям Корнваллис; он по традиции флотского братства заботился о коллеге и оказывал ему постоянное внимание. «Лайон» достиг Англии 24 ноября 1780 г.

Здоровье Нельсона было серьезно подорвано, однако железная воля, жажда деятельности помогли ему преодолеть недуг. После сравнительно недолгого пребывания на водах в Бате он почувствовал себя лучше и смог поехать в Лондон. Просьба Нельсона вернуть его на службу и дать корабль была удовлетворена. Война продолжалась, и флот нуждался в боевых капитанах.

В августе 1781 г. Нельсон получил командование фрегатом «Албемарль» — кораблем, по мнению многих моряков, неважным. За год до этого его захватили у французов. В Англии торговое судно наскоро переоборудовали в 28-пушечный фрегат, заменили название и ввели в состав военно-морского флота. Бывший французский «купец», плохой ходок, едва слушавшийся руля, слыл невезучим. Но Нельсон был рад получить корабль и словно не замечал недостатков «Албемарля».

Важной задачей военно-морского флота в военное время являлась охрана торговых судов в пути. Их собирали в большие так называемые конвои и под прикрытием военных кораблей проводили от одного порта до другого. Именно этим и занимался Нельсон зимой 1781 — 1782 гг. Однажды вместе с двумя другими фрегатами «Албемарль» вел конвой от Хельсингёра (Эльсиноры), из Дании, до Грейт-Ярмута в Юго-Восточной Англии.

Вышло 260 судов, а до места назначения добрались только 110. В походе Нельсон жаловался, что после тропиков его теперь подвергают испытанию холодом. Северное море было не таким уж северным, но Нельсон плохо переносил даже не очень резкие перепады температуры.

Вскоре подтвердилась «невезучесть» новоиспеченного фрегата Нельсона. Капитан уже получил приказ принять запас провизии на восемь месяцев и возликовал, предвкушая дальнейшее плавание, как однажды в утренней темноте в штормовую погоду стоявший невдалеке крупный торговый корабль сорвался с якорей и ударил всей своей массой по «Албемарлю». Фрегат получил тяжелые повреждения. Чинили его три месяца.

В апреле 1782 г. «Албемарль» с другими судами вышел в составе конвоя в Америку и прибыл на станцию Ньюфаундленд. Затем по реке св. Лаврентия пришел в Квебек. Нельсону Канада очень понравилась — и природа, и климат — он называл ее «прекрасной Канадой». Здоровье Нельсона заметно улучшилось, и он радовался этому. Нельсон писал домой, что раньше ему и в голову не приходило, какое большое счастье — здоровье. Похоже, что жизненный опыт шел ему впрок.

В Квебеке Нельсон познакомился с англичанином шотландского происхождения Александром Дависоном — 33-летним купцом и судовладельцем. Возникшая между ними дружба продолжалась многие годы.

В 1782 г. Нельсон влюбился в 16-летнюю дочь начальника военной полиции Квебека Симпсона и решил жениться. Он был горячей, эмоциональной, увлекающейся натурой. И трудно сказать, чего больше принесла ему эта черта характера — счастья или несчастий. Дависон энергично воспротивился необдуманному шагу. Он объяснил, что женитьба на мисс Симпсон будет означать конец морской карьеры Нельсона, да к тому же он за время очень краткого знакомства явно не мог достаточно хорошо узнать ее. Убеждения подействовали.

В ноябре 1782 г. фрегат Нельсона прибыл в Нью-Йорк, бросив якорь в 20 милях южнее Манхаттана. Интересны впечатления 24-летнего Нельсона об английской общине в Нью-Йорке, в те годы, почти два столетия назад, когда Америка еще воевала за свою независимость. Нельсон писал Локеру 17 ноября: «Деньги — единственная главная цель здесь; ни о чем ином не заботятся» (68).

В Нью-Йорке Нельсон познакомился с 17-летним принцем Уильямом Генри (сыном царствовавшего короля Георга III), который служил мичманом на корабле «Барфлер». Командующий английскими военно-морскими силами в этом регионе адмирал Худ держал свой флаг на «Барфлере». Принц впоследствии вспоминал, что он нес вахту на палубе, когда увидел «ну просто мальчика в форме капитана». Это был Нельсон, явившийся по вызову адмирала. Капитан был одет в несколько старомодного покроя форму, отделанную кружевами; обращал на себя внимание его необычайно длинный «свиной хвост». И опять знакомство переросло в дружбу, если можно говорить о дружбе между сыном короля и небогатым капитаном. Во всяком случае, они регулярно переписывались впоследствии, и принц сохранял все письма Нельсона.

Эскадра адмирала Худа должна была отправиться в Карибское море, и Нельсон просил включить его фрегат в число уходящих туда судов. Адмиралы легко договорились о переходе фрегата Нельсона в эскадру лорда Худа.

Война заканчивалась, но на английских кораблях в Карибском море не знали, наступил мир или нет. Наконец, корабли получили приказ возвращаться в Англию. «Албемарль» пришел в Портсмут в июне 1783 г., и экипаж был рассчитан. Когда Нельсон прощался с командой, моряки заявили, что, если он получит новое судно, весь экипаж, как один человек, явится для службы на новом корабле. Ценное свидетельство отношений, которые устанавливались у Нельсона с подчиненными.

Лорду Худу, вероятно, понравился Нельсон. 11 июля, когда адмирал направлялся на прием к королю, он взял Нельсона с собой в Сент-Джеймский дворец и представил Георгу III.

Условия мирного договора между Англией и США были выработаны в 1782 г., а в силу он вступил после подписания — 3 сентября 1783 г. Договор говорил о признании Англией независимости США. Как отмечал В. И. Ленин, «война американского народа против разбойников англичан» 69 закончилась поражением Англии. Одновременно Англия заключила мир с Францией и Испанией.

* * *

У англичан живет неистребимая страсть к путешествиям. Их прежде всего тянет на Европейский материк. Там и теплее, и море лучше, и древняя цивилизация, оставившая массу памятников культуры. Практические соображения также учитываются: Европейский материк рядом, следовательно, добраться туда недорого, жизнь там дешевле, чем в Англии, наконец, если есть желание и потребность, то можно изучить французский язык, поселившись на время во французской семье. Сразу после мира 1783 г. поток англичан хлынул на континент. Читатель, конечно, догадывается, что речь идет о более или менее состоятельных англичанах. Среди них был и не очень состоятельный капитан Нельсон.

Его привело во Францию намерение изучить французский язык. Он говорил, что знание этого языка необходимо английскому морскому офицеру. И действительно, в Англии считали французов естественными врагами, воевать с которыми приходилось столетиями — с перерывами, конечно. А знать язык противника было весьма желательно, ну хотя бы при оформлении захваченных призов.

Нельсон высадился на французском берегу, в Кале, 23 октября 1783 г. Он испросил отпуск у адмиралтейства «по личным мотивам». Переход из Дувра занял всего три с половиной часа. Дорога до Сент-Омера, экипажи и многое другое не понравилось Нельсону. В конце концов он поселился в одной семье в Сент-Омере, приобрел грамматику французского языка Шамбо, на титульном листе которой написал: «Горацио Нельсон начал изучать французский язык первого ноября 1783 года». Намерение капитана так и осталось неосуществленным.

Нельсон был очень волевым человеком, но у него не хватило характера справиться с французским языком. Может быть, сказалось и то, что в повседневной жизни английские моряки не очень-то ощущали потребность во французском языке.

Во всяком случае, вряд ли приобретению языковых познаний помешала любовь. А любовь опять ворвалась в его жизнь. Нельсон познакомился с английской семьей —

пастора Эндрюса. И вместо общения с французами стал ежедневно общаться с членами этой семьи. В семье было много детей — Нельсон так и не разобрался сколько, но внимание молодого капитана привлекли две дочери. Они мило играли и пели и быстро очаровали Нельсона. Он влюбился в старшую, и снова готов был жениться,

Вначале Нельсон думал, что невеста бедна. Затем как-то выяснилось, что у нее есть тысяча фунтов, но в общем и этого было маловато для создания семьи. И Нельсон 14 января 1784 г. написал дяде Уильяму Саклингу, Он сообщил, что у невесты есть тысяча фунтов, его собственный доход составляет 130 ф. ст. в год и если бы дядя дал ему еще 100 ф. ст. в год, то все было бы хорошо (70).

Дядя согласился, но брак не состоялся. Невеста в конце концов отказала Нельсону. Это явилось одной из причин, побудивших его уехать в Англию.

Вторая причина оказалась совсем уж неожиданной: в 1784 г. в Англии должны были состояться всеобщие выборы в парламент, и Нельсон решил попытаться пройти в палату общин. Такое побуждение кажется непонятным. Ничто до сих пор не указывало на то, что Нельсон интересовался политикой. Тем не менее он взялся за дело горячо, нервно. Январь 1784 г. ушел у него на выяснение перспектив добиться успеха. Требовалась мощная поддержка со стороны сильных мира сего. Когда подвели итоги, он понял, что поддержку можно получить только со стороны семейства Уолпол — родственников матери. Этого было явно недостаточно «в период расцвета кумовства», как замечает современная исследовательница К. Оман (71).

После неудачи с женитьбой и предвыборной кампанией Нельсону повезло. Если смотреть на вещи с учетом последующих событий, то нужно признать мудрость пословицы: «Нет худа без добра». Если бы Нельсон прошел в парламент, Англия не получила бы великого адмирала, личность которого вскоре стала олицетворением ее военно-морской мощи. А парламентария из Нельсона с его идеализмом и честностью явно бы не вышло. В этой сфере выдвинуться могли люди другого сорта.

А повезло Нельсону в том, что он легко получил корабль. Имея в виду парламентскую карьеру, Нельсон пробился на прием к первому лорду адмиралтейства. Вероятно, он хотел просить его поддержки в парламентских делах. Министр принял его, что было большой честью для молодого капитана, однако направил разговор в другое русло. Первый лорд спросил у Нельсона, не хочет ли он вернуться на службу, и капитану ничего не оставалось, как ответить «да». Многих, включая брата Нельсона — Уильяма, поразило то, что Горацио дали корабль, когда немало капитанов осталось без работы. Ведь война закончилась, и флот был свернут до размеров мирного времени.

«Ты спрашиваешь,— писал Нельсон самоуверенно брату,— благодаря каким связям я получил корабль? Я отвечаю: то, что я хорошо служил, явилось рекомендацией лорду Хау, первому лорду адмиралтейства. Все, что в рамках разумного, я мог бы попросить, я уверен, он по справедливости дал бы мне» (72). Нельсон был молод и недостаточно опытен, как свидетельствует это гордое письмо. Пройдет совсем немного времени, и он на собственном опыте убедится, что справедливость начальства — вещь далеко не безусловная и что отличная служба не всегда обеспечивает благожелательное отношение со стороны вышестоящих.

Опять Нельсон получил командование фрегатом с 28 пушками — «Бореас». Он направлялся в Вест-Индию, на станцию, расположенную на Подветренных островах (Малых Антильских). Плавание началось неудачно. Во-первых, брат Уильям, избравший духовную стезю, решил стать священником на военном корабле и просил Горацио устроить его на фрегат попрактиковаться. Это создавало дополнительные заботы. Во-вторых, знакомые и родственники уговорили Нельсона дать возможность трем десяткам подростков попытаться начать морскую службу мичманами под его надзором. Отказывать в таких случаях было нельзя: существовала традиция, в соответствии с которой начинал службу и Нельсон. В-третьих, Нельсону предложили взять на корабль леди Хьюз с молоденькой дочерью и слугами. Опять-таки он не мог отказать, ибо муж леди — адмирал Хьюз — командовал именно той станцией, на которую направлялся фрегат Нельсона. Дочь адмирала не блистала красотой, и мать везла ее в колонии в

расчете выдать замуж, поскольку конкуренция там практически отсутствовала. В довершение всего содержание группы леди Хьюз во время рейса легло на плечи капитана фрегата. Оно составило 200 ф. ст.— немалая сумма для тощего кармана Нельсона.

Все это было в высшей степени неприятно, нежелательно, но неотвратимо. Чувство собственного бессилия вызывало раздражение и возмущение, которое капитан не мог себе позволить выразить открыто. Они наслаивались на воспоминания о недавних неудачах матримониального и парламентского плана, В июне 1784 г. «Бореас» достиг берегов острова Барбадос. На станции находилось всего полдюжины кораблей, и Нельсон после адмирала Хьюза был старшим в чине. Адмирал Нельсону не понравился. Он жил на берегу, а не на корабле,— «не так, как подобает британскому адмиралу», старался сглаживать острые углы. Скоро Нельсон пришел к выводу, что «адмирал и все его окружение — набитые дураки» (73). Адмирал в свою очередь пришел к выводу, что старший капитан явится источником всяческого беспокойства.

Его предчувствие оправдалось в полной мере. До прибытия Нельсона адмирал Хьюз установил распределение обязанностей и порядок подчинения как командиров кораблей, так и чиновников адмиралтейства. Нельсон обнаружил, что один такой чиновник — береговой моряк — поставлен выше его, а это, строго говоря, противоречило инструкциям адмиралтейства. Возник конфликт из-за старшинства. Нельсон дважды писал адмиралу Хьюзу и, не получив удовлетворительного ответа, обратился в Лондон к секретарю адмиралтейства. Пришлось и адмиралу писать в Лондон. Адмиралтейство, естественно, стало на сторону адмирала и предложило Нельсону впредь решать такие вопросы с командующим станцией. Молодому капитану сделали выговор, хотя и вежливый. Формально Нельсон был прав, но доказывал свою правоту так, что испортил отношения со многими на станции. Да и в Лондоне его поведение произвело не лучшее впечатление. Невыполнение приказов вышестоящего начальства расценивалось, как одно из самых тяжких и опасных проступков на флоте.

Похоже, что Нельсон не испытывал почтения ни к чинам, ни к возрасту начальника. Он не скрывал своего резко отрицательного мнения об адмирале Хьюзе. Когда один из губернаторов островов заметил ему, что «старые генералы не имеют привычки принимать советы молодых джентльменов», молодой капитан резко парировал: «Я имею честь, сэр, быть того же возраста, что и премьер-министр Англии, и чувствую себя в состоянии так же командовать одним из кораблей его величества, как этот министр управляет страной» (74).

Вскоре Нельсон втянулся в конфликт не только со своим командиром, но и с администрацией и плантаторами принадлежавших здесь Англии островов. Поведение Нельсона в данном случае подчеркнуло важную черту его характера. Если он был убежден в своей правоте, то отстаивал ее, не оглядываясь на возможные неприятные последствия. Очень ценное и далеко не всегда встречающееся качество.

Конфликт возник из-за отношения к Навигационным актам. Эти законы ввел еще Кромвель, и они действовали в XVIII в. Законы предусматривали, что торговля с английскими колониями должна вестись только на судах, построенных в Англии или ее владениях, причем экипажи таких судов должны состоять на три четверти из британских подданных. Преследовались две цели: во-первых, обеспечить английским купцам и судовладельцам монополию на торговлю с колониями, и, во-вторых, поддержать английский торговый флот как поставщика кадров для военного флота на случай войны.

До завоевания Соединенными Штатами независимости торговля между английскими колониями на островах Вест-Индии и английскими владениями в Северной Америке процветала, чему способствовали принадлежность обоих партнеров Англии, близость их друг к другу и удобство сообщения по морю, наконец структура торговли — острова поставляли материку то, в чем он нуждался, и наоборот. За многие годы связи приобрели прочность, установились традиции, а предприимчивые люди сумели сколотить большие состояния. Поэтому во время Войны за независимость США некоторые на островах симпатизировали американцам.

После завоевания независимости Соединенные Штаты превратились в

инострannую державу, и их торговля автоматически подпала под действие Навигационных актов. Прежние связи следовало обрубить, а вместо них установить новые. Однако жажда наживы побудила плантаторов и колониальных чиновников сохранить все по-старому: американские суда приходили на острова, доставляли сюда товары, как будто Навигационные акты не существовали. Наживались на незаконной торговле все. Неспроста и командование военных кораблей смотрело на нее сквозь пальцы: их связи с местной администрацией были весьма тесными.

Нельсон сразу же понял незаконность происходящего и заявил об этом адмиралу Хьюзу. Адмирал не нашел ничего более умного, как сослаться на незнание им Навигационных актов. Хьюзу показали тексты документов, и адмирал распорядился, чтобы подч ли следили за исполнением законов.

Однако те, кто получал прибыли на незаконных визитах американских судов в английские колонии, начали кампанию за возвращение к старым порядкам. На адмирала оказали нажим, и 11 января 1785г. он отдал приказ передать решение всех связанных с торговлей вопросов местной колониальной администрации на островах. Капитаны военных кораблей отстранялись от проведения законов в жизнь (75). Плантаторам только этого и было нужно. Все пошло по-старому.

Нельсон возмутился. Он немедленно отправил адмиралу длинное письмо, в котором привел факты, свидетельствующие о том, что губернаторы и другие колониальные чиновники действуют незаконно и что командиры военных кораблей должны обеспечивать исполнение законов. Письмо заканчивалось так: «Пока я имею честь командовать английским военным кораблем, я никогда не позволю себе раболепствовать перед каким-либо губернатором или сотрудничать с ним в совершении незаконных актов» (76).

Нельсон зашел очень далеко. Настаивая на необходимости соблюдения закона, он сам совершил незаконный поступок — отказался подчиниться приказу прямого начальника. Своему другу Локеру Нельсон писал: «Сэр Ричард Хьюз — тонкая штучка. Я должен или не выполнить данные мне приказы или нарушить акты парламента, которые адмирал нарушает. Я принял решение сделать первое, полагаясь на правоту моих намерений. Короче говоря, я написал адмиралу, что не выполню его приказы...» (77)

Совершенно естественно, что адмиралу пришла мысль отдать Нельсона под суд за неповиновение. Таков был порядок на флоте. Но он этого не сделал. То ли у него не хватило характера, то ли он побоялся, что военный суд, состоящий из капитанов кораблей, оправдает Нельсона. Из всех капитанов, находившихся на станции, лишь один Коллингвуд открыто выступил на стороне Нельсона. Однако Хьюз знал, что другие капитаны, хотя и выполняют его приказы, в душе симпатизируют Нельсону. Неизвестно, как они повели бы себя во время суда над Нельсоном. В конце концов никаких административных мер против строптивного капитана адмирал не принял.

Когда в мае 1785 г. Нельсон захватил у острова Невис четыре американских судна, возникли новые неприятности. Плантаторы и чиновники острова возбудили против него судебный иск в 4000 ф. ст. якобы за причиненный ущерб. Это грозило Нельсону полным разорением. Адмирал Хьюз занял позицию нейтралитета. Чтобы не угодить под арест, Нельсон семь недель отсиживался на корабле, не рискуя сойти на берег.

Теперь он осознал, как велика угрожавшая ему опасность. Он обратился в Лондон — в адмиралтейство, в министерство иностранных дел и в другие инстанции. Наконец, от апеллировал к королю. Нельсон был убежден, что поскольку борется за интересы страны, за соблюдение ее законов, его должны защитить.

В Лондоне поняли, что речь идет о важнейшем принципе торговой и колониальной политики и что нарушение Навигационных актов причинит большой ущерб интересам правящих кругов. В сентябре Нельсон получил ответ на свое обращение к королю: ему обещали защиту в суде за счет короля. Это означало одобрение его позиции. В ноябре по каналам адмиралтейства пришло письмо министра финансов, в котором говорилось: правительство «считает, что главнокомандующий станцией Подвет-

ренных островов и подчиненные ему офицеры проявили весьма похвальное усердие, стремясь прекратить незаконную практику, имевшую место на островах и представлявшую собой открытое нарушение закона, следствием чего был большой ущерб судоходству и торговле во владениях его величества» (78).

Перед нами классический случай: выход в Лондоне нашли, выразив благодарность адмиралу Хьюзу и другим, т. е. всем тем, кто потакал нарушению законов и выступал против Нельсона, добивавшегося их выполнения.

Из сказанного выше вытекают по крайней мере два вывода. Нельсон проявил себя как политик, понимающий важнейшие интересы страны и активно их защищающий. Он занялся тем, что любой другой капитан счел бы не имеющим отношения к нему, не входящим в круг его обязанностей. Здесь обнаружилась большая разница между кругозором Нельсона и кругозором остальных капитанов. Нельсон проявил мужество, настойчивость и последовательность в отстаивании своей позиции, идя на огромный риск. Немногие поступили бы аналогичным образом,

Нельсон одержал победу, но тогда, в конце 1785 г., вряд ли он отдавал себе отчет в том, что победу ему не простят в Лондоне, и прежде всего в адмиралтействе. Да и размышлять Нельсону было об этом недосуг — он женился.

В разгар борьбы против всех и вся относительно соблюдения законов о торговле Нельсон увлекся племянницей крупного плантатора с острова Невис Джона Герберта. Хотя Герберт материально страдал больше других на острове от усилий Нельсона прекратить заход американских торговых судов, он открыто выступил в поддержку Нельсона и обещал дать 10 000 ф. ст. для внесения залога, если бы пришлось освободить капитана из тюрьмы (79).

Герберт был вдовцом. Размеров своего состояния он сам не знал точно. Утверждали, что негры-рабы и скот, которыми он владел, оценивались в 60 000 ф. ст. (80) Герберт имел огромный дом, принимал много гостей, а всем хозяйством управляла его племянница — молодая вдовушка миссис Фрэнсис Нисбет, муж которой недавно умер, оставив ее с пятилетним сыном на руках. Нельсон бывал в доме Герберта, когда его фрегат заходил на остров Невис, и влюбился в «дорогую Фанни». У нее была чисто английская внешность, как утверждали современники. На портрете мы видим женщину с плоской фигурой, напряженно смотрящую на нас. Один из сегодняшних биографов Нельсона так рисует Фрэнсис: «У нее была элегантная фигура, свежий цвет лица, но острый нос и необщительные манеры» (81). Она хорошо владела французским языком, прекрасно шила и неплохо музицировала.

Сохранилась обширная переписка между Горацио и Фрэнсис. Она наводит на мысль, что роман был очень рассудочным. «Я люблю Вас самым искренним образом,— писал Горацио Фанни,— и я думаю, что моя привязанность основывается не только на принципах, диктуемых рассудком, но и на взаимной преданности» (82). Очень много говорилось в письмах о денежной стороне брака. Горацио уверяет свою возлюбленную: «Если бы у меня был миллион, я с величайшим удовольствием и гордостью разделил бы его с Вами. Для меня жизнь с Вами в коттедже намного превосходит жизнь во дворце с любой женщиной, которую я встречал до сих пор» (83). С милой рай и в... коттедже!

Горацио, конечно, написал дяде У. Саклингу. Письмо начиналось так: «Я занялся делом, которое, вероятно, вызовет у вас улыбку... и вы скажете: „Этот Горацио все время влюбляется"» (84). Письма Горацио дяде поражают утверждениями, идущими вразрез с фактами. Он преуменьшил возраст невесты на пять лет, не сообщил, что ее муж умер, будучи сумасшедшим. Биографы полагают, что сама Фанни не всегда и не во всем была правдива с Горацио (85).

Как смотрел Горацио на свою будущую семейную жизнь? 15 декабря 1785 г. он писал брату: «Это дорогое создание тебе понравится. Ее здравый смысл, вежливые манеры, и — тебе я могу сказать — красота тебе очень понравятся. И хотя сейчас мы не богатая пара, у меня нет ни малейшего сомнения, что мы будем счастливы...» (86). Будущее не оправдало надежд Нельсона.

Бракосочетание состоялось 11 марта 1787 г. на острове Невис. Венчались не в

церкви, а в зале дома Герберта. Принц Уильям Генри проявил особое внимание к Нельсону — сопровождал невесту к венцу. Команда корабля Нельсона преподнесла своему капитану подарок — серебряные часы. Офицеры подарили миниатюрную серебряную модель 28-пушечного фрегата; Нельсон держал ее впоследствии на столе.

Кое-кто из друзей Нельсона считал, что женитьба поставит крест на его морской деятельности. На следующий день после свадьбы друзья Нельсона говорили, что с его женитьбой английский военно-морской флот потерял одно из своих лучших украшений (87). Те, кто так думал, ошиблись. Брак не заставил Нельсона уйти от морской службы. Еще до женитьбы он писал будущей жене, что «для морского офицера долг превыше всего. Все личные соображения должны отойти на второй план перед ним, как бы трудно это ни было» (88). Слова Нельсона точно выражали его убеждения, что подтвердила вся его дальнейшая жизнь.

Три года пребывания Нельсона в Вест-Индии, испытания, которым он там подвергся, опять уложили его в постель. Принц Уильям Генри говорил тогда, что Нельсону нужна не жена, а сиделка. «Я не думаю, что он долго проживет» (89). Кое-кто опасался, что капитан может умереть по пути на родину. Нельсон сам настолько беспокоился за свою жизнь, что специально взял на фрегат большую бочку рома, в которую, если бы он скончался в пути, надлежало погрузить его останки и доставить их в Англию.

В июле 1787 г. Нельсон возвратился на родину. Именно в это время вновь возникло напряжение в отношениях с Францией, теперь из-за того, кто будет управлять Голландией — профранцузская или проанглийская группировка. Возможность возникновения войны не исключалась, и фрегат Нельсона «Бореас» не рассчитали, а поставили на Темзе в качестве базового судна для приема людей, силой забираемых на флотскую службу. Все торговые корабли, проходившие мимо, обыскивались специальными отрядами с «Бореаса», и часть матросов уводилась на военные корабли. Оставался лишь минимум людей, необходимых для обеспечения безопасности торговых судов. Конечно, это была работа не для боевого капитана, но Нельсон исполнял ее исправно. Здоровье его улучшилось, и он говорил: «Я в состоянии отправиться в любой район земного шара» (90).

К осени стало ясно, что голландские дела уладились в духе, желаемом в Лондоне, и вероятность войны с Францией исчезла. Поэтому «Бореас» рассчитали 30 ноября 1787 г. Капитана Нельсона списали на берег на половинное жалованье.

* * *

Начался пятилетний период в жизни Нельсона, полный тяжелых испытаний. Адмиралтейство твердо решило не возвращать его на действительную службу. Для динамичной натуры Нельсона, самозабвенно влюбленного в море, жаждавшего бурной деятельности, это был страшный удар. Обрушились на него и другие неприятности...

Еще в Вест-Индии Нельсон узнал, что различными мошенническими способами представители адмиралтейства в сговоре с местными колониальными администраторами, купцами и поставщиками за несколько лет обворовали казну примерно на 2 млн. ф. ст. По тем временам — огромная сумма. Он сообщил об этих фактах в Лондон, там подтвердили получение его писем, и все. Теперь, оказавшись в Лондоне и будучи свободным от каких-либо служебных обязанностей, Нельсон принялся ходить по инстанциям, чтобы добиться наказания шайки жуликов, орудовавшей в английских колониях в Вест-Индии. И вновь, как в борьбе за соблюдение Навигационных актов, он проявил упорство и настойчивость. Эта история — лишнее свидетельство его честности и верности долгу, а также идеализма и наивности, ибо он искренне верил, что в тех кругах, в которых он действовал, можно добиться правды и вывести жуликов на чистую воду, особенно когда речь шла о жуликах высокопоставленных. Нельсон обращается с письмом к премьер-министру Питту. Письмо пересылается министру финансов Роузу. Роуз дважды беседует о Нельсоне. Его поражает, что рядовой капитан разобрался в вопросах, связанных с финансовой деятельностью адмиралтейства в колониях, установил большие злоупотребления и выявил их причины. Роуз был очень вежлив с Нельсоном.

От Роуза Нельсон направился к контролеру флота сэру Чарлзу Миддлтону. Контролер согласился с Нельсоном, обещал немедленно навести порядок. И ничего не сделал. Нельсон в течение двух лет безрезультатно пытался добиться принятия мер против этого, как заметил известный американский историк и специалист по военно-морским делам конца XIX в. А. Т. Мэхэн, «старого бесчестия», но «его положение и влияние были слишком незначительны» (91). Тем временем мошенники на месте, в Вест-Индии, упрятали в тюрьму тех, кто сообщил Нельсону о злоупотреблениях.

Как борьба за правду отразилась на самом Нельсоне? Пожалуй, она принесла капитану больше вреда, чем пользы. Конечно, его письма и беседы с крупными государственными деятелями дали ему случай продемонстрировать перед могущественными людьми ум, энергию, настойчивость, верность долгу, готовность самоотверженно защищать интересы государства. Но главные виновники преступления располагали властью, влиянием и деньгами. Они использовали свои возможности, во-первых, чтобы помешать расследованию и раскрытию преступления, и, во-вторых, чтобы свести счеты с Нельсоном, дискредитировать его в глазах руководителей адмиралтейства, правительства и даже короля. Они делали все, чтобы этот слишком умный, энергичный и честный капитан больше никогда не получил командование кораблем. Результат и прием старые как мир. Все биографы Нельсона сходятся на том, что его враги «преуспели в возбуждении предубеждения против Нельсона» (92).

Крайний идеализм Нельсона оказался несколько поколебленным, но не надолго. Он писал другу: «О вещи, которая называется „честь“... сейчас больше не думают... Мое положение ухудшилось и в отношении службы на флоте и в отношении служения моей стране». И тем не менее Нельсон заканчивает письмо в своем стиле: выражает уверенность, что лучше служить «неблагодарной стране», чем отказаться от своих идеалов, ибо «путь чести в конце концов приведет офицера и к славе, и к достижению его целей» (93).

Преследуемый недоброжелательностью или открытой враждебностью многих влиятельных людей, Нельсон не находил убежища и в личной жизни. Вначале пребывание его на корабле не позволяло супругам жить вместе. 23 сентября 1787 г. Нельсон жаловался брату: «...хотя мы и стоим в семи милях от суши (на Темзе. — В. Т.)... я так же разлучен с женой, как если бы находился в Вест-Индии» (94). Стремился ли он к ней вообще? Вряд ли. Нельсон писал капитану Локеру: если голландские дела будут улажены без войны, «я не хотел бы сходить на берег. Я начинаю думать, что влюблен в море больше, чем когда-либо раньше» (95).

Но в декабре 1787 г., когда Нельсона освободили от службы, он приехал к жене. Пасынка Джошуа устроили в школу-интернат, и супруги остались вдвоем. Жить им теперь предстояло на половинное жалованье Горацио, а он получал 8 шилл. в день. И, конечно, никаких дополнительных призовых денег. Родственники давали Фрэнсис и Горацио по 100 ф. ст. в год, и все. Для скромной жизни этого могло бы хватить, но супруги смотрели на людей богатых и остро переживали денежные затруднения. Особенно страдала Фрэнсис, которая привыкла к роскоши в большом доме дяди-плантатора.

Молодая пара поначалу отправилась в Бат — на модный и, конечно, дорогой курорт. Две недели попили целебную воду и решили устраиваться жить подешевле. Последовала серия длительных, по несколько месяцев, визитов к родственникам — близким и дальним. В конце концов пришлось поселиться в доме отца в Бёрнхем-Торпе. Отец хорошо встретил Фанни, и добрые отношения, установившиеся между ними тогда, сохранялись до конца, несмотря на все превратности судьбы.

Горацио пытался заняться сельским хозяйством на земле отца, но без особого интереса и, следовательно, успеха. Фанни часто болела и много времени проводила в постели. Болезней было много: и ревматизм, и воспаление горла, и простуда, и нервное истощение. Горацио тревожили болезни жены, и, по мере того, как шли годы, его все больше и больше огорчало, что у Фанни нет от него ребенка. Женившись, он рассчитывал на скорое рождение детей. И вот от первого мужа у Фанни есть ребенок, а

от Горацио нет. К. Оман пишет: «Надежда на появление детей постепенно исчезала на протяжении пяти лет, когда Нельсон оставался безработным. К концу этого периода, глядя на маленькую фигурку своей невротической тридцатипятилетней жены, которая была счастлива со своим сыном — мичманом, достававшим уже ей до плеча, он понимал, что у нее уже не будет больше беременности» (96).

Биографы отмечают, что Нельсон лишь однажды открыто выразил свое огорчение по этому поводу. В 1799 г. по просьбе руководителя адмиралтейства он представил документ «Краткий очерк моей жизни», в котором есть фраза: «В марте 1787 г. я женился на Фрэнсис Герберт Нисбет, вдове доктора Нисбета, жившего на острове Невис, от которой у меня нет детей» (97).

Нельсон все острее переживал свою бездеятельность, отлучение от моря. Он систематически ездил в Лондон, хотя такое путешествие обходилось недешево, и обращался в адмиралтейство с просьбами дать ему корабль.

Адмиралтейство расположено в величественном здании в самом центре Лондона, в правительственном квартале Уайтхолл. Вся власть в адмиралтействе принадлежала горстке «морских лордов», т. е. многоопытных адмиралов и капитанов, заседавших раз в неделю под председательством первого лорда адмиралтейства, т. е. министра военно-морского флота, члена правительства. Морские лорды отвечали за состояние флота, его стратегию, за назначения капитанов кораблей. К ним и обращался Нельсон с просьбой вернуть его на службу.

Чины адмиралтейства имели на этот счет твердое и определенное мнение — не допускать Нельсона на военно-морскую службу. Главой адмиралтейства в июле 1788 г. стал лорд Чэтэм. Близкий к нему адмирал Худ, ранее благоволивший к Нельсону, резко изменил свое отношение к находящемуся в немилости капитану. Худ сказал Нельсону, что «на короля произвело неприятное впечатление неблагоприятное мнение о нем» (98).

Две силы действовали против Нельсона. Во-первых, те, кто материально пострадал от его стремления следовать в Вест-Индии Навигационным актам и вывести на чистую воду мошенников, грабивших казну. Во-вторых, высокие чиновники и руководство адмиралтейства, крайне недовольные тем, что Нельсон вскрыл крупные неполадки в деятельности этого ведомства, которых сами они не замечали или терпели.

Конфликт оказался не простым. С одной стороны, истина была на стороне Нельсона, с другой — он проявил недисциплинированность. В 1786 г. Нельсон сам следующим образом прогнозировал реакцию начальства на его действия в Вест-Индии: «Я заслужил, чтобы меня или уволили из флота, или, по крайней мере, некоторое время не обращали на меня внимания» (99). Руководство адмиралтейства избрало второй путь.

Трудно сказать, что в действительности вызывало в руководящих кругах большую ненависть — его недисциплинированность или то, что он оказался принципиальней, с большей широтой взглядов, чем морские лорды. Последнее им было труднее простить рядовому капитану, чем что угодно другое. Не случайно его действия в Вест-Индии официально признали правильными и правительство, и министерство финансов, а адмиралтейство, т. е. прямое начальство Нельсона, промолчало.

«Вина» Нельсона, и «вина» тяжкая, состояла в том, что он был убежден (и следовал своему убеждению на деле): его долг всегда и при всех обстоятельствах говорить правду правительству и начальству. Кажется, так просто! Но как не просто на деле. Нельсон говорил правду верхам даже тогда, когда это ему, Нельсону, было крайне невыгодно. Он думал, что его должны награждать за это, а с 1787 по 1793 г. имел случай вполне убедиться, что именно за это его наказывают и преследуют. А ведь чиновники адмиралтейства были убеждены в своей правоте. Они привыкли к беспрекословной и точной исполнительности со стороны подчиненных, и демонстрацию Нельсоном служебной принципиальности, большей, чем их собственная, руководители адмиралтейства воспринимали как укор и вызов им, как непопозволенную заносчивость со стороны молодого капитана. Его следовало проучить и раз навсегда лишить возможности демонстрировать свое превосходство по отношению к начальству. История с Нельсоном — хорошая иллюстрация того, о чем много позднее писал большой знаток человеческой

психологии Андре Моруа: «Если хотите нравиться другим, надо... редко задавать вопросы и никогда не давать повода думать, что вы умнее» (100).

Одно из своих последних обращений в адмиралтейство Нельсон закончил так: «Если вам, господа лорды, будет угодно назначить меня хотя бы на угловое суденышко, я буду чувствовать к вам признательность» (101). Но их лордствам было неудобно. Нельсон, человек эмоциональный, порывистый, доведенный до крайности враждебным к нему отношением, начал поговаривать, что уйдет совсем с морской службы (102). Однажды он обмолвился, что уедет во Францию. В другой раз заметил, что, может быть, ему следует пойти на «русскую службу» (103).

Глубокое возмущение Нельсона можно понять. Он был убежден в несправедливости отношения к нему, в том, что такое отношение незаслуженно. Возмущение несправедливостью естественно для человека с нормальной психикой и минимальным чувством собственного достоинства.

В системе флота служило много людей, продвинувшихся вверх, но не обладавших необходимыми способностями и трудолюбием. Этот паразитирующий слой был очень значителен. Но он мог существовать лишь при условии, что флот выполняет свои функции, что на флоте кто-то все же делает дело — и делает хорошо. Вот эта необходимость и открывала или, точнее, приоткрывала двери для людей способных и талантливых. В мирное время дверь можно было держать чуть приоткрытой, в военных условиях дверь открывалась настежь. От притока свежих талантливых сил в конце концов зависел успех действий флота и, следовательно, их положение и привилегии. Короче говоря, кто-то должен был воевать.

Радикально изменила судьбу капитана Нельсона война между Англией и Францией.

В январе 1793 г. первый лорд адмиралтейства принял Нельсона, рассыпался в любезностях, извинился за прошлое невнимание и обещал назначить его командовать 74-пушечным линейным кораблем, как только тот будет готов. Пока же Нельсон, если пожелает, может взять 64-пушечный корабль. 30 января 1793 г. Нельсон был назначен капитаном 64-пушечного линейного корабля «Агамемнон». Перед ним открылись широкие возможности для проявления его способностей.

Глава II

САН-ВИСЕНТИ, АБУ-КИР, НЕАПОЛЬ. ГАМИЛЬТОНЫ.

Война между Англией и Францией, в которой Нельсон принял самое активное участие и сыграл выдающуюся роль, была официально объявлена 1 февраля 1793 г. Ранее власти выслали из Лондона посла Франции. Поводом для разрыва отношений послужила казнь Людовика XVI.

Теперь отношения между двумя странами, постепенно и неуклонно двигавшимися к открытому столкновению, так сказать, окончательно оформились. Вначале, в 1789—1794 гг., со стороны Англии это была в основном контрреволюционная борьба против буржуазной революции во Франции. Экспансионистские, захватнические мотивы для английских правящих кругов тогда находились на втором плане. Позднее, когда произошло перерождение революции во Франции и крупная буржуазия приступила к осуществлению грандиозной программы завоеваний в Европе и во всем мире, борьба между Англией и Францией приняла с обеих сторон характер агрессивный, захватнический. Речь шла о том, кто будет господствовать в Европе, на морских просторах и в колониальных районах. В новых условиях с особой остротой вспыхнуло соперничество двух держав. Оно стало основным и могущественнейшим фактором международных отношений на многие последующие годы.

Борьба со стороны Англии имела две специфические особенности. Во-первых, ее правящие круги, верные традиции, стремились переложить все тяготы на других, создавая для этой цели различные коалиции. Во-вторых, островное положение Британии и ее крайняя заинтересованность в расширении старых и приобретении новых заморских

владений предопределили важную роль английского флота в военных операциях.

В Англии не сразу поняли опасность, которую таила французская революция для положения Англии в Европе и в мире. В Лондоне даже полагали, что события во Франции приведут к ослаблению векового врага, и с прямой интервенцией не спешили. Хотели выждать и уяснить, в каком направлении пойдут там дела. Да и для подыскания союзников против Франции требовалось время. Однако с первых же дней революции правительство Питта развернуло широкую дипломатическую подготовку к борьбе с Францией и всеми средствами (пока за исключением военных) поддерживало контрреволюционные силы Франции и внутри страны, и за ее пределами, т. е. эмигрировавших контрреволюционеров.

Постепенно революция благодаря активному участию народных масс развивалась по восходящей линии, ее идеи и практические меры оказывали мощное революционизирующее влияние на все страны Европы.

Вопреки усилиям правящих кругов, пытавшихся оклеветать, очернить события во Франции, в Англии также росло революционно-демократическое движение. Под его воздействие попали не только неимущие городские низы, но в известной степени армия и флот. В стране возникли различные общества и клубы, пропагандирующие необходимость радикальных реформ. В 1791 г. было основано лондонское «Корреспондентское общество», поддерживавшее тесные связи с французскими революционными клубами.

Революционные преобразования во Франции, установление якобинской диктатуры и успехи французских революционных войск в Бельгии и Голландии, а также нарастание революционных тенденций в Европе побудили английское правительство начать против Франции войну и перейти к свирепым репрессивным мерам против демократического движения внутри своей страны.

Французская реакция сразу же получила поддержку со стороны феодально-монархической Европы. В таких случаях классовая солидарность срабатывает мгновенно. Но и революционный народ Франции обратился к другим народам с призывом к борьбе за свободу, более того, он обещал им всяческую, вплоть до вооруженной, поддержку в этой борьбе.

Еще 19 ноября 1792 г. Национальный конвент Франции принял специальный декрет об освобождении народов: «Национальный конвент заявляет от имени французской нации, что она окажет братскую помощь всем народам, которые захотят вернуть свою свободу; она поручает исполнительной власти отдать генералам необходимые приказания, чтобы оказать помощь этим народам и защитить тех граждан, которые терпят муки и могут подвергнуться мучениям за дело свободы» (1).

1 декабря Конвент принял другой закон аналогичного характера. Карно, выступая в Конвенте 17 февраля 1793 г. от имени Комитета дипломатических сношений, заявил: «...закон 1 декабря считает долгом чести французской нации защищать дело свободы у всех народов, которые пожелают ее добиться; всем, кто признает права человека, она дает право требовать нашей помощи. Из этих народов она делает своих естественных союзников» (2).

В Конвенте звучали призывы перенести борьбу за свободу и равенство против тиранов и угнетателей за границы Франции, в другие страны. Ласурс от имени Комитета дипломатических сношений обратился к членам Конвента: «Взяв оружие, вы сказали: „Война тиранам — мир народам“». Он потребовал приказать генералам республики «при входе в страну провозглашать, что французская нация объявляет ее свободной от гнета тиранов и могущей выбрать себе под защитой республиканских войск... тот государственный строй, который ей понравится» (3).

Конвент утвердил 15 декабря 1792 г. текст прокламации, с которой генералы революционных армий должны были обращаться к народам тех стран, куда входили французские войска. Прокламация гласила:

«Французский народ — народу... Друзья и братья, мы завоевали свободу, и мы ее удержим в своих руках; залогом этого являются наше единство и наша сила. Мы

предлагаем и вам дать возможность наслаждаться этим неоценимым благом, которое всегда вам принадлежало и могло быть у вас отнято вашими угнетателями только путем преступления. Мы пришли сюда, чтобы изгнать ваших тиранов; они обратились в бегство; покажите себя действительно свободными людьми, и мы обезопасим вас от их мести, от их замыслов и от возможности их возвращения. В настоящий момент Французская республика провозглашает, что все ваши гражданские и военные чиновники, все власти, которые доньше управляли вами, являются низложенными; она провозглашает отмену всех налогов, тяготевших над вами... Французская республика также уничтожает среди вас все сословия: знать, духовенство и все остальные...» (4).

Эти призывы, подкрепленные успехами революционных французских армий, производили огромное впечатление на народы. В Париже указывали, что они адресованы и английскому народу, и народу Ирландии, стонущему под колониальным гнетом Англии. Ирландцы с надеждой ожидали, что Франция поможет им вернуть свободу, отнятую Англией. Некоторые радикальные элементы в Англии также готовы были опереться в своей борьбе на Францию. Их представителей даже официально приняли в Конвенте. Создавалась реальная угроза всему, чем обладали английские имущие классы внутри своей страны и за ее пределами. Английский историк К. Эмсли в 1975 г. опубликовал данные о том, что «английское правительство в начале 1798 г. получило из Франции секретную информацию о планах Директории, если ее усилиям будет сопутствовать успех, установить республику в Англии, Ирландии и Шотландии» (5).

В борьбе с Францией английское правительство не гнушалось никакими средствами. Английский флот на морях стремился парализовать и уничтожить торговлю и флот Франции и ее союзников. На суше на английское золото снаряжались армии ее союзников, которые лондонские политики бросали против Франции. Английские шпионы и диверсанты действовали внутри Франции, дезорганизуя ее экономику и оборону. На деньги Англии, по планам, вырабатываемым в Лондоне, и с английским оружием в руках французские монархисты поднимали восстания, организовывали заговоры. Английское правительство отпечатало фальшивые французские ассигнации и наводило ими Францию с целью расстроить ее финансовую систему.

Революционные силы Франции сразу же поняли, какого злобного и упорного врага они имеют в лице английского правительства.

Итак, Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. вызвала в Англии резко враждебную реакцию. А ведь в Англии буржуазная революция победила ранее на столетие. Что это — исторический парадокс? Страна, претендующая на звание самой демократической и самой свободной, взяла на себя позорную роль наиболее упорного и последовательного душителя освободительных движений. Противоречие только кажущееся. Во-первых, свободы, о которых идет речь, принадлежали и принадлежат не английскому народу, а только правящим кругам.

Во-вторых, бесправие и угнетение трудящихся масс в Англии были ужасающими. В-третьих, богатства лондонского Сити создавались и приумножались путем жесточайшей эксплуатации многих миллионов колониальных рабов. Поэтому-то всякое освободительное движение таило опасность для основ английской государственности. Поскольку такое движение неизбежно революционизировало и английский пролетариат, и колониальное население, правящие круги Англии рассматривали любое проявление свободомыслия в других странах как опасную угрозу.

В конечном итоге революция серьезно укрепила позиции французской буржуазии, которая тут же не замедлила лишить народ многих добытых в ходе революции демократических завоеваний (в 1794 г. к власти пришла контрреволюционная буржуазия, а в 1804 г. Франция вновь стала монархией во главе с императором Наполеоном) и проявить свою агрессивность.

Феодальные европейские монархии, до смерти напуганные бурными событиями во Франции, стали, естественно, союзницами Англии в ее борьбе против Франции.

Сразу же после объявления войны с Францией английское правительство начало лихорадочно сколачивать антифранцузскую коалицию. 23 марта 1793 г. Англия

заключает договор с Россией о совместных действиях в борьбе с Францией. Затем в том же году она подписывает аналогичные договоры с Пруссией, Австрией, Голландией, Гессен-Касселем, Неаполем, Сардинией. Это была так называемая первая коалиция.

* * *

27 мая 1793 г. эскадра под флагом адмирала Худа прошла через Гибралтар в Средиземное море с тем, чтобы заблокировать французский флот в Тулоне — на южном побережье Франции. С эскадрой следовал и Нельсон на линейном корабле «Агамемнон». Потянулись многие месяцы тяжелой, однообразной, изнуряющей службы по обеспечению блокады Тулона. Возникали и острые моменты, когда дело доходило до применения оружия.

Серьезно отличился Нельсон в 1797 г. Его инициатива принесла английскому оружию крупную победу над испанцами.

14 февраля 1797 г. эскадра из 15 линейных кораблей адмирала Джона Джервиса, под началом которого служил Нельсон в то время, у мыса Сан-Висенти (Сент-Винсент) — крайней юго-западной оконечности Португалии, вошла в соприкосновение с испанским флотом, разделенным на два отряда — в 18 и 8 судов (6). Английский адмирал решил атаковать более крупный отряд испанцев, надеясь покончить с ним до подхода второго отряда противника, которому ветер не благоприятствовал. После ряда маневров Джервис дал сигнал своим кораблям сделать поворот и преследовать корабли уходящего противника. Передние корабли англичан исполнили маневр и двинулись в кильватере⁸ арьергарда испанцев. «К счастью для Джервиса,— пишет Мэхэн,— Нельсон был на третьем корабле, считая от концевого. Вполне усвоив цель своего начальника, он увидел, что усилиям достичь ее грозит поражение, и, не дожидаясь приказаний, немедленно вышел из линии и направил свой корабль «Кэптен» на пересечение курса передних кораблей противника. 74-пушечный корабль Нельсона прошел впереди испанского отряда и затем атаковал 130-пушечный «Сантиссима Тринидад» — самый большой из кораблей того времени» (7).

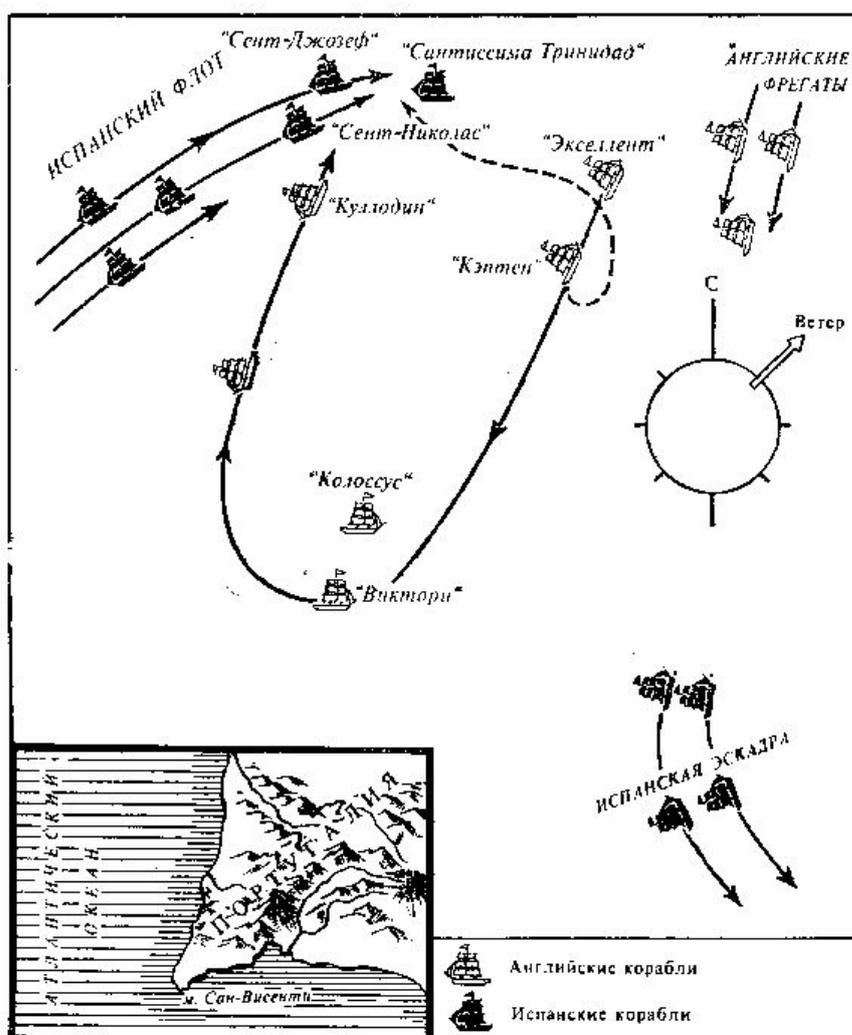
Маневр Нельсона был явным нарушением боевого приказа командующего эскадрой адмирала Джервиса. Но проницательный Джервис сразу понял, что Нельсон поступил правильно, и тут же скомандовал капитану Кол-лингвуду, шедшему на «Экселенте» вслед за «Кэптеном», поддержать Нельсона. Англичане захватили четыре линейных корабля противника, обратив остальные в бегство, и пленили испанского контр-адмирала. Нельсон взял на абордаж сразу два испанских линейных корабля, перейдя с одного на другой; с тех пор такой маневр получил в английском флоте название «мост Нельсона».

В сражении у мыса Сан-Висенти Нельсон продемонстрировал не только выдающуюся смелость. Он обнаружил способность лучше и быстрее других оценивать общий ход сражения. К тому же, будучи убежден в собственной правоте, он не колебался и брал на себя огромную ответственность за свои поступки. Это резко выделяло его из среды других капитанов и адмиралов английского флота.

Победа у мыса Сан-Висенти имела для Англии огромное значение в войне против Франции и ее союзницы Испании. «1797 год,— пишет известный английский историк военно-морского флота Г. Маркус,— считался самым мрачным часом в истории Англии» (8). На Британских островах ждали вторжения французских войск, сосредоточенных в голландском порту Тексель и в любой момент готовых сесть на корабли.

За победу над испанцами английский командующий адмирал Джервис получил графский титул и с тех пор стал именоваться лордом Сент-Винсентом. Отличившийся в сражении капитан Нельсон был награжден рыцарским крестом ордена Бани, возводившим его в дворянское достоинство. Одновременно подоспело и производство в первый адмиральский чин. С этого времени начался новый важный период в жизни 39-летнего контр-адмирала сэра Горацио Нельсона.

⁸ Кильватер — колонна судов, идущих одно за другим.

Сражение при мысе Сан-Висенти

* * *

Конец XVIII столетия был очень тяжел для официальной Англии не только из-за крупных неудач в войне с Францией. Плохо обстояли дела и внутри страны. Демократическое движение, несмотря на правительственные репрессии, набирало силу и распространилось на армию и флот.

Исследуя эту проблему сегодня, английский историк К. Эмсли констатирует: «Совершенно очевидно — в 90-х годах XVIII в. члены правительства Питта опасались, что предпринимаются попытки разложить армию политически изнутри и что такие действия могут иметь успех» (9). После тщательного изучения архивов К. Эмсли пришел к выводу: «...существуют свидетельства, показывающие, что опасения правительства Питта не были совсем безосновательны». Он ссылается, в частности, на события 1792 г., «года, предшествовавшего войне с Францией; года, явившегося свидетелем первых репрессивных мер администрации Питта» (10). В качестве примера автор приводит свидетельство проправительственной газеты «Уорлд» от 11 декабря 1792 г. Газета пишет, что в результате агитации «мятежных людей» «в богатом городе Манчестере вспыхнули беспорядки и воцарилось смятение», равно как и в расквартированном там втором драгунском полку (11). Он же говорит о «распространении в бараках и других местах нахождения солдат листовок, подстрекающих к мятежу» и в 1798 г. (12)

С еще более трудной ситуацией столкнулось правительство на флоте. Восстания в военно-морском флоте вызревали исподволь. Условия службы и жизни военных моряков подводили их к выражению протеста самыми крайними методами. Взрыв произошел в 1797 г. Выступление имело две особенности: оно началось, по существу, одновременно

на ряде эскадр, на многих кораблях, условия службы и жизни военных моряков не стали хуже, чем раньше. Значит, сработал дополнительный фактор — воздействие революционных идей, исходивших из Франции, и развертывание демократического движения в самой Англии.

О том, что на флоте готовится восстание, в адмиралтейство и правительство задолго до весны 1797 г. поступало много сигналов. Еще за два года до трагических событий контр-адмирал Ф. Паттон представил первому лорду адмиралтейства Спенсеру меморандум о «недовольстве среди моряков». Спенсер ознакомил с документом своих коллег. В самом конце 1796 г. один из капитанов напомнил первому лорду, что жалованье у моряков «слишком низкое». Адмирал лорд Хау получил ряд анонимных писем, сообщавших, что назревает буря. Письма были переданы в адмиралтейство и обсуждены на заседании ее коллегии. О недовольстве моряков, делает вывод Г. Маркус, «безусловно, знали... и адмиралтейство, и правительство. И все претензии до единой игнорировались» (13).

Это один из бесчисленных примеров того, как предупреждения о грозящей большой опасности не срабатывают. Руководящие деятели, от которых зависит внять сигналам и принять меры по предотвращению катастрофы, игнорируют очевидные факты и бездействуют, «принимая желаемое за действительное»; в английском языке это выражение звучит как «Wishful thinking».

17 апреля 1797 г. адмиралтейство получило сообщение о том, что восстала эскадра, действовавшая в проливах Ла-Манш и Па-де-Кале. Выступили моряки кораблей, стоявших в Портсмуте. Затем волнения охватили корабли в Плимуте. Вскоре флаг восстания подняла эскадра Северного моря, базировавшаяся на Грейт-Ярмут (Ярмут). Вышли из повиновения корабли на базе в Грейт-Норе (Юго-Восточная Англия) и корабли, находившиеся за пределами Англии, иногда очень далеко от ее берегов, например у южной оконечности Африки.

Даже английская консервативного толка историография утверждает, что только тяжкие условия существования заставили моряков восстать, да еще в разгар войны. «К весне 1797 г., — читаем у Г. Маркуса, — на нижней палубе царило всеобщее, имевшее глубокие корни недовольство размерами и сроками выплаты жалованья... Оно выплачивалось все еще в размерах, установленных в царствование короля Карла II. В то же время матросы на торговых судах получали в четыре раза больше военных моряков... Недовольство порядком распределения и выплаты призовых денег, питанием, одеждой, отпусками и дисциплиной» (14).

В разных портах были оттенки в требованиях, но эти выдвигались всеми. Вскоре появились и требования политического характера: безусловная амнистия всем участникам восстания, введение в состав военных судов представителей матросов, смягчение морского устава и возвращение на корабли офицеров только по выбору и с согласия команды (15). Наиболее радикальные требования выдвинули восставшие в Грейт-Норе.

Там во главе моряков стоял Ричард Паркер, в 1782 г. он был силой взят на службу во флоте, дослужился до мичмана, затем ушел с флота и возвратился обратно в 1797 г. (16)

Руководили восстанием избранные делегаты: по одному с каждого судна. Они часто собирались и совместно решали встававшие перед ними проблемы. Руководство восстанием обеспечивало строжайшую дисциплину на судах. Моряки с невиданным ранее усердием исполняли свои обязанности. Были приняты «Правила распорядка» на кораблях. Они, между прочим, под угрозой плетей запрещали пить спиртные напитки и приводить женщин на корабль.

Делегаты обращались с прокламациями к населению, к парламенту, разъяснявшими позицию восставших. Приведем полностью прокламацию, адресованную парламенту (17).

«Соотечественники! — гласила прокламация. — Нам нужно объяснить свое поведение. Министры его величества знают, что наши намерения исходят из закона

гуманности, чести и безопасности народа, с давних пор брошенных под ноги теми, кто должны быть нашими друзьями и защитниками собственности и законов.

Пресса допускает ложь⁹ и заставляет вас верить вещам, столь же далеким от наших целей, как далеко поведение правителей от чести и приличий. Мы, несшие тяготы утомительной и позорной войны,— станем ли мы жертвами тиранов, которыми подлые мошенники, раззолоченные и разжиревшие, утопающие в изобилии и роскоши, намерены обременить вас?

Мы, взбиравшиеся среди бурь и военной грозы на качающихся снастях на смертельную высоту гнущихся мачт,— будем ли мы терпеть, чтобы с нами обращались хуже, чем на улицах Лондона с собаками?

Мы, кто в яростной схватке сбивали и покоряли гордого врага, защищая берег от нашествия, ваших детей от смерти и ваше имущество от грабежа,— будем ли мы мячами, марионетками в руках своры людей, добывших титулы, награды и богатство благодаря нашим рукам? Нет! Настал век разума, наконец! Мы долго пытались найти в себе человека, теперь мы себя нашли.

Мы бесконечно далеки от мысли о ниспровержении правительства нашей любимой родины. Мы самого высокого мнения о нашем короле, и мы убеждены, что не по его указанию принимаются против нас меры, дабы лишить нас прав человека.

Соотечественники! Вы и отдаленно не можете представить себе условий, в которых мы живем уже не один год. В Риме были Нерон и Калигула, но они есть и во флоте Британии. Без следов добродетелей, способностей, образования они позволяют себе позорные жестокости над теми, кто из-за нужды или патриотических чувств поставлен под их власть. Они пребывают под светилом благополучия, а мы — незачем объяснять, кто мы,— работаем под страхом мучений, которые только может придумать бесчеловечный скот.

Матросы Британии — львы великодушные и благородные. Никто не должен причинять им вреда. До сих пор мы работали для вас и для нашего короля.

И теперь мы вынуждены подумать о себе. Многие из нас были в плену и с начала войны не имели ни фартинга. Разве мы не имеем права на жалобу? Да прикажет король уплатить нам, и огорчение, которое мы доставили ему, будет уничтожено, и мы с энергией приступим к любимому делу для защиты нашей родины. Но до вашего согласия на наши требования мы решили остановить всю торговлю и перехватывать все продовольствие ради нашего существования.

Военное командование повысило себе плату, чтобы закрепить и оскорбить нас. Но нас не испугать! Наш девиз: «Dieu te mon droit»¹⁰, и мы презираем попытки обмануть нас. Мы не склонны следовать примеру соседней страны¹¹, хотя и могли бы. Но мы хотим лишь добиться того, чего требуем, пусть даже дорогой ценой. Соотечественники! Мы открыли проделки правительства, снабжающего наших врагов товарами. Возможно, что спустя несколько дней мы придем и к большему открытию.

Дорогие соотечественники! Мы — ваши преданные и любящие братья!» (18)

Правительство поняло, что восстание зашло слишком далеко, и начало маневрировать. К этому его побуждало также плохое состояние дел на фронтах войны с Францией. Парламент срочно провел закон об удовлетворении ряда материальных требований моряков. Адмиралтейство, правительство, Тайный совет при короле высказались за дарование амнистии участникам волнений. Король подписал соответствующий указ, его читали на всех судах и демонстрировали подвешенную к нему королевскую печать. Таким образом удалось расколоть восставших, в их руководстве вспыхнули раздоры, борьба пошла на спад, одна за другой эскадры прекращали сопротивление властям.

И заработали военные суды. Ряд руководителей восстания предвидел вероломство

⁹ Английская пресса много старалась, расписывая «зверства» матросов и т. д.

¹⁰ «Бог и мое право».

¹¹ Очевидно, Франции.

правительства и бежал в Голландию и Францию. Паркер был умным, талантливым человеком и, конечно, знал, что его ждет, но бежать отказался.

Заседания военного суда открылись на борту корабля «Нептун» и продолжались три месяца. 25 человек были присуждены к повешению, несколько сот — жестоко наказаны плетью. Паркер держался на суде с большим достоинством, отказался просить о помиловании. 30 июня его повесили на рее корабля (19), где он служил. Это показало, что в действительности стоило слово английского короля и правительства, торжественно гарантировавших прощение всем участникам восстания.

Эскадра, на которой служил Нельсон, не явилась исключением. Кровавая жестокая расправа с бунтовщиками в английских портах не предотвратила распространения восстания на команды кораблей, находившихся в плавании.

* * *

В воскресенье 9 июля 1797 г. солнечное утро у Атлантического побережья Испании предвещало жаркий день. Море было спокойным. А в английской эскадре, блокировавшей испанский флот в порту Кадис, наблюдалось необычное движение. По приказу командира эскадры адмирала Сент-Винсента мелкие и средние суда концентрировались вокруг линейного корабля «Сент-Джордж». Сюда же доставлялись на шлюпках матросы с остальных линейных кораблей эскадры. Вместе с другими к «Сент-Джорджу» прибыл с подчинявшимся ему отрядом кораблей контр-адмирал Горацио Нельсон. С палубы своего судна он наблюдал, как на рее «Сент-Джорджа» повесили четырех матросов, приговоренных накануне к смертной казни за попытку поднять восстание.

На протяжении месяцев готовилось восстание на кораблях, блокировавших Кадис. Организаторов выследили с помощью проникшего в их среду предателя и приговорили к повешению. Военный суд заседал в пятницу и субботу и вынес приговор уже после захода солнца. По традиции, имевшей силу закона, после захода солнца не казнили. Казнить по воскресеньям тоже было нельзя. Но главнокомандующий, адмирал Сент-Винсент, торопился и назначил казнь на следующее, воскресное утро.

Осужденные умоляли исполнить их последнее желание и отсрочить казнь на пять дней, чтобы они могли подготовиться к смерти. Вице-адмирал Томпсон, находившийся на эскадре, обратился к Сент-Винсенту с письмом, в котором просил не нарушать порядок и не осквернять воскресенье казнью. Тот оставил приказ в силе и потребовал немедленного удаления Томпсона с эскадры. «Я надеюсь, что епископы не осудят меня за осквернение воскресенья... Преступники просили дать им пять дней для приготовления к смерти — за эти дни они успели бы организовать еще пятьсот заговоров» (20).

В унисон со своим командиром мыслил Нельсон, хотя он прекрасно знал, как живут матросы. Контр-адмирал соглашался, что к ним «относятся с пренебрежением», а когда наступает мирное время, «обращаются позорно». И тел не менее, получив в июне сведения о восстании на базе Грейт-Нор, он писал Сент-Винсенту: «Что касается негодяев с базы Нор, то я был бы счастлив командовать кораблем, посланным на их подавление» (21). Когда же Сент-Винсент сообщил Нельсону о том, что он потребовал убрать Томпсона или «отозвать его самого домой», контр-адмирал тут же ответил: «Прежде всего поздравляю Вас с надлежащим завершением этого дела с «Сент-Джорджем». И если мне будет позволено высказать свое мнение, то я целиком и полностью одобряю столь быстрое приведение приговора в исполнение, хотя оно пришлось на воскресенье... Надеюсь, это положит конец всем беспорядкам на нашей эскадре. Если бы у нас дома была проявлена такая же решимость, то я уверен, дела были бы вдвое лучше». «Будь это даже Рождество, не то что воскресенье,— заключил Нельсон,— я все равно казнил бы их» (22).

* * *

Через неделю после этих событий Нельсону предстояло отправиться в экспедицию. Адмирал Сент-Винсент получил сведения, что вице-король Мексики, бывшей тогда испанским владением, направил в Испанию галеон, нагруженный золотом.

Драгоценный груз должен был существенно укрепить финансы Испании, подорванные войной. Командование английской эскадры загорелось желанием захватить галеон. Это сулило высокие награды и большие призовые деньги. Поступила информация, что галеон, не надеясь прорваться в заблокированный Кадис, укрылся в порту Санта-Крус-де-Тенерифе на острове Тенерифе. Этот остров входит в группу Канарских островов, принадлежащих Испании и расположенных в Атлантическом океане у северо-западного берега Африки. Сент-Винсент поручил Нельсону возглавить экспедицию на Тенерифе. Были разработаны детальные планы захвата Санта-Крус, подготовлены раздвижные лестницы и другое снаряжение для штурма крепости. В распоряжение Нельсона адмирал выделил три линейных корабля, три фрегата и несколько мелких судов.

15 июля 1797 г., за час до отплытия, капитаны уходящей эскадры явились на флагманский корабль Нельсона, получили боевые приказы и на случай, если им придется потерять друг друга из виду в бурную погоду, определили условное место встречи в море — рандеву. Приказом Сент-Винсента Нельсону предписывалось неожиданной и решительной атакой захватить Санта-Крус и завладеть галеоном и ценностями, которые будут обнаружены на Тенерифе. Если жители окажут сопротивление, на них надлежит наложить контрибуцию, а их суда, включая даже рыболовные баркасы, захватить и уничтожить.

Получив такой приказ, Нельсон сказал командующему: «Десять часов – и я буду победителем или потерплю поражение. Мы захватим все, что движется на водной поверхности» (23).

Ровно месяц ничего не было известно о судьбе экспедиции Нельсона. Затем вернулся фрегат «Эмеральд» и доставил Сент-Винценту официальное донесение и два личных письма. Они были написаны странным, едва поддающимся прочтению почерком.

Оказалось, что отряд Нельсона благополучно прибыл к цели, но неожиданное нападение на Санта-Крус осуществить не смог. Ветер был неблагоприятным, а от него в дни парусного флота зависело очень многое. Губернатор острова, увидев корабли англичан, приготовился к обороне. Замысел внезапной атаки был сорван, и это резко снизило шансы предприятия на успех. Тем не менее, Нельсон решил идти напролом. На берег была высажена морская пехота под командованием капитана Трубриджа. Однако засевший в цитадели испанский гарнизон оказал упорное сопротивление, и вскоре Трубридж выбросил белый флаг. Губернатор принял условия перемирия, на которых десант был готов капитулировать, и «прислал людям Трубриджа вина и хлеба».

Нельсон не знал об этом и организовал высадку другой группы моряков на молу в гавани Санта-Крус. Высадка происходила ночью, в бурную погоду, под ружейным и артиллерийским огнем испанцев. В авангарде десанта шел сам Нельсон. Едва он выпрыгнул на мол, как тут же был опрокинут обратно в лодку. Его зацепило зарядом картечи и перебило правую руку. Под сильным огнем испанцев гибли английские матросы, шли ко дну их суда. Бурное море помогало обороняющимся. Атака была отбита.

Нельсона спас его пасынок Джошуа Нисбет. Он уложил раненого отчима на дно лодки и туго перетянул его растерзанную руку шелковыми носовыми платками. Потом Джошуа собрал нескольких матросов и, с их помощью выведя лодку из-под огня, благополучно доставил Нельсона на флагманский корабль (24).

Поднявшись на борт, контр-адмирал приказал врачу срочно собирать инструменты. Тут же была произведена операция: правую руку пришлось ампутировать – остался короткий обрубок у самого плеча. Так закончилась неудачная охота за испанским золотом.

Потери оказались велики. 141 матрос и морской пехотинец были убиты или утонули, 105 ранены. Примерно столько же стоила англичанам большая победа над испанским флотом у мыса Сан-Висенти. А что касается жертв среди офицерского состава, то они намного превзошли потери у Сан-Висенти (25).

Операция на Тенерифе – крупная ошибка Нельсона. После того как возможность внезапного нападения оказалась упущенной, было явным авантюризмом бросаться с

имевшимися у него ограниченными силами на штурм крепости, которую защищал восьмитысячный гарнизон. Английский адмирал У. Джеймс, восторженный поклонник Нельсона, писал в 1948 году: «Как могло случиться, что контр-адмирал... допустил эту грубейшую тактическую ошибку? Объяснение состоит в том, что... как он сам говорил, его гордость была уязвлена провалом его плана. И его сознание... на какое-то время было помрачено эмоциями, которые не должны воздействовать на принятие решений в ходе сражения» (26). Джеймс, несомненно, прав. Безрассудный азарт всегда был недостатком Нельсона.

Вообще ему не везло на суше. В 1794 году он участвовал в штурме крепости Кальви на острове Корсика в Средиземном море. Ядро, пущенное из крепости, вонзилось в каменную ограду, и мелкие осколки камня брызнули Нельсону в лицо. Правый глаз утратил способность видеть.

Как все повышенно-эмоциональные натуры, Нельсон после каждой неудачи впадал в крайний пессимизм. На этот раз у него были серьезные основания для уныния: и провал важной операции, и тяжелое ранение, ставившее под вопрос его пригодность для военно-морской службы, которую он любил больше всего на свете.

Через два дня после поражения у Санта-Крус Нельсон левой рукой нацарапал Сент-Винценту скорбное письмо. «Я превратился в бремя для моих друзей и стал бесполезным для своей страны. Когда я отбуду с вашей эскадры, я умру для всего мира. Надеюсь, вы дадите мне фрегат, который доставит в Англию то, что от меня осталось». Прибыв через две недели в расположение эскадры Сент-Винцента, Нельсон вновь обращается к своему начальнику: «Никогда уже не сочтут полезным одорукого адмирала. Поэтому чем скорее я укроюсь в укромном коттедже, тем лучше. Тем самым освобожу место для более достойного человека, который будет служить стране» (27).

* * *

Когда служебная карьера терпит крах, обычно люди ищут утешения в семье, у домашнего очага. Через десять дней после ранения Нельсон писал жене: «Я настолько уверен в твоей любви, что чувствую – ты получишь одинаковое удовольствие от моего письма, будет оно написано правой или левой рукой. Это случайность войны, и у меня есть большие основания быть ей признательным. Я знаю, что ты получишь дополнительное удовольствие, узнав, что Джошуа благодаря божьему промыслу сыграл главную роль в спасении моей жизни. Что касается моего здоровья, то оно никогда не было таким хорошим, как сейчас... Но я не удивлюсь, если мной пренебрегут или забудут меня, поскольку, вероятно, меня теперь уже сочтут бесполезным. Несмотря на это, я буду чувствовать себя счастливым, если ты будешь по-прежнему любить меня».

1 сентября фрегат «Сихорс» доставил Нельсона на Спитхедский рейд у Портсмута в Южной Англии. Жена его в это время жила в курортном городке Бат, в юго-западной Англии, недалеко от Бристоля. И через два дня контр-адмирал уже обнимал свою жену...

Именно в ближайшие после этого месяца были сделаны эскизы портретов Нельсона, впоследствии приобретших большую известность. На них изображен густо увешанный тяжелыми орденами, в расшитом золотом мундире мужественный адмирал с белыми не от пудры, а уже от седины волосами, с умным, живым, пристальным взглядом. Высокий лоб, довольно большой, но не тяжелый нос и широкий, мягкий, как бы мятый рот, который обычно называют чувственным. Лицо человека, сознающего свою значительность, уверенного в себе.

Портреты, однако, приукрашивали оригинал. Нельсон был небольшого роста, худощав; когда он улыбался или говорил, можно было заметить, что у него плохие зубы. Не мог флотоводец похвастать и крепким здоровьем, а в последние годы жизни он стал даже каким-то изможденным. По словам очевидцев, Нельсон – это «маленькая, исковерканная фигура... с беспокойными движениями и пронзительным голосом». Недвижимый, мутный, мертвый правый глаз и пустой правый рукав, согнутый и пристегнутый под грудью, производил тягостное впечатление на тех, кто видел его впервые (29).

Современники отмечают, что Нельсон всегда носил мундир со всеми наградами,

не меняя его на цивильный костюм даже дома. Объясняют это честолюбием и тщеславием адмирала. Действительно, эти слабости были присущи ему в полной мере. Но есть и другое, простое человеческое объяснение, почему Нельсон не расставался с мундиром и орденами. Рядом со своими соратниками капитанами – с рослым красавцем Дж. Самарецем или с мощным Т. Харди – он выглядел незначительным. Вот эту-то незначительность и должны были устранить многочисленные звезды и адмиральский мундир, в который был облачен щуплый моряк, по выражению одного автора, «хрупкий, как осенний лист» (30).

В курортном городке Нельсон задержался недолго и вскоре приехал в Лондон. Мучила не желавшая заживать рана и неизвестность относительно будущего. В Лондоне и к врачам, и к Адмиралтейству поближе.

Врачи быстро установили, что при ампутации руки корабельный врач плохо перевязал рану. В результате плечевая артерия оказалась зажатай, и больной страдал от постоянных болей. Спать он мог, только приняв дозу опиума. Постоянное лихорадочное состояние вызывало боли и в других частях тела. Нельсон считал, что это ревматизм. Врачи пытались его лечить, но лишь причиняли дополнительные мучения больному и, в конце концов, разводили руками, уверяя, что со временем рана заживет. Но вот временем-то Нельсона как раз и не располагал.

Ежедневно он наведывался в Адмиралтейство, пытаясь выяснить, на что может рассчитывать.

27 сентября в Сент-Джеймском дворце король вручил контр-адмиралу знак ордена Бани. Одновременно ему была назначена пенсия – 1000 фунтов стерлингов в год. По тем временам это была немалая сумма. Существовало правило, по которому лицо, получающее пенсию, должно представить мемориал, содержащий перечень его деяний на службе короля. Мемориал Нельсона гласит, что он «принял участие в четырех сражениях с вражескими флотами, а именно: 13 и 14 марта 1795 года, 13 июля 1795 года и 14 февраля 1797 года; в трех случаях атаковал фрегаты, шесть раз атаковал батареи, десять раз участвовал в лодочных операциях по блокированию гаваней и уничтожению отдельных судов, принимал участие во взятии трех городов. Служил также в армии на берегу четыре месяца и командовал батареями при осаде Бастии и Кальви. Во время войны содействовал захвату семи линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и одиннадцати катеров различных размеров, захватил или уничтожил около 50 торговых судов. Участвовал в сражениях и стычках с врагом до 120 раз» (31).

Нельсон всегда икал боевой встречи с врагом, что является одной из важнейших черт его флотоводческого таланта. Этим он и отличался от многих английских адмиралов – его современников, придерживавшихся осторожной, выжидательной тактики.

К концу 1797 г. окончательно развалилась первая коалиция, созданная Англией против Франции. Одна за другой подписывали мир с победоносной Францией Пруссия, Испания, Голландия. Успешный поход генерала Бонапарта в Италию закончился захватом почти всей страны. В октябре 1797 г. Австрия – последний союзник Англии – подписала мир с Францией, уступив ей Бельгию и владения на левом берегу Рейна; Венецианская республика прекратила свое существование, поделенная между Францией и Австрией. Ионические острова стали достоянием Франции. Английскому флоту пришлось уйти из Средиземного моря.

Затишье конца 1797 г. было тревожным. Премьер-министр Питт, упорный и настойчивый организатор борьбы против Франции, гадал со своими советниками, куда теперь враг двинет войска, в каком пункте будет нанесен удар. Доходили слухи, поступали агентурные данные, донесения консулов о том, что в Тулоне и других средиземноморских портах Франции идет энергичная подготовка к какой-то экспедиции с участием и флота, и сухопутных частей.

Питт сознавал, что предстоит очередной и, вероятно, очень опасный раунд в схватке с Францией, и поэтому Англии требуются смелые и инициативные морские офицеры. Впрочем, симпатий к Нельсону премьер-министр не питал, но его достоинства понимал и предполагал использовать талантливоего флотоводца в полной мере.

Контр-адмирал не представлял себе жизни без моря. В октябре 1797 года Нельсон писал Сент-Винсенту, что, хотя рука все еще очень болит, он намерен просить Адмиралтейство вернуть его на флот (32). И адмиралтейство удовлетворило его просьбу. Нельсона признали годным для действительной службы.

В октябре 1797 года адмирал Сент-Винсент приветствовал возвращение своего боевого товарища на флот и просил Адмиралтейство направить его на свою эскадру, все еще блокировавшую Кадис.

Судьба улыбнулась Нельсону и на этот раз. 29 ноября он лег в постель и не просыпался до самого утра. Это была первая спокойная ночь с июня месяца. Утром боль почти исчезла. Нельсон чувствовал себя заново родившимся. Срочно вызвал врача, он вскрыл повязку, и от легкого прикосновения лигатура¹² вышла из гноящейся раны. Через несколько дней рана начала быстро заживать.

Контр-адмирал тут же написал два письма. В первом, от 8 декабря, адресованном священнику ближайшей приходской церкви, говорилось: «Один офицер желает возблагодарить Господа Бога по случаю чудесного выздоровления от тяжелого ранения и за проявленное к нему многократно милосердие» (33). Нельсон просил отслужить по этому поводу благодарственную обедню в следующее воскресенье. Это была не простая формальность. Нельсон всегда оставался глубоко верующим. Подавляющее большинство моряков его времени были подлинно религиозными людьми, что, вероятно, наряду с прочим объяснялось постоянным общением с водной стихией, столь своенравной и загадочной, таившей в себе бесчисленные опасности.

Другое письмо Нельсон написал капитану Берри, вместе с которым в битве у мыса Сен-Висенти взял на бордаж двух испанских кораблей. Теперь контр-адмирал хотел, чтобы Берри командовал кораблем, на котором он поднимет свой синий адмиральский флаг. Но капитан готовился к свадьбе. «Если вы собираетесь жениться, – писал Нельсон, – я бы посоветовал вам сделать это побыстрее. В противном случае будущая г-жа Берри очень недолго сможет находиться в вашем обществе. Ибо я чувствую себя хорошо, и вас могут позвать в любой момент... Наш корабль стоит в Чэтэме. Это 74-пушечное судно, и на нем будет отборный экипаж» (34).

21 декабря было официально объявлено о назначении Нельсона на «Вангард». Пресса сообщила, что храбрый контр-адмирал вскоре отправится в какую-то секретную экспедицию. Тогда еще никто – ни Уильям Питт, ни Адмиралтейство, ни сам Нельсон – не знал, что эта экспедиция меньше чем через год принесет контр-адмиралу мировую славу, а Англии – крупный успех в борьбе с противником.

29 марта 1798 года Нельсон поднял свой синий контр-адмиральский флаг¹³ на линейном корабле «Вангард». 30 марта первый лорд Адмиралтейства писал адмиралу Сент-Винсенту: «Я весьма счастлив направить вам опять сэра Горацио Нельсона не только потому, что не смог бы послать более усердного, деятельного и испытанного офицера, но также и потому, что имею основания полагать, что его присутствие будет соответствовать вашим желаниям» (35).

Это действительно было так. И 1 мая Сент-Винсент отвечал: «Уверю ваше лордство, что прибытие адмирала Нельсона вдохнуло в меня новую жизнь. Прислав его, вы меня несказанно обрадовали. Его присутствие в Средиземном море настолько важно, что я имею в виду поставить под его командование «Орион» и «Александр» и, придав три-четыре фрегата, отправить по назначению, чтобы попытаться выяснить истинную цель приготовлений, осуществляемых французами» (36).

Нельсону предстояло провести операцию исключительно разведывательного характера – выяснить намерения противника. Но в то же время его миссия имела и другую цель. После того как два года тому назад английский флот был вынужден

¹² Лигатура – нить для перевязки кровеносных сосудов при операции.

¹³ В те годы в английском флоте применялось три адмиральских флага одинакового рисунка на полях красного, белого и синего цвета. Адмиралы первого класса поднимали красный флаг, второго – белый, и третьего – синий.

покинуть Средиземное море, приход Нельсона должен был означать: англичане возвращаются. Зачем? Ни у кого не могло быть сомнений: ради установления своего господства в этом бассейне.

Питт понимал, что восстановление английской репутации на морях – весьма важная предпосылка для организации следующей коалиции против Франции. 30 апреля лорд Спенсер писал Сент-Винценту: «Появление британской эскадры в Средиземной море является фактором, от которого в настоящий момент может зависеть судьба Европы» (37). Так действительно думали в Лондоне, хотя и явно преувеличивали роль военно-морского флота в тогдашней войне. Подобное преувеличение характерно как для политиков того времени, так и для бесчисленных английских и не только английских авторов, писавших о Нельсоне.

Весной 1798 года прежде всего требовалось точно установить, к чему готовятся французы в портах Тулона, Марселя, Генуи, Чивиттавекии и некоторых других. Правительство и адмиралтейство имели несколько предположений о возможных намерениях противника. Думали, что он собирается захватить Сицилию или остров Корфу. Не исключалось и нападение на Португалию. Считали, что французы атакуют Неаполь. Обсуждалась возможность замышляемого ими далекого похода в Вест-Индию с целью захвата находившихся там английских колоний. Очень вероятным представлялось, что Франция предпримет попытку послать флот и войска для высадки в Ирландию, с тем чтобы совместно с ирландскими патриотами нанести удар по Англии. Наконец, страшно боялись, что подготовляемая экспедиция направится в Ла-Манш, соединится там с другими кораблями французского флота, находящимися в Бресте, и войсками вторжения и обрушится на юго-восточное побережье Англии. Страх перед высадкой французов овладел многим сквайрами, до этого спокойно сидевшими в своих родовых поместьях, и они потянулись на западное побережье страны, наивно полагая, что французская армия в случае успеха ограничится оккупацией только восточной части страны. Перебирали все эти варианты, отмечает адмирал У. Джеймс, «но никто в это время не думал о Египте» (38).

Как ни странно, действительно не подумали, хотя английское правительство и Адмиралтейство весной 1798 года располагали весьма авторитетными данными об истинных намерениях французской Директории и ее генерала Бонапарта. Располагали, но практических выводов не сделали.

Известно, что в тот момент, когда Нельсон присоединился к эскадре Сент-Винцента у Кадиса, английский консул в Ливорно доносил: французское правительство собрало до 400 судов в портах Прованса и Италии; этот транспортный флот готовится сопровождать военная эскадра; вскоре спешно снаряжаемые суда смогут доставить сорокатысячную армию в Сицилию, на Мальту или в Египет. «Что касается моего личного мнения, – писал консул, – то я не исключаю, что флоту дадут это последнее назначение. И если французы имеют намерение, высадив войска в Египте, соединиться с Типу-Султаном¹⁴, чтобы ниспровергнуть английское владычество в Индии, то их не остановит опасение потерять половину армии при переходе через пустыню» (39).

В начале июня военный министр Англии Г. Дандас дважды писал первому лорду Адмиралтейства Спенсеру по этому вопросу. В первом письме читаем: «Мой дорогой лорд! Говорится ли в инструкциях, посланных лорду Сент-Винценту, что Египет следует учитывать при оценке целей экспедиции Бонапарта? Может быть, это фантазия, но я не могу избавиться от размышлений на этот счет». И затем следующее письмо: «Мой дорогой лорд! Индия всю ночь занимала мои мысли...» Эта тревога военного министра была естественна, ибо оба министра еще в апреле получили информацию, что французский офицер был направлен в Египет и оттуда проследовал в Индию. Ведавший иностранными делами лорд Гренвиль еще в январе получил сведения, что Директория

¹⁴ Правитель южно-индийского княжества Майсур, возглавивший борьбу с английскими завоевателями в Южной Индии в конце XVIII в.

строит планы в отношении Египта и английской торговли в Леванте. Были даже сведения, поступившие от английского капитана Сиднея Смита, о том, что в состав экспедиции Бонапарта включены математики, историки, геологи, которым поручено собирать сведения о древностях и сообщить свои соображения относительно ресурсов Египта и Индии, после того как они будут завоеваны французами.

Тем не менее, как замечает Ж.Гравьер, в инструкциях адмиралтейства только об одном Египте ничего не говорилось...

* * *

8 мая Нельсон с тремя линейными кораблями, двумя фрегатами и корветом вышел из Гибралтара и двинулся к южным французским портам. Он не знал еще, что в это же время Бонапарт прибыл в Тулон. Через несколько дней англичане захватили французский корвет и от его команды узнали о прибытии Бонапарта, о том, что 15 французских линейных кораблей, находящихся в Тулоне, готовы к выходу в море, что командует ими адмирал Ф. Брюэс, держащий свой флаг на 120-пушечном «Ориенте», что большое количество войск должно быть погружено на транспорты. Ценная и важная информация, но не менее важно было Нельсону знать, когда и куда направляется эта грозная армия. Экипаж корвета ему ничем не мог помочь.

Не знал еще Нельсон и о том, что в Лондоне крайне обеспокоенные правительство и Адмиралтейство дали новые указания Сент-Винценту касательно Средиземного моря. Во-первых, адмиралу было предложено любыми средствами помешать подготавливаемой французами экспедиции достигнуть ее цели. Во-вторых, для этого адмирал должен был выделить в распоряжение «какого-либо осмотрительного флаг-офицера» 12 линейных кораблей. Это означало, что англичане переходили от наблюдения и разведки силами флота к использованию этих сил для нанесения поражения французам в Средиземном море. Это открывало перед Нельсоном возможности, о которых он мог только мечтать.

Но будет ли Нельсон этим «осмотрительным офицером»? Правда, Сент-Винцент послал его с небольшим отрядом к Тулону, но теперь туда пойдет мощная эскадра, и командование ею могло быть поручено другому офицеру. Тем более что в распоряжении Сент-Винцента было два более старших, чем Нельсон, адмирала. Когда же о назначении Нельсона было объявлено, они возмутились тем, что их обошли, и направили Сент-Винценту письменный протест. Но тот отличался решительным характером и не терпел, когда ему мешали. Он писал Нельсону: «Сэр Уильям Паркер и сэр Джон Орд написали энергичный протест против поручения вам, а не им, командования отдельной эскадрой!.. Как только их письма поступят, им обоим будет приказано отбыть в Англию» (41). Адмирал Орд был так уязвлен, что даже вызвал Сент-Винцента на дуэль, которая была предотвращена только благодаря вмешательству правительства.

Поэтому весьма кстати подоспело личное и секретное письмо Спенсера, которое Сент-Винцент получил одновременно с новым приказом. «Если вы полны решимости послать эскадру в Средиземное море, – писал первый лорд Адмиралтейства, – я думаю, что нет нужды давать вам советы о целесообразности поручить командование ею сэру Горацио Нельсону, чье знание этой части мира, равно как и его активность и характер, кажутся, делают его особенно подходящим для выполнения данной задачи» (42). Письмо Спенсера укрепило Сент-Винцента в его решении.

Для операции в Средиземном море было дополнительно выделено 10 74-пушечных линейных кораблей, прекрасно снаряженных и имеющих хорошо обученные экипажи. Их повел к Нельсону и повез ему новые инструкции капитан Трубридж. Ни о чем этом контр-адмирал пока не знал и вел наблюдение за французскими портами.

19 мая у южного побережья Франции разразился сильный шторм. Северо-западный ветер отнес корабли Нельсона от берега, разбросал их, а на флагманском корабле «Вангард» сломал фок-мачту и две стеньги. Корабль, почти полностью лишенный рангоута¹⁵, потерял управление, его несло к берегам Сардинии.

¹⁵ Рангоут – совокупность деревянных брусев, предназначенных для постановки парусов, для

Другой линейный корабль, «Александр», взял «Вангард» на буксир, чтобы его не разбило о скалы. Однако был момент, когда, казалось, уже ничто не спасет изувеченное судно. В последнюю минуту, к счастью, ветер изменился, и капитан «Александера» Болл смог дотянуть «Вангард» до укромной гавани.

Итак, вмешался неблагоприятный случай (а их на море ох как много!), и все планы Нельсона рухнули. Повреждения на корабле были так велики, что на его ремонт требовались два-три месяца, причем в доке. Любой другой командир после этого увел бы корабли в Гибралтар и там стал бы на ремонт. Но не Нельсон. Он решил ремонтировать на месте, своими силами.

На корабле у Болла служил плотник Джеймс Моррисон, отличный мастер, и под его руководством в течение четырех дней сохранившаяся на «Вангарде» оснастка была использована для устройства временных аварийных мачт. Теперь корабль вновь смог выйти в море.

Однако Нельсона ждала новая неприятность. Прибыв на условное место, где должна была состояться встреча с фрегатами (об этом договаривались заранее на случай шторма или других непредвиденных обстоятельств), адмирал их не обнаружил. Теперь он остался без легких судов, без средств разведки.

Впоследствии выяснилось, что капитаны фрегатов, видевшие, как пострадал «Вангард» от шторма, ни минуты не сомневались в том, что его доставят для ремонта в Гибралтар, и сами ушли туда.

Однако худшее еще было впереди. 31 мая Нельсон, находясь уже недалеко от Тулона, получил сведения, что за 12 дней до этого, именно тогда, когда английские корабли были отброшены штормом от берега, французский флот покинул Тулон и, избежав встречи с англичанами, ушел в неизвестном направлении. Куда двинулся генерал Бонапарт со своими 13 линейными кораблями и 400 транспортами, никто не знал. Подготовка этой экспедиции являет собой образец сохранения военной тайны. Уже после того, как экспедиция отбыла из Тулона, начальник Тулонского порта писал морскому министру: «Я знаю о назначении эскадры не более чем знал бы, если бы она не принадлежала республике» (43).

Нельсон вернулся на условленное место встречи на случай, если появятся фрегаты или посыльное судно, и там к нему 7 июня присоединился Трубридж с кораблями, посланными адмиралом Сент-Винцентом. Теперь под командованием Нельсона была эскадра из 13 лучших 74-пушечных линейных кораблей, одного 50-пушечного и одного брига. Это было солидное боевое соединение, но с существенным недостатком – отсутствовали фрегаты, крайне необходимые для разведывательных операций. Использовать для этого линейные корабли было нельзя, и потому Нельсон, вынужденный искать французскую армаду в море, не имея точных данных о ее цели, оказался в довольно трудном положении.

Трубридж доставил и новые инструкции. Нельсону приказывали «найти, захватить, потопить, сжечь или иным путем уничтожить вражеский флот», где бы он его не нашел (44). Англичанам надлежало «преследовать французов в любых портах Средиземного и Адриатического морей, Греческого архипелага и даже Черного моря» (45). Кроме этого, Нельсон должен был решить весьма важную политико-дипломатическую задачу. Ему следовало добиться у великого герцога Тосканского и короля Неаполитанского (Королевства обеих Сицилий) – двух правителей оставшихся не захваченными французами государств на Апеннинском полуострове – согласия на снабжение эскадры водой, продовольствием, снаряжением. Это было сложное поручение, ибо и герцог и король опасались вторжения в их владения французских войск и не желали поэтому нарушать свой вынужденный нейтралитет. Контр-адмиралу разрешалось получать снабжение и в Турции, и на Мальте, и в Алжире, и в Тунисе, и в Триполи. Нельсон должен был «поддерживать переписку с посланниками Англии при всех итальянских дворах, а также в Вене и Константинополе, а также с

консулами по берегам морей», в которых ему предстояло действовать. Как в те времена часто случалось, командующий эскадрой становился политиком и дипломатом.

Внушительная эскадра Нельсона двинулась на юг в поисках неприятеля. Поскольку последнее предположение Сент-Винцента сводилось к тому, что французы собираются захватить Неаполь или Сицилию, англичане двинулись к Неаполю. Так начались два трудных месяца в жизни Нельсона, два месяца нарастающего напряжения, разочарования, а иногда и отчаяния в связи с тем, что отыскать следы экспедиции Бонапарта никак не удавалось. Контр-адмирал имел в своем распоряжении прекрасную эскадру, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу, но... не мог найти противника. Нельсон понимал, чего именно от него ждут. «Многие репутации были приколоты гвоздями к верхушке мачты корабля Нельсона, – пишет Дж. Расселл. – Репутации Питта, Спенсера и военного кабинета, а также Сент-Винцента... собственная репутация Нельсона, репутация военно-морского флота, крайне подорванная недавними восстаниями на кораблях в Спитхеде и Норе, развевались по ветру. И сверх всего, речь шла о репутации Англии» (46).

* * *

Англичане добрались до Неаполя, но сам контр-адмирал на берег не сошел и отправил туда капитана Трубриджа, которому надлежало явиться к английскому посланнику при дворе неаполитанского короля сэру Уильяму Гамильтону. Нельсон уже бывал ранее в Неаполе. В сентябре 1793 года, когда он командовал кораблем «Агамемнон», его послали к неаполитанцам с известием о захвате Тулона англичанами и с требованием направить им на помощь неаполитанские войска. Нельсон и его пасынок Джошуа Нисбет пять дней прожили в резиденции английского посланника.

После первой встречи с Нельсоном сэру Уильям Гамильтон, описывая его своей жене Эмме, говорил, что это «человек небольшого роста, который не может похвалиться интересной внешностью». Гамильтоны приняли Нельсона весьма предупредительно, и он остался очень доволен. Официальную миссию капитан тоже выполнил успешно. Неаполитанцы срочно послали свои отряды в Тулон. Однако это не помешало войскам революционной Франции вскоре вышибить из Тулона и англичан, и их союзников.

На этот раз Трубридж, действовавший по приказу Нельсона, должен был получить у Гамильтона и неаполитанцев сведения по трем вопросам: где находится экспедиция Бонапарта, предоставит ли неаполитанский король свои фрегаты в распоряжение англичан и открыты ли порты Неаполя и Сицилии для снабжения там английских кораблей? Боявшиеся французов неаполитанцы не дали ни фрегатов, ни официального согласия на заход английских кораблей, но неофициально обещали снабдить эскадру всем необходимым в портах Сицилии. Что касается местонахождения Бонапарта, то Трубриджу сообщили, что флот французов ушел к Мальте.

Нельсон, наконец, получил хоть какие-то данные о противнике и немедленно, 17 июня, направился к Мальте. Островом в то время управлял Орден мальтийских рыцарей – потомков крестоносцев, ходивших несколько веков тому назад воевать Святую Землю. Нельсон писал великому магистру Ордена, что тому следует собрать все военные суда, лодки и направить их навстречу английской эскадре, ибо, «не теряя ни минуты, необходимо уничтожить французский флот». Но к тому моменту Мальта уже сдалась французам практически без сопротивления. Об этом Нельсон узнал 22 июня от экипажа генуэзского брига, остановленного им у южного побережья Сицилии. Генуэзцы рассказали, что Бонапарт уже покинул Мальту. Куда же он двинулся? Неизвестно.

Итак, Неаполь отпал, Сицилия отпала, теперь отпала и Мальта. Нельсон решил, что остается Египет, как наиболее вероятная цель французов, хотя нельзя было исключить и Турцию. Контр-адмирал немедленно собрал наиболее опытных своих капитанов – Самареца, Трубриджа, Болла и Дарби. Все они высказали предположение, что французы пошли к Египту. Туда же направилась и английская эскадра.

Напряжение и нервозность Нельсона нарастали, он плохо владел собой. Контр-адмирал днем и ночью жил только предстоящим сражением с французами. Он вынашивал планы битвы на все возможные случаи, вызывал капитанов и обсуждал с

ними свои замыслы. Через некоторое время капитаны уже прекрасно знали, как их командующий поступит в любой ситуации, знали и свои задачи. Это превратило эскадру в единый организм, способный четко действовать и мгновенно реагировать на все маневры противника. В свою очередь, капитаны в походе вели непрерывные учения по стрельбе, неустанно тренируя офицеров и матросов.

Бонапарт уже знал, что эскадра Нельсона ищет его, и пошел на хитрость. Он отправился к Александрии непривычным, более южным путем. Нельсон же спешил на всех парусах по кратчайшему. В ту же ночь его эскадра, повернув к Александрии, прошла в непосредственной близости от французской. В тумане англичане не заметили тех, за кем гнались.

Историки гадают, как развивались бы события, если бы у Нельсона были фрегаты и экспедицию Бонапарта удалось бы тогда обнаружить и уничтожить на море. История подбрасывает много таких вопросов. И попытки ответить на них – дело непродуктивное.

В реальной жизни все произошло следующим образом. Английская эскадра обогнала медленно двигавшуюся флотилию французов и достигла, наконец, Александрии, но противника здесь не было. Нельсону задержаться бы здесь на два-три дня, но в его разгоряченную голову не пришла простая мысль, что французы отстали, поскольку у английских линейных кораблей более быстрый ход, чем у торговых кораблей и транспортов, составлявших основную массу судов экспедиции Бонапарта. Контр-адмирал решил, что французы находятся в Сицилии. Английская эскадра тут же повернула обратно. И здесь Нельсону опять не повезло. Дул встречный ветер, приходилось маневрировать и медленно продвигаться вперед. Лишь 19 июля, разминувшись второй раз на близком расстоянии с французами, английская эскадра прибыла в Сиракузы на Сицилии. Нельсон чувствовал, что в чем-то ошибся, и написал подробное донесение Сент-Винценту и Адмиралтейству с обоснованием своих действий. Оно звучало как оправдание. Капитан Болл, ознакомившись с донесением, сказал, что это образец краткости и ясности, но отправлять его не рекомендовал. «Я бы по-дружески посоветовал, – сказал Болл, – никогда не оправдываться заранее, до того момента, пока тебя не обвинили в ошибках» (47).

Действия Нельсона в течение двух месяцев, предшествовавших сражению у Абу-Кира (Абукира), показывают, что даже выдающиеся военачальники не могут избежать ошибок. «Цепь ошибок Нельсона свидетельствует о том, что он не смог верно оценить обстановку и разгадать замысел противника», – констатируют советские авторы «Истории военно-морского искусства» (48).

В Сиракузах эскадра запаслась водой, живыми быками (для питания) и топливом. Когда Нельсон прибыл в Сиракузы, он, по его собственному признанию, «так же ничего не знал о местонахождении врага, как и 27 дней тому назад», в течение которых он гонялся за противником и не мог его настигнуть. Адмирал решил, что, вероятно, французы все же в Египте, и срочно пошел опять к Александрии.

В Неаполе тем временем королевский двор и английский посланник пребывали в панике, опасаясь, что Бонапарт вот-вот высадится со своей армией на территории Королевства обеих Сицилий. Жена посланника Эмма Гамильтон писала Нельсону: «Я боюсь, что здесь все потеряно... Я надеюсь, что вы не уйдете из Средиземного моря, не захватив нас» (49).

* * *

Ветер дул благоприятный, и переход от Сиракуз до Александрии занял всего четыре дня. Англичане подошли к порту и опять не нашли там французских кораблей. Был дан сигнал повернуть на восток и идти вдоль берега. В час тридцать дня, как обычно, команды принялись за обед. И в это время вахтенные увидели, что линейный флот французов стоит на якоре в Абукирском заливе. Нельсон, приказав поднять сигнал «приготовиться к сражению», сразу же успокоился и распорядился подать обед, пригласив на него офицеров. Теперь все стало ясно. Каждый заранее знал, что ему делать, поэтому планы сражения не обсуждались. Поднимаясь из-за стола, контр-адмирал в присутствии ему высокопарном стиле заявил на прощание офицерам:

«Завтра к этому времени я заслужу или лордство, или Вестминстерское аббатство»¹⁶ (50)

Ровно месяц назад экспедиция Бонапарта спешно, но вполне благополучно высадилась в Александрии. К моменту возвращения Нельсона Бонапарт уже успел разбить мамелюков в сражении у пирамид. Адмирал Ф. Брюэс между тем отвел французскую военную эскадру в Абукирский залив, нарушив приказ укрыть флот в порту Александрии или на острове Корфу, под защитой прибрежных батарей. Произошло это потому, что Брюэс не ожидал возвращения английской эскадры. Вот и в тот день 1 августа, когда на французских кораблях неожиданно взвилось два сигнала – «Неприятель в виду» и затем «Неприятель приближается и держит к заливу», шлюпки были уже посланы на берег за водой, при них находилась часть экипажей кораблей, а из четырех фрегатов, несших сторожевую службу, ни один не крейсировал вне залива.

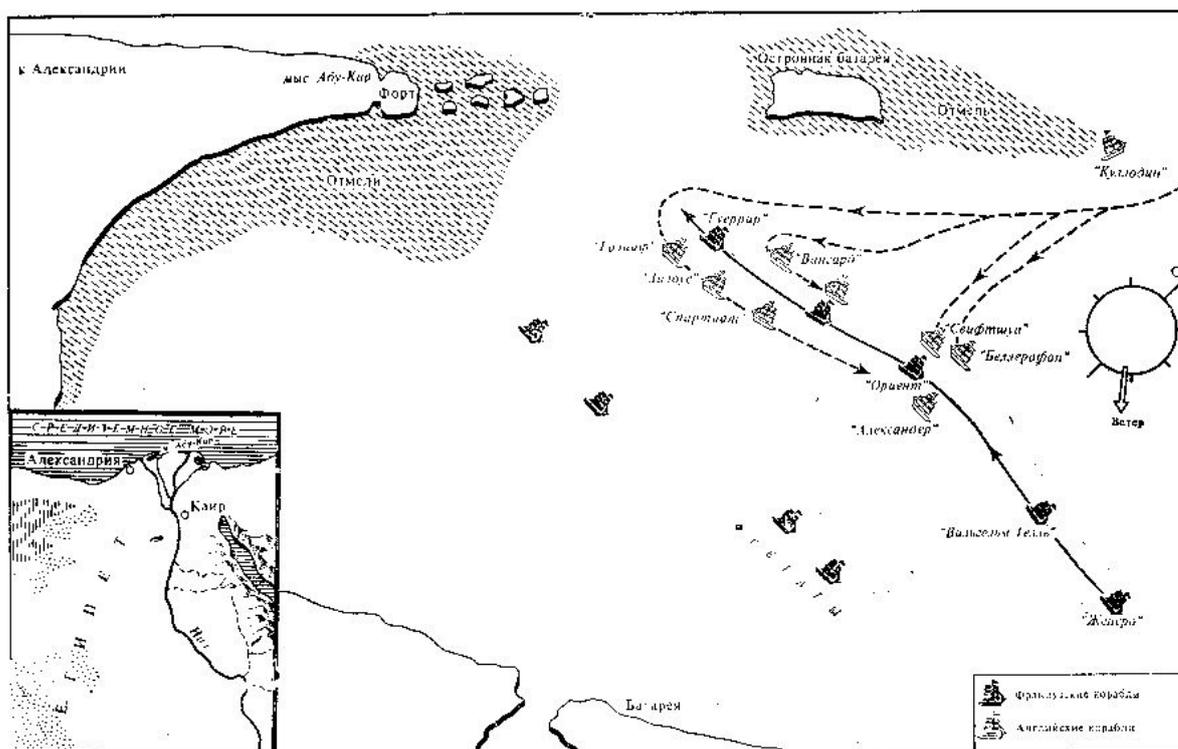
Брюэс собрал военный совет. Решили ожидать подхода англичан на месте, ибо не хватало людей, чтобы одновременно вести бой и управлять парусами. Шлюпки с командами отозвали с берега, но большая их часть почему-то была не в состоянии вовремя прибыть на корабли. Приготовления к бою велись нерешительно. Французы надеялись, что 13 кораблей, из них один 120-пушечный и три 80-пушечных, построенные в боевую линию в глубине залива, защищенные отмелями и разместившейся на берегу батареей, смутят англичан, к тому же время близилось к вечеру, и Брюэс думал, что на ночь глядя, не зная рейда и подходов к нему, Нельсон не начнет сражение. Несобранность французов была на руку англичанам.

Нельсон, ни минуты не колеблясь, принял решение немедленно атаковать. Дело к вечеру – значит, бой будет ночным. Тактика Нельсона при Абукире состояла в том, чтобы атаковать превосходящими силами часть кораблей неприятеля, уничтожить их, а затем всеми наличными силами обрушиться на остальные и тоже уничтожить или захватить их. «Я всегда верил, – высокомерно заявлял Нельсон, – что один англичанин равняется трем французам» (51). Но когда приходилось вести крупное морское сражение, он старался разместить свои корабли так, чтобы три из них имели против себя один французский. Это напоминало тактику Наполеона на суше.

Французская эскадра стояла растянутой кильватерной колонной в заливе у берега по линии направления ветра. Французы и мысли не допускали, что противник рискнет вклиниться между ними и берегом. Ведь это означало почти наверняка посадить корабли на мель. Однако головной корабль английской эскадры прошел в узком пространстве между берегом и ведущим французским кораблем, за ним последовали еще четыре корабля и бросили якоря против находящихся впереди судов эскадры Брюэса.

Остальные суда Нельсон разместил вдоль противоположных бортов вражеских кораблей. Таким образом, французский авангард и центр оказались под огнем с двух сторон, а арьергард, которым командовал адмирал П.Ш. Вильнев, из-за неблагоприятного направления ветра не смог подтянуться и поддержать корабли Брюэса. В результате семь французских кораблей вынуждены были противостоять тринадцати английским. Французы тут же обнаружили еще одну свою оплошность. Батареи левых бортов их кораблей (обращенные к берегу), оказались загроможденными множеством хозяйственных предметов и не могли в полной мере вести огонь.

¹⁶ В Вестминстерском аббатстве в Лондоне хоронят королей и самых выдающихся деятелей Англии.

Сражение при мысе Абу-Кир

Первыми залпами противники обменялись в тот момент, когда солнце садилось за горизонт.

Английские корабли начали бой под белым флагом. Синий нельсоновский флаг трудно было бы различить ночью. Затем, когда темнота сгустилась, они подняли еще по четыре фонаря.

Из всех английских кораблей только один «Куллоден» капитана Трубриджа сел на мель и не смог до двух часов ночи принять участие в сражении. Все остальные суда, включая два из них, подошедшие в темноте, благополучно заняли свои места против кораблей противника.

Дальнобойность артиллерии в те дни была невелика, и часто во время сражений корабли сходились настолько близко, что огонь, вылетавший из орудий одного корабля, лизал борта другого, по которому шла пальба. На кораблях адмирала Нельсона было 1012 орудий и 8 тысяч матросов. У адмирала Брюэса – 1183 орудия и 10 тысяч матросов (52). Через полчаса два передовых французских судна были выведены из строя.

В восемь часов Нельсон был ранен. Осколком железа ему сорвало кожу на лбу, и она повисла широким лоскутом над глазами. Хлынула кровь, и контр-адмирал утратил возможность видеть. Он упал с восклицанием: «Я убит, позаботьтесь о жене!» (53) Его подхватил флаг-капитан Берри. Раненого снесли вниз. Вопреки уверенности Нельсона, что ранение смертельно, врач констатировал – непосредственной опасности для жизни оно не представляет. Рану перевязали, и врач просил больного лежать спокойно. Но Нельсон не внял его советам, тут же позвал секретаря и попытался диктовать донесения Адмиралтейству. Ожесточенное сражение и ранение контр-адмирала настолько подействовали на секретаря, что он не в состоянии был писать, так у него дрожали руки.

Тогда Нельсон сам взялся за перо левой рукой и приступил к составлению донесения. Вскоре Берри спустился вниз и сообщил, что французский флагманский корабль «Ориент», на котором командир эскадры Брюэ держал свой флаг, горит. Нельсон поспешил вверх. Корабль полыхал и около десяти часов взорвался со страшным грохотом. Пораженные невиданным взрывом, команды кораблей обеих эскадр прекратили на несколько минут стрельбу. Постепенно люди пришли в себя, и канонада возобновилась.

Французский адмирал был руководителем нерешительным, неорганизованным, но обладал незаурядной личной храбростью. Дважды тяжело раненный, Брюэ не разрешал, чтобы его снесли вниз, и оставался на мостике до тех пор, пока новое ядро не избавило его от трагического зрелища – гибели своего корабля. Взорвавшийся «Ориент» увлек в глубины Абукирского залива не только бездыханное тело Брюэса, но также 600 тысяч фунтов стерлингов в золотых, слитках и бриллиантах, которые французы изъяли у Швейцарии и римского папы для финансирования восточной экспедиции Бонапарта. На дно ушли и сокровища, реквизированные французами у мальтийских рыцарей. Мальтийцев обобрал дочиста. Наполеон не церемонился и умел делать такие вещи. Ограбили даже церкви. Из церкви св.Иоанна забрали 12 статуй апостолов, изготовленные из серебра (54).

Битва продолжалась до утра, замирая временами, когда смертельно усталые матросы падали у пушек и засыпали на несколько минут. Рассвет увенчал полную победу английской эскадры. Французы потеряли свыше 6 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Потери англичан равнялись примерно тысяче человек.

Победу удалось одержать потому, что весь личный состав английской эскадры – матросы и офицеры – знал замысел своего командующего и инициативно и самоотверженно реализовывал его каждый на своем месте. Заслуга Нельсона, безусловно, велика. Он составил и отработал план сражения и взял на себя всю полноту ответственности за его осуществление. То было время, когда связь в современном понимании отсутствовала. Контр-адмирал сам все решал и за все отвечал. Согласовать план сражения и утвердить его в Адмиралтействе возможности не было.

В 1966 году один английский адмирал заметил, что быстрые средства связи имеют и хорошую и плохую сторону. «Нельсон, – сказал он, – никогда не одержал бы ни одной победы, если бы в те времена был телекс».

Первый приказ Нельсона, отданный утром 2 августа 1798 года по поводу победы у Абукира, гласил: «Бог всемогущий благословил оружие его величества и даровал ему победу. Вследствие этого адмирал имеет намерение отслужить сегодня же, в два часа, общий благодарственный молебен и рекомендует на всех кораблях эскадры сделать то же, как только представится возможность» (55). Во втором приказе он «от всего сердца поздравляет капитанов, офицеров, матросов и морских солдат эскадры, над которой имеет честь начальствовать, с результатом нынешнего сражения и просит их принять его искренние и чувствительные благодарения за их доблестное поведение в этот славный день. Вероятно, каждый английский матрос понял теперь, каково превосходство команд, соблюдающих порядок и дисциплину...» (56)

Процитированный документ весьма многозначителен. Во-первых, он лишний раз свидетельствует о религиозности Нельсона. Контр-адмирал был убежден, что всевышний послал ему предварительно ряд испытаний, чтобы унять его гордыню и сделать достойным милости божьей, которая будет оказана в виде победы. Теми же чувствами проникнуты письма Нельсона к жене, написанные сразу после шторма, который отбросил английскую эскадру от Тулона и изувечил его корабль. К этой категории явлений Нельсон относил и то обстоятельство, что два месяца он тщетно гонялся за французами.

Во-вторых, приказ свидетельствует о понимании Нельсоном дисциплины, обучения команд военных кораблей для обеспечения их превосходства в бою. Мы уже знаем, какими средствами в английском флоте поддерживали порядок. Бунтовавших моряков вешали, а затем многие из скомпрометированных судов посылались в разное время в эскадру Сент-Винцента, и он вздергивал на рею тех, кто вновь проявлял непокорность. Весной 1798 года Сент-Винцент жаловался Нельсону: «Что они там (Адмиралтейство. – В.Т.) думают, постоянно посылая мне мятежные суда? Неужели они полагают, что я буду вешателем для всего военно-морского флота?» (57)

В течение двух месяцев, предшествовавших Абукиру, Нельсон держал команды в предельном напряжении как повседневными упражнениями в стрельбе, так и работой с парусами. Однако контр-адмирал прекрасно понимал, что здоровый и сытый матрос – это

ценный боевой материал, и заботился об этих сторонах матросской жизни.

На следующий день после сражения Нельсон занялся подготовкой обстоятельных донесений в Лондон и Сент-Винценту о происшедшем. Письма были вручены капитану Берри, который получил приказ доставить их к Кадису и в Англию. На случай, если бы с Берри что-либо произошло и он не смог бы выполнить свою миссию, с дубликатами донесений два моряка были направлены в Неаполь к Гамильтону. Осторожность оказалась не напрасной. В море корабль Берри «Линдер» наткнулся на улизнувший из Абукирского залива французский корабль. Завязался бой, в результате которого «Линдер» был захвачен, а Берри взят в плен. Донесения же, отправленные в Неаполь, оттуда были доставлены через Европу в Лондон.

Одновременно Нельсон направил письмо английскому губернатору в Бомбее. Английские власти в Индии были крайне обеспокоены действиями экспедиции Бонапарта на Ближнем Востоке. Они опасались, что его целью является Индия. Нельсон поспешил их успокоить. Курьер – флотский лейтенант – через Алеппо, Багдад, Персидский залив в 60 дней добрался до Бомбея. Нельсон писал губернатору: «В нескольких словах скажу вам, что сорокатысячная французская армия, посаженная на 300 транспортов, в сопровождении 13 линейных кораблей и 11 фрегатов, бомбардирских судов и пр., высажены 1 июля в Александрии. 7-го она направилась к Каиру, куда и вошла 22-го числа... Я имел счастье не выпустить из Генуи еще другой 12-тысячный корпус, а также взять 11 линейных кораблей и 2 фрегата. Словом, только 2 корабля... успели избежать плена. Славная битва эта происходила на якоре в устье Нила; она началась на закате солнца 1 августа, а кончилась на другой день... Дело было жаркое». (58)

Действительно, победа англичан при Абукире сняла угрозу французского похода в сторону Индии. Более того, она обрекла на поражение армию Бонапарта. Нельсон организовал блокаду французской армии, поручив командование выделенными для этого судами капитану Сиднею Смиту. Сопrotивление населения Египта и Сирии в сочетании с блокадой убедили Бонапарта, что дальнейшее пребывание на Ближнем Востоке может закончиться только его гибелью. И в августе 1799 года Бонапарт тайно покидает Египет, оставив армию на генерала Клебера. 47 дней пробираются всего два французских фрегата по Средиземному морю (а ведь англичане теперь контролировали средиземноморские пути), и в, конце концов, Бонапарт благополучно высаживается на французском берегу¹⁷.

* * *

Абу-Кир помог английским политикам создать в 1798 году вторую коалицию против Франции. Установление французского контроля в Голландии и Швейцарии, захват Бонапартом Мальты и его поход в Египет встревожили ряд держав и подтолкнули их к объединению. Разгром французского флота и упрочение английских позиций в Средиземном море содействовали достижению договоренности между Англией, Россией, Австрией, Испанией, Неаполем и Турцией, образовавшими вторую коалицию. В рамках этой коалиции возник союз России с Турцией и русская эскадра адмирала Ушакова получила возможность пройти через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море.

Победа над французским флотом у Абукира была очень полезна для английского правительства и во внутривполитическом плане. Авторитет правительства Питта возрос, вероятность вторжения французов значительно уменьшилась. Именно это обстоятельство создало Нельсону огромную популярность в Англии. Отсюда берет начало его всенародная слава национального героя, которая достигнет своего апогея через семь лет.

На Нельсона обрушилась лавина наград. Те, кто считал для себя выгодным поражение французов, отметили адмирала и его капитанов. Первая награда прибыла от турецкого султана – бриллиантовый плюмаж, который полагалось носить на шляпе, и также ряд других ценных подарков.

Монархи ряда европейских стран прислали украшенные бриллиантами ларцы. На крышке ларца императора Павла I имелся также его миниатюрный портрет.

¹⁷ Французские войска в Египте продержались до 1802 года.

Вест-Индская компания преподнесла победителям 10 тысяч фунтов стерлингов. Представители лондонского Сити, получив от Нельсона шпагу французского адмирала, захваченную в бою, вручили контр-адмиралу и его капитанам дорогие шпаги. Король наградил капитанов эскадры золотыми медалями. Александр Дэвисон, занимавшийся реализацией призов – трофеев, взятых в Абукирском сражении, преподнес капитанам золотые, офицерам серебряные и матросам – бронзовые медали.

Наиболее оригинальным был подарок близкого друга Нельсона – капитана корабля «Свифтмор» Бена Галлоуэлла. Даритель писал: «Мой лорд! При сем посылаю вам гроб, изготовленный из куска главной мачты «Ориента». Когда вы устанете от жизни, вас смогут похоронить в одном из ваших трофеев» (59). Адмиралу подарок очень понравился. Его потом видели в каюте стоящим вертикально с закрытой крышкой сзади кресла Нельсона, на котором он сидел за обеденным столом.

В английском флоте существовала определенная шкала наград в зависимости от характера заслуг. Обычно можно было заранее представить себе награду, которая может последовать. Адмиралы всегда получали высокие титулы. Так, напомним, что Джервис за битву у мыса Сент-Винцент получил титул графа. Учитывая, что победа у Абукира была намного более значительной по числу захваченных и уничтоженных кораблей противника и по политико-стратегическим последствиям, Нельсон надеялся, по крайней мере, стать виконтом, что на одну ступень ниже графского титула. К великому разочарованию адмирала и неудовольствию его друзей и соратников, ему дали лишь титул барона (то есть самую низшую степень английского пэрства). На недоуменные вопросы правительство отвечало: Нельсон был лишь командиром эскадры, но не главнокомандующим в средиземноморском районе (то есть находился в подчинении у адмирала Сент-Винцента). Это, конечно, была формальная отговорка. Причина заключалась в том, что руководители Адмиралтейства и все те, кого Нельсон обошел своим продвижением по службе, не любили его и повлияли на решение правительства. В жизни такие вещи случаются нередко.

До середины августа эскадра Нельсона стояла на месте сражения. Приводили в порядок корабли. Повреждения были огромные. Задача состояла в том, чтобы приспособить суда хотя бы для одного перехода до Неаполя, и Гибралтара, где их можно было поставить в доки. Требовалось снять с мелей захваченные французские корабли с тем, чтобы доставить их в Гибралтар. За эти призы команды – от адмирала до рядового матроса – получали денежные премии – «призовые деньги». В некоторых случаях адмиралам и капитанам удавалось таким образом сколотить крупные состояния. Поэтому за призами упорно охотились. В английском флоте было немало таких кораблей-призов, в разное время захваченных у испанцев или французов и затем поставленных под английский флаг.

15 августа, наконец, прибыли к Нельсону фрегаты, посланные Сент-Винцентом. С ними был доставлен приказ: срочно идти на северо-запад. Нельсон приказал сжечь три французских корабля, которые еще не были подготовлены к переходу. Часть его эскадры осталась блокировать армию Бонапарта, часть пошла в Гибралтар с призами, а сам он с тремя английскими кораблями направился к Неаполю.

Нельсон покинул Абукир 19 августа 1798 года. В плавание отправились три самых пострадавших корабля. Считали, что до Гибралтара они могут не дойти, а до Неаполя, который значительно ближе, возможно, дойдут. Ветер был слабый или противный, корабли не в порядке – поэтому шли медленно. В общем, это было даже кстати. Нельсон отдыхал. После огромного более чем двухмесячного напряжения контр-адмирал слег. Сам Нельсон и его спутники понимали, что он серьезно болен. Врачи настаивали на том, чтобы он получил отпуск, поехал в Англию и там привел свое здоровье в порядок. «Моя голова, – писал Нельсон с дороги Сент-Винценту, – раскалывается, раскалывается, раскалывается...» (60) Писать ему было трудно, и он трижды пытался вывести последнее слово. Адмирал собирался пробыть в Неаполе только четыре-пять дней.

До Неаполя добирались более месяца. Накануне прибытия неожиданный шквал сломал мачты на «Вангарде», и адмиральский корабль подходил к Неаполю,

буксируемый фрегатом «Талия».

Встреча была бурной и превзошла все ожидания Нельсона. По зеркальной глади Неаполитанского залива навстречу английским кораблям скользило более 500 судов под разноцветными парусами. На многих играли оркестры, и все суда без исключения до предела были забиты шумными и ликующими неаполитанцами. Не переставая звучала мелодия знаменитой песни «Правь, Британия!» и британского гимна «Боже, храни короля».

Первой к «Вангарду» приблизилась барка английского посланника Гамильтона. Его встретили салютом из 13 орудий. О дальнейшем Нельсон писал жене так: «Сцена в лодке была эффектна. Жена посланника с возгласом «О боже, неужели это возможно?» упала в мои объятия. Я надеюсь когда-нибудь представить тебя леди Гамильтон. Она одна из лучших в мире женщин» (61). Через час на «Вангарде» был произведен новый салют из 21 орудия. Это властитель Королевства обеих Сицилий король Фердинанд IV лично пожаловал на борт английского корабля, чтобы поздравить контр-адмирала с победой.

Неаполь веселился на протяжении многих дней. Всюду музыка, иллюминация, фейерверки, приемы, обеды в честь победы англичан. Центром этих празднеств было посольство Британии – резиденция Гамильтонов, палаццо Сесса. Нельсон собирался остановиться в гостинице, но Гамильтоны и слушать не хотели об этом. Его поселили в лучших апартаментах дворца, предназначенных для самых почетных гостей. Кульминацией торжества стал прием по случаю дня рождения Нельсона 29 сентября. Ему исполнилось 40 лет. Во дворец Сесса было приглашено 1800 гостей. В большом зале возвели роstralную колонну с выгравированными на ней словами «Veni, vidi, vici» и именами всех английских капитанов, сражавшихся при Абукире. Нельсон любил поклонение и от души наслаждался льстивыми хвалами.

Эмма, леди Гамильтон, взяла на себя заботу о здоровье контр-адмирала. Нельсон лежал в комнате на втором этаже, из широких окон которой открывался величественный и прекрасный вид. Залив был как на ладони, но английских кораблей – ветеранов Нила – видно не было; они чинились в доке. Вдали возвышался Везувий. Эмма кормила больного бульонами, поила ослиным молоком, читала ему вслух, меняла повязки. Впервые в жизни Нельсон ощущал по отношению к себе такую нежную, трогательную заботу.

Ему нужно было выздоравливать, и поскорее. Адмиралтейство, получив донесение о победе над французским флотом, возложило на английскую эскадру Средиземного моря новые обязанности, а именно – «защиту побережья Сицилии, Неаполя и Адриатики и, если военные действия в Италию возобновятся, активное сотрудничество с австрийской и неаполитанской армиями» Согласно директивам Адмиралтейства Нельсон нес ответственность за блокаду Египта и Мальты, ему также поручалось скоординировать свои усилия с действиями русской и турецкой эскадр, появление которых ожидалось в восточной части Средиземного моря. Таковы были основные задачи, поставленные перед Нельсоном подчиненными ему кораблями, которые он пытался решать на протяжении ближайших двух лет.

Неаполь, или, точнее, Королевство обеих Сицилий, был главной ареной деятельности Нельсона в эти годы. Ему приходилось иметь дело, прежде всего, с двумя парами – королем Фердинандом IV и его супругой Каролиной-Антуанеттой и английским посланником сэром Уильямом Гамильтоном и его супругой Эммой. Причем обе женщины играли самостоятельную политическую роль, и значительно более важную, чем их мужья.

Фердинанд, по происхождению принадлежавший к испанской ветви Бурбонов, был человеком тупым, ограниченным и трусливым. Любил охотиться, а еще больше – свежевать туши убитых животных. Отличительной чертой этого монарха была трусость. Как-то английский представитель, желая успокоить его, заметил: «Чего же вы боитесь, ваше величество? Ведь ваши неаполитанцы трусы». На это Фердинанд ответил: «Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус» (62).

Править ему приходилось в бурное время. Француз-скал революция и походы Нельсона не раз заставляли Фердинанда спасаться бегством из Неаполя. Как все трусы, он был злобен и крайне мстителен, когда чувствовал себя в безопасности.

Жена короля, Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, обремененная обширными материнскими обязанностями (она произвела на свет 18 детей, из них 8 остались в живых), успевала, впрочем, заниматься и государственными делами – и за себя и за мужа. Постепенно она совершенно подавила волю Фердинанда и стала единолично править страной. Проводимая ею политика имела ярко выраженный проавстрийский характер. Революционные события в Европе напугали все феодальные дворы, а неаполитанский в особенности. Уж очень близко от Франции находилось Королевство обеих Сицилий. Неаполитанскому двору пришлось принять дипломатического представителя революционной Франции. То ли с умыслом, то ли случайно, но в качестве такового прибыл в Неаполь и вручал верительные грамоты человек, в свое время оглашавший приговоры, по которым были казнены во Франции Людовик XVI и его жена – родная сестра Каролины Мария-Антуанетта.

Очень часто в эти бурные годы приходилось неаполитанской королеве вспоминать о том, что ее может постигнуть судьба ее сестры. Поэтому Каролина с последовательной жестокостью стремилась истреблять всякие либеральные ростки, которые пробивались в неаполитанском обществе. Географическое положение Королевства обеих Сицилий делало это государство весьма желанным союзником для Англии в ее неустанной борьбе против Франции. Англия для Неаполя также была естественным союзником, ибо она располагала флотом, который мог бы защитить в случае нужды длинную береговую линию Королевства от нападения французов.

* * *

В 1798 году представителю Англии при короле Фердинанде сэру Уильяму Гамильтону было уже 68 лет. Из них примерно половину он провел на посту посланник в Неаполе. До последнего времени эта должность не была обременительной для сэра Уильяма. Его не увлекали хитросплетения неаполитанской политики, в которых впрочем, он легко ориентировался. Интересы Гамильтона лежали в несколько иной плоскости. Он любил Италию, ее природу, яркое голубое море, ему нравился Везувий, горы. Он был человеком образованным, занимался историей и еще больше искусством Древнего Рима и Греции. Сэру Уильяму принадлежала уникальная коллекция этрусских и греческих ваз (из раскопок). Посланник собирал и картины, у него была хорошая коллекция произведений великих мастеров итальянского Возрождения. Все свое время Гамильтон отдавал изучению своих сокровищ или просто их созерцанию. Правда, досаждали любящему покой и размышления посланнику английские туристы. В те времена даже говорили, что в Неаполе нельзя и шагу ступить – обязательно наткнешься на англичанина. И все это была знать, зачастую высокопоставленная, включая и членов королевской семьи. Эти люди претендовали на особое внимание посланника. Они-то и оставили массу воспоминаний и писем о сэре Уильяме, о его супруге Эмме и о пребывании в 1798–1799 годах в Неаполе Нельсона.

Красивая, умная, темпераментная 33-летняя леди Гамильтон гораздо больше значила в политической жизни королевства, чем ее супруг. Реальной правительнице страны Каролине легче и проще было обсуждать дела с Эммой, а не с ее пожилым и усталым мужем. Многие беседы велись неофициально, что давало известную гибкость в принятии решений. Сэр Уильям вступал в дело на последнем этапе и официально санкционировал те результаты, которые были достигнуты в переговорах леди Гамильтон и королевы. Две энергичные женщины сконцентрировали в своих руках основные нити политики, которые король Фердинанд не мог держать из-за того, что природа весьма экономно наделила его интеллектом, а сэра Уильяма из-за преклонного возраста и отсутствия интереса к политическим интригам.

Сэр Уильям - представитель древнего аристократического рода герцогов Гамильтонов, был не первым сыном в семье и потому не стал обладателем фамильного состояния. Его мать, происходившая из семьи графов Аберкорн, была кормилицей

будущего короля Георга III. В детстве юный Гамильтон играл с наследным принцем. Все это упрочило положение Уильяма в высшем свете и привело впоследствии к тому, что он занял пост посланника в Неаполе, получив рыцарский крест ордена Вани, которым его наградили «за то, что он был там, где был», то есть тихо и спокойно сидел на берегу Неаполитанского залива. В молодости Уильям служил в гвардии и женился на своей родственнице Екатерине Гамильтон, получившей в наследство крупное поместье в Уэльсе, которое приносило 5 тысяч фунтов стерлингов в год – очень солидную по тем временам сумму. На эти деньги и приобретались бесценные вазы и картины. Холлы и залы палатцо Сесса были украшены работами Леонардо да Винчи, Рубенса, Рембрандта, Гальса и других крупнейших художников. У первой жены сэра Уильяма было плохое здоровье, и она скончалась в 1782 году.

Эмма, прежде чем стать леди Гамильтон и поверенной королевы Каролины, прошла трудный, необычный и почти невероятный путь. Она родилась 26 апреля 1765 года в бедной семье деревенского кузнеца в графстве Чешир. Семья была большая, и мать пристроила смышленную и красивую Эмму в прислуги. Эмму постигла судьба многих молоденьких девушек, оказавшихся в услужении в аристократических домах Англии. Еще до того как ей исполнилось 15 лет, ее полной беззащитностью воспользовались некие мерзавцы, в чьих жилах текла голубая кровь.

Весной 1782 года Эмма оказалась в доме 33-летнего аристократа-холостяка Чарльза Гревилья, где она прожила четыре года. Девушка жадно и быстро училась. Именно в это время она стала настолько красивой, что с нее писали многочисленные портреты крупнейшие английские художники – Рейнольдс, Лоуренс, Хоппер и Ромни. «И вскоре она уже выглядела бы вполне респектабельно в любом обществе», – замечает адмирал Джеймс.

Для Гревилья Эмма была всего лишь удобной хозяйкой его холостяцкого дома. Для Эммы же Гревиль был тогда всем, она его любила, и это признают не только ее друзья, но – что более важно для установления истины – и ее враги.

В 1784 году Уильям Гамильтон приехал в Англию в отпуск. Он был дружен со своим племянником Гревилем и часто гостил у него в доме. Эмма ему сразу понравилась.

Девушка мечтала о том, что Гревиль на ней женится. Но у Гревилья были другие планы. Состояния он не имел, сколотить его трудом не хотел, да и не мог – люди этой породы привыкли все получать без усилий, – поэтому оставался один, проторенный многими путь: жениться на богатой наследнице. Тут как раз подвернулся подходящий объект – невеста из довольно знатной семьи с приданым в 20 тысяч фунтов стерлингов. Для реализации этого плана требовалось лишь одно – Эмма должна была покинуть дом Гревилья.

Просто выгнать ее на улицу было нельзя. Друзья Гревилья знали всю историю их отношений, и это вызвало бы скандал. Поэтому племянник решил передать свою возлюбленную сэру Уильяму, благо тот был вдовец и жил далеко от берегов Англии. Гревиль написал в Неаполь, что, поскольку дядя собирается жениться, то «хотел бы, чтобы женщина, сервирующая чай в доме на Эджвэа-роуд (то есть в доме Гревилья. – В.Т.), была вашей». Сэр Уильям по разным причинам колебался. Племянник его убеждает. Ряд аргументов «за» и некоторые возражения не могут быть изложены здесь ввиду их непристойности, хотя эта переписка и опубликована в Англии. Опасения Гамильтона относительно того, «что скажут в свете», Гревиль отводил так: «Вы знаете, что свет не требует нас к ответу, если мы не нарушаем приличий» (65). В конце концов, Гамильтон принял предложение племянника.

Некто Джек Рассел, который написал в 1969 году большую книгу, преисполненную ненависти по отношению к Эмме, констатирует: «То, что такая сделка могла быть заключена двумя цивилизованными джентльменами, обладающими изысканными манерами, которые торговали женщиной, как лошадью, свидетельствует лишь об уровне морали тех дней» (66). И далее продолжает: «То, что любовница перешла от племянника к дяде, считали несколько эксцентричным, чуточку смешным, но никто не поднял шума, никто никого не порицал, хотя все было хорошо известно, когда Эмма

утвердилась в Неаполе. Гревиль позднее стал членом королевского двора... А сэр Уильям занимал свой пост еще на протяжении пятнадцати лет» (67).

Однако события развивались не так, как хотелось бы Гревиллю. Он знал, как к нему относится Эмма, и сказать ей прямо о своих намерениях не мог. Поэтому племянник и дядя условились обмануть молодую женщину. Ей сказали, что Гамильтон приглашает ее и Гревилля погостить в Неаполь, но что вначале поедет туда Эмма в сопровождении своей матери, а затем через некоторое время к ней присоединится Гревиль.

Эмма приехала в Неаполь, сэр Уильям был воплощенная доброта и внимание, но его гостя душой оставалась в Лондоне и все время писала Гревиллю нежные письма. В конце концов, тот в ответном письме посоветовал ей не рассчитывать на него и ориентироваться на сэра Уильяма. Эмма пришла в бешенство. Ее письма тех дней не оставляют сомнений в искренности ее чувства к Гревиллю.

Шло время. Эмма все больше и больше осознавала трудность и сложность своего положения. Со свойственной ей прямоотой и резкостью она писала Гревиллю: «Я никогда не буду любовницей Гамильтона. Раз уж вы наносите мне такую горькую обиду и оскорбление, я заставлю его жениться на мне» (68). Правда, ни Эмма, ни Гамильтон не торопили события. Наконец 6 сентября 1791 года, когда сэр Уильям опять был в отпуске, они обвенчались в Мэрплстонской церкви в Лондоне. К этому времени Гамильтону исполнился 61 год, а Эмме – 26.

Семь лет прошли спокойно. Эмма быстро освоила итальянский язык и изъяснялась на нем лучше сэра Уильяма. Она успешно училась пению, драматическому искусству. Вскоре леди Гамильтон стала душой местного общества, безупречной, умной и эффектной хозяйкой в резиденции английского посла. Эмма была принята при неаполитанском дворе, хотя там и знали ее историю. И не только потому, что этот двор был славен распущенностью нравов. «Причину, по которой Каролина нежно улыбалась Эмме Гамильтон, нужно искать в области политики, – замечает Рассел. – Неаполь был уязвим с моря, а первой по мощи морской державой являлась Англия. Именно поэтому Каролина опекала леди Гамильтон, а через нее и престарелого шеваляе, английского посла. По мере того как увеличивалась угроза со стороны Франции, росла и дружба Каролины к Эмме» (69). К моменту появления адмирала Нельсона эти отношения уже были устойчивыми и отлаженными.

В связи с ролью, которую сыграла Эмма Гамильтон в судьбе Нельсона, она еще при жизни приобрела широкую известность не только в Англии, но и в других странах Европы. После описываемых событий прошло более 170 лет, но до сих пор не иссякает поток книг, кинофильмов и телепостановок, посвященных леди Гамильтон. Одни говорят о ней с неудержимой злобой и ненавистью, другие – сочувственно и доброжелательно.

Нельсон восхищался ею с первого же дня своего пребывания в Неаполе. «Во всех отношениях, – писал он Эмме, – от выполнения вами роли супруги посла до исполнения обязанностей по домашнему хозяйству, я никогда не встречал женщины, равной вам. Эта элегантность, это совершенство, и, прежде всего, доброта сердца – ни с чем не сравнимы» (70). Гёте, путешествовавший в 1787 году по Италии, встречался с Эммой. Он отметил, что «леди очень хороша собой».

Описание внешности Эммы, данное рафинированной дамой из лондонского общества – леди Сент-Джордж, несомненно смотревшей на Эмму ревнивыми и завистливыми глазами, звучит так: «... За исключением ног, которые ужасны, она хорошо сложена. У нее широкая кость, и она очень полна. Очертания ее лица прекрасны, то же можно сказать о ее голове и особенно ушах. Ее зубы несколько неровны, но достаточно белы. У нее светло-голубые глаза с коричневым пятнышком на одном из них, что хотя и является дефектом, но не умаляет ее красоты и не портит выражение ее лица. Брови и волосы... черные, внешний вид грубый. Очертание лица четко выраженное, лицо меняющееся и интересное. Ее движения в повседневной жизни изящны, голос громкий, но не неприятный» (71).

Суждения о внешности, манерах, поведении, уме женщины всегда субъективны. И

все же из различных высказываний современников об Эмме – благожелательных, нейтральных или отрицательных – можно отобрать то, в чем все согласны. Это, вероятно, и будет наибольшим приближением к действительности. Все (даже вышеупомянутая леди Сент-Джордж) сходятся на том, что Эмма была очень красивой женщиной. Речь идет о той необычайной, яркой, привлекательной красоте, которой не вредили ни довольно высокий рост, ни полнота. Никто не берет под сомнение сильный и живой ум Эммы. Все согласны с тем, что она была честным человеком в отношениях со своими близкими и друзьями. Она жила с Гревилем и любила его. Будучи женой Гамильтона, она безупречно выполняла свои обязанности, и сэр Уильям не только не имел к ней претензий, но, несомненно, гордился хозяйкой своего дома. Никто не оспаривает ее жажду знаний и способности их усваивать. Единодушно мнение о том, что она была талантливейшей певицей и прирожденной актрисой. Эмма обладала огромной энергией, упорством, которые позволили ей совершить невозможное – восстановить свою репутацию в глазах света.

* * *

Едва появившись в Неаполе, Нельсон сразу же начал организовывать выступление неаполитанских войск. У него была директива Адмиралтейства защищать Королевство обеих Сицилий, и поэтому его поступки в принципе соответствовали поставленным перед ним задачам.

К тому моменту французские войска находились в непосредственной близости от Неаполитанского королевства – в Риме, где они в свое время свергли власть папы и создали Римскую республику. А войска членов второй антифранцузской коалиции – Австрии и России – должны были начать военные действия на суше, и в случае успеха союзники, вероятно, смогли бы вытеснить французов из Италии.

Каролина и Фердинанд горели желанием сыграть видную роль в войне, но явно трусили. Абукир и присутствие Нельсона они восприняли как гарантию будущей победы в сухопутной войне против французов в Италии.

* * *

Между Неаполем и Веной шла оживленная переписка. Обсуждались совместные действия против французских войск. Однако австрийский кабинет действовал осторожно. Из Вены в Неаполь был прислан генерал Мак, чтобы возглавить неаполитанскую армию. Это был тот Мак, который впоследствии прославился позорной капитуляцией перед Наполеоном в Ульме. Австрийский генерал произвел смотр 30-тысячной армии неаполитанцев и заявил, что это лучшая армия Европы. Нельсон также инспектировал войска и доносил Адмиралтейству: «Насколько я разбираюсь в этих вопросах, я согласен, что лучшей армии нельзя себе представить» (72).

Но из Вены была получена депеша (к величайшему огорчению и раздражению Каролины, Фердинанда и Нельсона), в которой австрийцы советовали не торопиться; они полагали, что нужно дать возможность французам напасть первыми. И только в том случае, если французы предпримут наступление, австрийцы окажут помощь Неаполю.

Как ни странно, но это не остановило Нельсона. На состоявшемся военном совете контр-адмирал высказался за немедленное выступление неаполитанской армии. Здесь он произнес, обращаясь к Фердинанду, слова, которые так любят биографы Нельсона: «Вам остается либо идти вперед, доверившись богу и божьему благословению правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть вышвырнутым из своих владений» (73).

22 ноября неаполитанское правительство предъявило французам требование об эвакуации войск из Папской области и с Мальты. Под командованием генерала Мака и короля Фердинанда неаполитанская армия с развевающимися знаменами, под марши оркестров двинулась на Рим. Одновременно Нельсон на своих кораблях перевез и высадил в Ливорно 4 тысячи пехотинцев и 600 кавалеристов, что должно было облегчить общее наступление. 15 тысяч французов отступили перед 30 тысячами неаполитанцев, и Фердинанд с помпой въехал в Рим.

Вскоре французы перешли в контр наступление, и «лучшая армия Европы» практически не оказала им никакого сопротивления. Неаполитанские солдаты бросали

оружие, переодевались при первой возможности в штатскую одежду и бежали к Неаполю. Повальное и стихийное бегство возглавлял Фердинанд. А в Неаполе под воздействием поражения стали бурно распространяться республиканско-либеральные настроения.

Нельсон понял, что это катастрофа. Спасение он видел только в немедленном выступлении австрийцев. «Я надеюсь, – писал контр-адмирал в Вену, – что император выступит в поддержку Неаполя. Неаполитанские офицеры, непривычные к войне, приходили в состояние тревоги при виде заряженного ружья или вынутой из ножен шпаги. Многие из них – герои мирного времени, – как утверждают, убежали, оказавшись вблизи противника». Нельсон настойчиво убеждает английского посланника в Вене оказать давление на императора, с тем, чтобы тот спас Неаполитанское королевство.

«Затяжка с началом войны, – писал Нельсон посланнику, – приведет к уничтожению монархии в Неаполе и, конечно, к ликвидации недавно приобретенных владений императора в Италии... Через шесть месяцев будет организована Неаполитанская республика... и тогда, я даю голову на отсечение, император не только потерпит поражение в Италии, но зашатается и его трон в Вене. Везде будет республика, если император не выступит срочно и решительно» (74). Император не выступил. И Нельсону пришлось спасать королевскую семью.

Английский контр-адмирал был повинен в катастрофе, которой закончился авантюристический поход неаполитанцев. Он не обладал ни знаниями, ни опытом ведения сухопутных операций и в то же время с апломбом требовал выступления неаполитанской армии. Если бы не его подстрекательские речи, Фердинанд не рискнул бы на это наступление. Конечно, виноват и генерал Мак, но, как свидетельствует история, от этого полководца никогда не следовало ожидать чего-либо путного. Между прочим, Нельсон не смог верно оценить Мака – после нескольких встреч с генералом он писал: «Мак активен, у него интеллигентный взгляд на вещи, и я не сомневаюсь, что у него все пойдет хорошо» (75).

Контр-адмирал частенько бывал удивительно непоследователен. То он считал неаполитанскую армию лучшей в Европе, то высказывался о неаполитанцах крайне скептически. В конце сентября Нельсон писал первому лорду Адмиралтейства: «Жалкое поведение этого двора не может успокоить мой раздражительный характер» (76).

На всякий случай Нельсон еще в начале октября предупреждал Эмму Гамильтон, что английская колония в Неаполе должна быть готова к выезду в любой момент. Сэр Уильям воспользовался любезностью контр-адмирала, предоставившего ему возможность на корабле «Какосус» отправить в Англию свои наиболее ценные вазы и картины. Когда 14 декабря Фердинанд бесславно возвратился в Неаполь, оказалось, что такая предусмотрительность была не напрасной. Теперь главной заботой Нельсона и Гамильтонов стала эвакуация королевского семейства. Это нужно было сделать тайно – неаполитанцы могли расправиться с монархом, поняв, что он бросает их на произвол судьбы.

Начиная с 15 декабря под покровом ночи Каролина переправляла в палатку Сесса Эмме Гамильтон бочонки, ящики, корзины. Это были королевские сокровища – золото в монетах и изделиях, бриллианты и другие драгоценности. Все это оценивалось примерно в 2,5 миллиона фунтов стерлингов. Моряки и морские пехотинцы перевозили это имущество – на упаковке была надпись «Припасы для Нельсона» на флагманский корабль.

Королевскую семью на «Вангард» доставил сам Нельсон, который проник во дворец через подземный ход и этим же путем ночью вывел беглецов на пристань, где их ожидали лодки с вооруженными матросами. На корабле сразу же стало очень тесно – ведь, кроме короля и королевы, прибыли их приближенные. Обстановка была мрачная, начинался шторм, судно раскачивалось под порывами ветра, удерживаемое одним якорем.

23 декабря вечером «Вангард» в сопровождении нескольких судов вышел из порта и взял курс на Сицилию. Переход был трудным. Нельсон говорил, что он не припомнит

такого тяжелого плавания. Испуганные пассажиры с трепетом ожидали неизбежной гибели в бушующих волнах. Лишь Эмма держалась твердо, заботясь о королевской чете и о больном младшем принце, который, несмотря на все хлопоты, скончался у нее на руках. Вскоре «Вангард» прибыл в Палермо, ставший резиденцией короля.

Через месяц французские войска заняли Неаполь и в январе 1799 года провозгласили там Партенопейскую республику.

* * *

Нельсон жил в Палермо вместе с Гамильтонами в течение четырех с половиной месяцев. Это было плохое время для контр-адмирала. Дворцовая клика, очутившись в относительной безопасности, пустилась во все тяжкие. Ночами шла крупная азартная игра, золото на столах переходило из рук в руки. Нельсон оказался вовлеченным в это занятие. К тому же стали распространяться сплетни о его отношениях с Эммой Гамильтон.

Друзья адмирала встревожились. Наиболее близкий к Нельсону и любимый им капитан Трубридж решил написать ему письмо с призывом изменить образ жизни. «Простите меня, мой лорд, но только мое глубокое уважение к вам заставляет меня заговорить об этом. Я знаю, что вы не можете испытывать удовольствие, просиживая всю ночь за картами. Зачем же в таком случае приносить ваше здоровье, комфорт, деньги, свободу – в общем, всё – в жертву обычаям страны, где ваше пребывание не может быть длительным? Я не согласился бы, мой лорд, остаться в этой стране, даже если бы мне отдали всю Сицилию. Я верю, что война скоро закончится, мы покинем это гнездо всяческого позора и будем испытывать удовольствие от улыбок наших соотечественниц... Если бы вы знали, как переживают ваши друзья за вас, я уверен, что вы перестали бы участвовать в этих ночных бдениях. Об азартных играх в Палермо открыто говорят повсюду. Я умоляю ваше лордство оставить их... Верю, что ваше лордство извинит меня. Лишь глубокое уважение, которое я питаю к вам, заставляет меня пойти на риск возбудить ваше неудовольствие» (77). Этот призыв не был услышан.

Неправильно думать, что контр-адмирал в это время только развлекался. Он много работал. Ему приходилось решать все вопросы, связанные с действиями 16 линейных кораблей и перемещениями многочисленных английских торговых судов, вести интенсивную переписку с Петербургом, Константинополем, с консулом в Смирне, с русским и турецким адмиралами, с английскими представителями в Триесте, Вене, Тоскане, на Майорке, с адмиралами Сент-Винцентом и Спенсером. Для Нельсона, владевшего только левой рукой, это была тяжелая нагрузка даже с технической точки зрения. Главное, однако, состояло в том, что по всем проблемам, затрагивавшимся в этой переписке, нужно было формулировать соображения, принимать решения и нести за них ответственность.

По мере развертывания весной 1799 года военных действий русских и австрийцев против Франции увеличилась дипломатическая и военная активность в районе Средиземного моря.

Мальта восстала против господства Франции. Англичане поддержали восстание, снабдив мальтийцев оружием. Французский гарнизон был блокирован в крепости Ла-Валлетта, а военные корабли оказались запертыми в гавани. Английские корабли и сухопутные силы атаковали и заняли испанский остров Менорку – один из двух основных Балеарских островов, принадлежавших союзнице Франции – Испании. Менорка расположена в центре западной части Средиземного моря и является важным стратегическим пунктом, откуда теперь англичане угрожали средиземноморским портам Испании и Франции. В Египте была прочно заблокирована армия Бонапарта, спасти которую, то есть вернуть ее во Францию, вряд ли бы смог даже объединенный флот Франции и Испании.

Английское правительство понимало, что, несмотря на сокрушительное поражение, которое потерпели французы при Абукире, борьба между Францией и Англией за господство на морях продолжается. Предстояли новые схватки, и в Англии готовились к ним со всей возможной энергией. Пострадавшие в бою корабли были

отремонтированы и приведены в боевую готовность. Кроме того, строились новые суда.

В начале 1799 года Англия имела 105 линейных кораблей и 469 судов меньших размеров. Флот располагался вокруг европейского побережья таким образом, чтобы блокировать флоты Франции и Испании и чтобы в случае необходимости одна эскадра могла оказать помощь другой. Адмирал Дункан вместе с русским адмиралом Макаровым действовал на Балтике и в Северном море. Лорд Бриджпорт караулил французский флот в Бресте. Английские корабли стояли и против Кадиса, сковывая испанский флот.

Французы решили попытаться использовать собственный и испанский флоты, чтобы изменить положение на Средиземном море в свою пользу. В мае 1799 года французская эскадра под командованием адмирала Брюэса покинула Брест. Английские корабли упустили ее. Это было лишним свидетельством ненадежности английской блокады. Брюэс, миновав Гибралтар, с эскадрой из 25 кораблей вошел в Средиземное море. Английским командирам нужно было принимать срочные меры в связи с изменившейся ситуацией, но какие? Опять предстояло ответить на вопрос мучительный и трудный – куда ринется французская эскадра? Английский адмирал Кейт, блокировавший Кадис, пустился вслед за нею, и испанский флот – 17 кораблей – беспрепятственно вошел в Средиземное море.

Находившийся в Гибралтаре усталый и больной Сент-Винцент сконцентрировал в Порт-Магоне на Менорке корабли Кейта и Дакворта под своим командованием. Вскоре прибыли подкрепления из Англии. Было дано знать Нельсону, пребывавшему на Сицилии, что испанский и французский флоты появились в Средиземном море.

Нельсон собрал свои корабли. В его распоряжении оказалось 16 линейных кораблей, из них 3 португальских, о боевых качествах которых контр-адмирал отзывался весьма скептически. Английские адмиралы решили, что франко-испанский флот пойдет в Египет, и поэтому Нельсон вывел свои суда на параллель маленького острова Маритимо, находящегося западнее Сицилии. Тем самым узкий проход из западной части Средиземного моря в восточную был перекрыт.

Противник, однако, не пошел к Египту. Испанцев серьезно потрепал шторм, и они укрылись в Картахене. Брюэс же двинулся из Картахены к Генуе и доставил оборонявшемуся там корпусу Моро караван торговых судов с хлебом. А в это время Нельсон напрасно поджидал Брюэса у Маритимо. Адмирал Кейт, достигший Тулона, там противника не обнаружил. Французский адмирал теперь был озабочен лишь тем, чтобы вывести из Картахены испанские корабли и благополучно прибыть в Брест, где испанские суда явились бы как бы залогом не очень прочного франко-испанского союза. Пока английские адмиралы в поисках противника бросались наугад из стороны в сторону, Брюэс вывел объединенный флот из Картахены в Атлантический океан. Кейт погнался за ним, но безуспешно. 13 июля 1799 года соединенный испано-французский флот укрылся в Бресте. Обстановка на Средиземном море разрядилась в пользу англичан, и Нельсон вернулся в Палермо.

Нельзя сказать, что он не замечал того, что происходило при королевском дворе. Нельсон писал в то время: «Что касается политики, то она вызывает у меня отвращение. Эти министры короля и князя – величайшие негодяи, каких когда-либо видел свет» (78). И, тем не менее, все помыслы Нельсона были направлены на то, чтобы восстановить власть этой клики в неаполитанской части Королевства обеих Сицилий.

Большим ударом для него было полученное в июне известие о том, что адмирал Сент-Винцент по состоянию здоровья покидает пост главнокомандующего эскадрами Средиземного моря. Нельсон пишет старому адмиралу пламенные письма, убеждая его остаться. Вместе с тем он надеется, что все-таки преемником Сент-Винцента сделают его, Нельсона, боевого контр-адмирала, героя Абукира, слава которого гремит по всей Европе. Но... 23 июня Сент-Винцент отбыл в Англию, а главнокомандующим был назначен Кейт. Самолюбие Нельсона было уязвлено, и он проникся тяжкой ненавистью к новому главнокомандующему.

Злоба и ненависть – плохие советчики. Опыт Нельсона лишний раз подтверждает эту старую истину.

В первый раз контр-адмирал пошел на поводу у ненависти в июне, когда еще продолжалась игра в кошки-мышки с французским флотом. Кейт, не зная, где находятся французы (а они укрылись в Картахене), решил собрать английский флот у Менорки. Поэтому Нельсон получил предписание послать часть своих кораблей к Менорке в распоряжение главнокомандующего. В это время силы Нельсона были связаны операциями против французов и неаполитанских республиканцев на Апеннинском полуострове, и под этим предлогом он не выполнил указание Кейта.

Нельсон понимал, что его действия совершенно недопустимы. Поэтому, чтобы застраховаться, он пишет первому лорду Адмиралтейства: «Более чем когда-либо я убежден, что в данный момент не могу расстаться ни с одним кораблем. Я не могу этого сделать хотя бы потому, что по 120 человек с каждого корабля взяты для осады... Я полностью осознаю совершенный мною поступок и, будучи убежден в своих лояльных намерениях, готов принять любую участь, которая меня ждет в связи с моим неповиновением» (79). Герцогу Кларенскому, с которым он был знаком по совместной службе в молодости в Карибском море, Нельсон писал, что, «хотя военный трибунал может признать меня преступником, весь мир одобрит мое поведение» (80). Позиция для военного человека более чем странная.

Это непослушание осталось без последствий. Битвы с французским флотом не произошло, и главнокомандующий обошелся без кораблей Нельсона. Но если бы Кейту пришлось встретиться с объединенным франко-испанским флотом, то действия Нельсона оказались бы на руку противнику.

9 июля Кейт, уже зная о том, что корабли французов и испанцев ушли из Картахены на запад, отдал новое распоряжение Нельсону. Главнокомандующий полагал, что, возможно, они идут к Испании и поэтому их придется преследовать. В этих условиях большая часть кораблей Нельсона должна была прийти от Сицилии к Менорке для защиты этого острова. Нельсону самому или его старшему офицеру надлежало привести туда корабли. Официальный приказ Кейт сопроводил личным письмом, в котором разъяснял, что Менорку нельзя оставлять без охраны, ибо, пока он будет преследовать объединенный флот противника, испанцы могут высадиться на острове и захватить его. Приказ был четким и определенным. Личное письмо должно было польстить самолюбию Нельсона. Кейт держался тактично по отношению к контр-адмиралу, особенно если учесть недавний случай неповиновения со стороны последнего.

Но Нельсон закусил удила. Он решительно отказался выполнить приказ главнокомандующего. Опять под прежним предлогом: в связи с тем, что часть моряков и морских пехотинцев заняты в сухопутных операциях. «Нельсон вел себя возмутительно», – пишет адмирал Джеймс. Этот весьма симпатизирующий Нельсону автор справедливо замечает: не Нельсону следовало решать, что важнее на данном этапе, а, естественно, главнокомандующему (81).

Самонадеянный контр-адмирал, сгибавшийся под бременем абукирской славы, играл с огнем. Если бы Менорка подверглась нападению испанцев, ему не миновать бы военного трибунала. Кроме того, Кейт мог – для этого у него было вполне достаточно власти – просто отдать приказ Нельсону спустить свой флаг и отправиться в распоряжение Адмиралтейства. В обоих этих случаях карьера Нельсона почти наверняка была бы закончена.

Осознавая все это, Нельсон вновь обращается с объяснениями в Адмиралтейство. Но там трезво оценивали общую обстановку на Средиземном море. Лорды Адмиралтейства ответили письмом, в котором указали, что Нельсон поступил неправильно, удерживая всю эскадру для оказания помощи сторонникам короля на материке. Его резко осуждали за то, что он, не выполнив приказ Кейта, оставил Менорку не защищенной от возможного нападения. «Но, – пишет Джеймс, – уверенность Нельсона в себе не была поколеблена, он не смог найти никакого изъятия в своих решениях» (82). Вскоре самоуверенность адмирала проявилась в другой сфере.

Нельсону предписывалось контролировать действия на Средиземном море

русских – союзников Англии. В основе этого союза лежали объективные реальные интересы обеих стран, как они понимались тогда их правящими кругами. Революция дала возможность победившей французской буржуазии попытаться распространить свое влияние на Западную и Центральную Европу, на Италию. Но главный удар французы намеревались нанести по восточным странам Средиземного моря и в районе Ближнего Востока. Под угрозой оказались Турция, Балканы. В Петербурге опасались, и не напрасно, за Крым и причерноморские области России. Эта линия французской экспансии затрагивала российские интересы, и правительству Павла I не удалось вернуться к проводившейся в 60-80-х годах XVIII века политике нейтралитета.

Официально Россия и Англия заключили союз в январе 1799 года. Одновременно установились и союзные отношения России с Турцией, что было весьма удивительно и неожиданно, учитывая долговременное военное соперничество между двумя этими странами. Турки настолько остро чувствовали французскую опасность – для них она была еще более реальной, чем для русских, – что не только пошли на союз с Россией, но и видели тогда в ней своего главного покровителя и охранителя.

Чуть раньше Россия подписала договор с Неаполем, по которому российское правительство обязалось предоставить Королевству обеих Сицилий вспомогательные войска против Франции. Тогда же союзные договора с Неаполем заключили Англия и Турция. Вся эта дипломатическая активность вокруг Неаполя объяснялась тем, что Королевство обеих Сицилий было в то время объектом острейшей борьбы между Францией и антифранцузской коалицией.

Военное сотрудничество между Россией и Турцией началось еще до заключения официального союза. 4 сентября 1798 года русская эскадра адмирала Ф. Ф. Ушакова прошла через проливы в Средиземное море. Под командованием Ушакова находилась и турецкая эскадра, которая численно была больше русской, но значительно уступала ей в боевом отношении.

Испокон веков Англия являлась трудным союзником для тех, кто объединялся с ней в совместной борьбе против общего противника. Она неизменно старалась переложить на своих союзников всю тяжесть борьбы, максимально сберегая собственные силы. Англия всегда стремилась верховодить в подобных союзах, обеспечивая, прежде всего свои интересы и игнорируя интересы союзников. При всем этом англичане старались воздействовать на стратегию союзников таким образом, чтобы лишить их самостоятельности.

Е. В. Тарле в содержательной работе об адмирале Ф. Ф. Ушакове пишет: когда Россия стала участницей второй коалиции, «оказалось, что два других главнейших партнера в затевавшейся тяжелой борьбе – Австрия и Англия – не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее камень за пазухой... Английский кабинет во главе с Уильямом Питтом-младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя, по существу, эти успехи шли на пользу общему делу. А главное – эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на тех местах, где эти победы произойдут. Это почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел приготовиться к скрытым ударам и парировать их» (83).

Взаимоотношения Нельсона и Ушакова являются убедительной иллюстрацией английских союзнических традиций. Нельсону хотелось переложить на русскую эскадру большую часть забот по блокаде французской армии в Египте. Кроме того, Нельсон желал получить от Ушакова помощь в освобождении Южной Италии от французов и республиканцев. Этим, собственно, и должны были ограничиться обязанности русских военно-морских сил в Средиземном море. По их исполнению русским следовало незамедлительно возвратиться в Черное море.

Выработанный стратегический план преследовал три цели: во-первых, он

предусматривал, в конечном счете, продолжение закупорки русского флота в Черном море, устранение его из Средиземного моря, которое надлежало предварительно завоевать соединенными силами; во-вторых, предполагалось удержать русский флот от самостоятельных действий и низвести его на роль вспомогательного отряда при осуществлении английских планов; и, в-третьих, Нельсон должен был не допустить решения русским флотом задач, в которых был непосредственно заинтересован Петербург, а именно – освобождения Ионических островов, что впоследствии помешало бы французам продвигаться в сторону Балкан и Южной России. Кроме того, императора Павла I волновал вопрос о статусе Мальты. В 1798 г. российский император взял мальту под свое покровительство, приняв титул великого магистра ордена Иоанна Иерусалимского. Захват Мальты Бонапартом в 1798 г. сильно задел Павла. Освобождение острова эскадрой Ушакова повлекло бы за собой водружение над ним российского флага. Реализация этих планов не устраивала Англию, ибо в Россия заняла бы тогда прочные позиции на выходе в открытые моря.

Хотя с точки зрения непосредственных российских интересов кораблям Ушакова у Египта делать было нечего, но союз есть союз, и дело чести – добросовестная помощь партнеру. Поэтому русский адмирал в письме к Нельсону изъявил готовность участвовать в блокаде Египта. Правда, Ушаков намеревался выделить для этой цели из своей эскадры фрегаты и канонерки, одновременно предполагая использовать линейные корабли для занятия Ионических островов. Конечно, такое ослабление эскадры должно было отрицательно сказаться в боях за острова, но тут уж ничего не поделаешь.

Однако Нельсон желал, чтобы все русские корабли действовали у Египта, который Англия мечтала прибрать к своим рукам. Ионические же острова он собирался занять сам, как только для этого у него высвободятся силы. В декабре 1798 г. Нельсон упрекает Ушакова: «Только что пришел из Александрии английский фрегат, и я с истинным сожалением узнал, что... прибыли всего лишь один или два фрегата и десять канонерок (имеются в виду русские корабли. – В.Т.), тогда как, конечно, должно было послать не меньше чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет – первая цель, Корфу – второстепенная» (84). В последней фразе – суть концепции Нельсона: русские силы нужно стянуть к Египту, а не в район Ионических островов.

Ионические острова расположены цепочкой вблизи западного побережья Греции (тогда владения Турции). Самым крупным и значительным в военном отношении был остров Корфу, поэтому французы приложили максимум усилий для его укрепления. Осенью 1798 года моряки Ушакова выбили оккупантов со всех основных островов, за исключением Корфу. Русские блокировали Корфу и овладели им в результате трехдневного ожесточенного штурма. Они провели невиданную операцию 1-3 марта 1799 года, когда только одни военно-морские силы захватили мощную и хорошо защищаемую крепость.

Жители острова совершенно справедливо относились к французам, как к иноземным поработителям, что облегчило задачу русских моряков.

Ф.Ф.Ушаков прекрасно понимал, чего добивается Нельсон, какими категориями он мыслит. Об этом свидетельствует его письмо от 5 марта 1799 года русскому посланнику в Константинополе В.С. Томаре после взятия русской эскадрой Корфу. «Требования английских начальников морскими силами, – писал Ушаков, – в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю за не иное, что они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отстранить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна: себя они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужд хотели отделить... Однако... Корфу нами взята». Далее русский адмирал замечает, что англичане к нему «требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится...» (85).

Простить этого Ушакову Нельсон не мог.

Английский контр-адмирал занялся межсоюзническими провокациями. Когда в Неаполь прибыл с наградами от султана уполномоченный великого визиря Келим-эффенди, Нельсон в беседах с гостем пытался возбудить недоверие турок к русским. По мере того как определялось намерение Ушакова не во всем следовать пожеланиям Нельсона, последний отбрасывал всякую сдержанность в выражениях даже в официальной переписке (86).

В январе 1799 года он писал капитану Боллу, руководившему блокадой Мальты: «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к жителям острова. Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то адмирал – негодяй».

Почти все биографы Нельсона считают нужным упомянуть о его отрицательном отношении к русским и к Ушакову. Трудно сказать, но вполне вероятно, неприязнь Нельсона к Ушакову усиливалась еще и в связи с пониманием того, что русский адмирал опередил его в области флотоводческого искусства. Тактику, примененную Нельсоном в битве при Абукире, впервые ввел Ушаков в 1791 г., т.е. на семь лет раньше, в сражении с турецким флотом в Черном море у мыса Калиакрия.

Турецкие корабли, которых было значительно больше, чем русских, стояли у берега под прикрытием сухопутных батарей. Чтобы использовать благоприятное направление ветра, Ушаков повел свои корабли в узкое пространство между берегом и турецкими кораблями и неожиданно для противника навязал ему ожесточенный бой, одержав полную и решительную победу. Разумеется, английское Адмиралтейство было прекрасно осведомлено о сражении у Калиакрии. Не мог не знать о нем и Нельсон, хотя бы потому, что в России служили некоторые англичане, возвратившиеся затем в отечественный флот.

* * *

Маневры Нельсона и Ушакова были составной частью усилий второй коалиции, которая в 1799 году развернула наступление на французские позиции во многих местах. Участники коалиции намеревались нанести удар в Италии, Швейцарии и Голландии. В Италии и Швейцарии действовали под командованием прославленного Суворова русские и австрийские войска. Старый русский полководец предполагал начать военные операции в Ломбардии и Пьемонте, изгнать французов из Северной Италии и затем мощным вторжением во Францию победоносно закончить войну.

В апреле-мае 1799 года войска Суворова одержали над французами ряд крупных побед в Северной Италии. Однако развить успех не удалось, ибо австрийцы не поддержали смелые планы Суворова. Французы зацепились за генуэзскую Ривьеру. Суворов стремился атаковать в этом направлении, но австрийцы занялись еще не взятыми крепостями в Северной Италии, расплыли союзные силы и помешали успешной реализации замысла Суворова.

Активные военные действия коалиции и успех Суворова в Северной Италии заставили французские войска в Неаполе под командованием генерала Макдональда уйти на север, на соединение с действовавшей там французской армией, что ослабило позиции республиканцев в Неаполе.

В это время на юге Италии активно действовали отряды под руководством кардинала Руффо, уполномоченного неаполитанского короля. Моряки эскадры Нельсона сотрудничали с антифранцузскими силами и вели операции на суше, но без ощутимых результатов. Успех пришел к неаполитанцам – сторонникам короля – и англичанам после того, как на севере Италии перешли в наступление войска Суворова, а на юге – отряды с кораблей Ушакова. Ими командовали капитаны 2-го ранга А. А. Сорокин и Г. Г. Белли.

24 июня неаполитанский министр Мишеру, прикомандированный к отряду Белли, сообщал Ушакову: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, что бы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государю две трети королевства» (87).

В июне русский отряд и отряды Руффо подошли к Неаполю. По предложению

русского командира кардиналом Руффо было заключено перемирие с французами и республиканцами, укрепившимися в крепости Каstellамар и двух замках – Кастель д'Ово и Кастель Нуово. Согласно договоренности защитникам замков предоставлялась возможность выйти из укреплений и затем сесть на суда, которые отвезли бы их во Францию. Гарантировалась неприкосновенность личности и имущества республиканцев, остающихся в Неаполе. На них самих и членов их семей распространялась амнистия.

Республиканцы не доверяли кардиналу Руффо, известному расправами над теми, кто выступал против королевской власти. Они потребовали, чтобы условия капитуляции скрепил своей подписью английский капитан Фут, представлявший здесь адмирала Нельсона. Фут выполнил это пожелание.

Перемирие вступило в силу, военные действия прекратились, был произведен обмен пленниками. На замках и на английском фрегате «Сихорс», где находился капитан Фут, развевались флаги перемирия.

Нельсон в это время рвался из Палермо в Неаполь. К его несчастью, французский флот вышел в море, и адмирал Кейт настаивал на том, чтобы Нельсон исходил, прежде всего, из необходимости вести борьбу против флота; а неаполитанские дела, как вполне резонно заключал английский главнокомандующий, можно будет решить и неделей позже. Королева Каролина и Эмма Гамильтон всячески старались заставить Нельсона вернуться вместе с ними в Неаполь. Правящая династия смертельно боялась своих подданных. «Любезный лорд! – писала Эмма Гамильтон Нельсону 12 июня. – Я провела вечер у королевы. Она очень несчастна! Она говорит, что народ неаполитанский вполне предан королю, однако только одна эскадра Нельсона может восстановить в Неаполе спокойствие и покорность законной власти. Вследствие того королева просит, умоляет, заклинает Вас, любезный лорд, если только возможно, отправиться в Неаполь. Ради бога, подумайте об этом и сделайте то, что просит королева. Если Вы позволите, мы отправимся вместе с Вами. Сэр Уильям нездоров, я также чувствую себя дурно: это путешествие будет нам полезно. Да благословит Вас бог!» (88)

Нельсон мечется. Он берет на свои корабли королевские войска, чтобы идти в Неаполь. В тот момент ему вручают письмо от адмирала Кейта. Главнокомандующий сообщает, что, по его данным, французский флот сейчас, вероятно, находится у берегов Италии. Нельсон возвращается в Палермо, высаживает неаполитанские войска и спешит найти французские корабли. Но уже 21 июня, решив, что Кейт без него справится с французским флотом, Нельсон вновь появился в Палермо, взял на борт своего судна «Фоудройант» чету Гамильтон и с 18 кораблями направился к Неаполитанскому заливу. Здесь Нельсон узнал о перемирии, подписанном в Неаполе представителями неаполитанского короля, Англии, России и Турции с французами и неаполитанскими республиканцами. Он приходит в ярость.

Нельсон объявляет, что не приемлет подписанной капитуляции. А ничего не подозревавшие французы и республиканцы между тем вышли из замков, сложили оружие на набережной, и кое-кто из них успел даже сесть на суда, отходившие в Тулон. В этот момент все они были арестованы по приказу Нельсона, и неаполитанские монархисты начали расправу. Последовала чудовищная кровавая оргия. Захваченных пленников рвали на части, сжигали на площадях, вешали, расстреливали. Людей истребляли без суда и следствия. Вскоре капитан Трубридж писал Нельсону, что до сорока тысяч семейств оплакивают кого-либо из родственников, заключенных в темницу. Имущество убитых за бесценок скупалось королевскими агентами. Это было дополнительным стимулом для многочисленных расправ. Сам Нельсон под впечатлением происходящего задумывался: «Нельзя же, однако, отрубить головы всем в королевстве, будь оно даже полностью составлено из мошенников». Но он ничего не сделал, чтобы унять кровопролитие.

Пожалуй, наиболее позорным эпизодом в событиях тех дней было дело адмирала князя Караччиоло. Этот неаполитанский аристократ несколько десятилетий служил на флоте, командовал кораблем под руководством английского адмирала Готама, сопровождал Фердинанда на неаполитанском судне во время бегства двора на Сицилию.

Будучи по-своему патриотом, он в период Партенопейской республики согласился командовать ее мизерными символическими морскими силами (Нельсон в момент бегства на Сицилию приказал сжечь неаполитанский флот. Это было исполнено.). Когда король вернулся в Неаполь и начался террор, 70-летний старик Караччиоло скрывался в горах. За его голову была объявлена награда, и в числе слуг нашелся один, который его выдал. 29 июня вечером Караччиоло был доставлен на английский линейный корабль «Фоудройант», где находились Нельсон и Гамильтоны.

Нельсон распорядился немедленно судить пленника. Члены военно-полевого суда – монархисты-неаполитанцы – были срочно собраны. Приговор гласил – смертная казнь через повешение. Нельсон приказал повесить старика на рее стоявшего рядом неаполитанского фрегата. Караччиоло умолял Нельсона рассмотреть дело еще раз, основательно, без спешки. Контр-адмирал отказал, Караччиоло после этого как милости просил, чтобы его расстреляли, но не казнили позорной смертью. Нельсон опять отказал. И Караччиоло повесили в тот же день на рее фрегата «Минерва», замершего под наведенными на него пушками «Фоудройанта».

Дневниковая запись Нельсона за этот день, как обычно, спокойна и немногословна: «Суббота, 29 июня. Ветер тихий. Облачно. На рейд пришли португальский корабль «Рунья» и бриг «Баллон». Созван военный суд на неаполитанском фрегате «Минерва». Судим, осужден и повешен Франческо Караччиоло».

Нельсон писал герцогу Кларенскому: «Все мои предложения принимаются с усердием, и немедленно отдаются приказания, чтобы с ними соображались... Недавно его величество приказал отдать под суд двух генералов, обвиненных в измене и трусости. Он предписал их расстрелять или повесить, как только признают, что они виновны. Если эти приказания выполнят, то я буду надеяться, что принес здесь некоторую пользу, потому что я не перестаю убеждать их в том, что единственное основание всякого благоустроенного правительства есть искусство вовремя награждать и наказывать» (89). Вот «философское» обоснование действий Нельсона, данное им самим.

Возмущение зверствами, чинимыми английской эскадрой в Неаполе, прокатилось по всей Европе и достигло Англии. Там лидер оппозиции Фокс «первый указал парламенту на эти злоупотребления властью», – отмечает де Гравьер. Нельсон попытался оправдаться. И вот что он написал в свое оправдание: «Я предложил кардиналу Руффо передать французам и мятежникам от моего и своего имени, что перемирие прервано уже одним тем, что перед Неаполем находится английский флот, что французов не будут считать даже военнопленными [...], что касается мятежников и изменников, то никакая власть не вправе посредничать между ними и их милостивым монархом и они должны совершенно положиться на его милосердие, ибо никаких других условий им даровать нельзя. Кардинал отказался скрепить эту декларацию своим именем, и я, подписав ее один, отослал к мятежникам. Только после этого они вышли из своих фортов, как надлежало мятежникам и как надлежит, надеюсь, всем тем, которые изменяют своему королю и своему отечеству – чтобы быть повешенными или иначе наказанными по усмотрению их государя».

Наилучшим подтверждением того, что действия Нельсона в Неаполе летом 1799 года были, так сказать, нормой для любого английского командующего в подобной ситуации, является оценка его поведения, данная лордами Адмиралтейства. Первый лорд писал Нельсону: «Намерения и мотивы, из которых исходили все Ваши меры, были чистыми и добрыми, а их успех был полным».

Начальник русского отряда в Неаполе Г. Г. Белли пытался противодействовать вероломству Нельсона. Поведение русских в Италии радикально отличалось от поведения англичан. Кстати, сохранилось письмо Мишеру, который так отзывался о действиях русских матросов и солдат: «Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена».

В январе 1800 года корабли Ушакова ушли вначале на Корфу, а затем через некоторое время вернулись в Черное море, в российские порты.

1 августа 1799 года начались торжества и фейерверки по поводу восстановления королевской власти и освобождения Неаполя, по выражению Нельсона, «от воров и убийц». Король Фердинанд в знак благодарности наградил Нельсона титулом герцога Бронте. Титулу было придано огромное поместье на Сицилии, приносящее Нельсону 3 тысячи фунтов стерлингов в год. С этого момента адмирал подписывался Нельсон и Бронте.

Английское правительство дало согласие на принятие этой награды, что бывало не всегда. Известно, например, что английская королева Елизавета I, увидев на одном из своих дипломатов иностранный орден, воскликнула: «Мои псы должны носить только мои ошейники и никаких других!»

Во второй половине 1799 года и в начале 1800-го Нельсон разрывался между Палермо и Мальтой. Французский гарнизон, засевший в крепости, упорно не желал капитулировать, несмотря на английскую блокаду. Адмирал Кейт требовал от Нельсона, чтобы он руководил блокадой острова на месте. Нельсон же то появлялся у острова, то возвращался обратно в Палермо. Однажды, надеясь показать Гамильтонам великолепное зрелище – капитуляцию Мальты, Нельсон взял их с собой на корабль, направлявшийся туда. Однако представление не состоялось: французы все же не сдались.

Кейт был недоволен Нельсоном, недовольны были и в Адмиралтействе. Слухи об отношениях Нельсона и Эммы Гамильтон докатились до Лондона и до его жены. Леди Нельсон заикнулась, было, что хочет приехать к мужу в Италию, но Нельсон коротко ответил, что ей надлежит оставаться там, где она находится.

Положение Нельсона одним казалось смешным, другим двусмысленным. В действительности оно было глубоко трагичным. Нельсон и Эмма любили друг друга, любили так сильно, что не могли скрывать свои чувства от других. Оба они страдали. Адмирал понимал, что ставит под сомнение свою репутацию и в значительной степени карьеру. Для Эммы любовь к Нельсону была чревата еще большими неприятностями. Невероятными усилиями она добилась высокого положения в обществе, став достойной супругой посланника-аристократа. Ее любовь к Нельсону должна была навсегда лишить ее всего, не дав в этом отношении ничего взамен. Развод в те времена в Англии мог быть осуществлен лишь актом парламента, то есть практически был невозможен. Сэр Уильям старательно делал вид, что ничего не замечает. А жена Нельсона? Она по-прежнему оставалась в Англии, жила в кругу родственников контр-адмирала.

Еще более были недовольны в Адмиралтействе неоднократными проявлениями недисциплинированности Нельсона. Там надоели его частые письма с жалобами на здоровье (когда у Нельсона были неприятности, он тут же заболел). Лорды считали, что контр-адмирал слишком много внимания уделяет интересам Неаполитанского королевства в ущерб другим своим обязанностям. Однажды Нельсон получил от лорда Спенсера следующее строгое письмо: «Я хотел бы, милорд, чтобы Ваше здоровье позволило Вам остаться в Средиземном море. Но я думаю, согласуясь с мнением всех Ваших друзей, что Вы скорее поправитесь в Англии, чем, оставаясь в бездействии при иностранном дворе, как бы ни были Вам приятны уважение и благодарность, внушенные там Вашими заслугами».

10 июня 1800 года Нельсон и супруги Гамильтон (Уильяма отзывали в Англию), а также королева Каролина на корабле «Фоудройант» вышли из Палермо в Ливорно. Из Ливорно до Анконы они проследовали по суше. Далее русский фрегат доставил путешественников до Триеста, затем в экипажах они прибыли в Вену. Здесь Каролина осталась, а ее спутники поехали дальше, до Гамбурга, откуда морем добрались 6 ноября до Ярмута. Горацио Нельсон вернулся на родину.

Глава III БАЛТИЙСКИЙ ПОХОД

Поражение, нанесенное Францией Австрии, вывело последнюю из коалиции, и она в феврале 1801 г. подписала мир. Одновременно начались русско-французские переговоры о мире и совместных действиях против Англии. Вторая коалиция распалась.

Россия в те годы не являлась стойким участником антифранцузской борьбы — таковой она стала позднее, когда наполеоновская Франция вторглась в Россию и русский народ был вынужден поднять меч Отечественной войны и сражался до тех пор, пока силы агрессора не оказались окончательно подорванными. В конце XVIII в. все еще обстояло иначе. Тогда царское правительство России объединяла с Англией ненависть к революционным идеям, которые, как вулкан, выбрасывала революционная Франция. По времени это совпало с крупными успехами России, наконец пробившейся к Черному морю, закреплявшейся здесь на путях в Средиземное море и дальше в Атлантику. Продолжался и старый спор со Швецией за право выхода России на балтийский водный путь. Мощь России быстро росла, и правительство в Лондоне, уже вполне усвоившее идею, что все в мире должно происходить с его благословения, отрицательно относилось к упрочению могущественной державы на Востоке. Складывалась определенная традиция — считать, что настоящий или потенциальный противник России — союзник Англии. Несколько отступлений от такой традиции, вызванных особыми обстоятельствами, не имели долговременного характера. Даже будучи в союзе с Россией, Англия своим высокомерно несправедливым, а подчас и коварно вероломным отношением к ней подрывала союзные отношения.

В 1790 г., когда Англия еще выжидала и не выступила против Франции, она стремилась ослабить своего потенциального соратника Россию, лишив союзников в войне, которую Россия тогда вела и против Турции, и против Швеции. Когда проходили переговоры о мире между Россией и этими странами, английское правительство пыталось навязать свою волю России и лишить ее завоеваний на юге. Оно подготовило грозный ультиматум для вручения России, а флот получил приказ привести себя в боевую готовность. Питт явно вел дело к войне с Россией с целью обуздать ее. Однако российское правительство сумело заключить мир и со Швецией, и с Турцией без английского посредничества.

Акции Лондона и их смысл помнили и хорошо понимали в Санкт-Петербурге. Они не могли не сказываться на отношениях между двумя странами.

Неудивительно, что Россия после разгрома в 1800 г. французскими войсками Австрии не только предприняла шаги для заключения мира с Францией, но и выступила против произвола Англии на морях. Борьба против Франции на суше пока не давала положительных результатов. Но на морях эти результаты были налицо. Под предлогом борьбы с военной контрабандой английское правительство присвоило себе право останавливать, задерживать и обыскивать любое судно, идущее под флагом нейтральной страны. Многие из таких судов, даже те, груз которых не имел никакого отношения к военной контрабанде, приводились в английские порты, и здесь специальные суды объявляли их призами. Действия английского правительства представляли собой грубый произвол в отношении нейтральных стран. Лондон не только наносил им тяжелое оскорбление, но и душил их торговлю, создавая почву для расширения деятельности своих торговцев и судовладельцев.

Война для них оказывалась золотым дном. Внешнеторговый оборот Англии (считая вывоз и ввоз), составлявший в 1792 г. 44,5 млн. ф. ст., увеличился в 1797 г. до 50 млн. ф. ст., а в 1800 г. — до 73,7 млн. ф. ст.⁽¹⁾

Естественно, что другие государства не могли с этим мириться. Впервые против английского разбоя на море (ведь такому обращению подвергались не суда противника, что в условиях войны было бы естественным, а суда не воюющих против Англии держав) нейтральные страны выступили в 1780 г. Тогда Россия проявила инициативу в объединении своих единомышленников для отпора английскому флоту, нападавшему на их торговые суда. Российское правительство направило одну из своих военных эскадр в Северное море для защиты торговли. Произволу Англии на морях был противопоставлен «вооруженный нейтралитет», в котором, кроме России, приняли участие Голландия,

Дания, Швеция, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство обеих Сицилии. «Вооруженный нейтралитет» серьезно подорвал господство Англии на море и поддержал принцип свободы морей и свободной торговли нейтральных стран в период войны.

Теперь, вновь начав вооруженную борьбу против Франции, Англия вернулась к старому, к попыткам навязать свою волю всем неанглийским судам, выходящим в море. Это вызвало естественную реакцию возмущения у нейтральных стран. Понятно, что Наполеон, обладавший к тому времени уже всей полнотой власти во Франции, использовал сложившуюся ситуацию и попытался подтолкнуть Россию, Данию и других к оказанию противодействия Англии.

В Санкт-Петербурге антианглийские настроения усиливались еще и потому, что английское правительство вело себя недобросовестно в отношении России в районе Средиземного моря, стремясь ограничить здесь ее возможности. Оно совершенно не желало учитывать заинтересованность России в обладании свободным выходом в океан, а затем на Балтику к северо-западным территориям.

В общем, Англия вела себя таким образом, будто хотела дать убедительное подтверждение справедливости слов Ж.-Ж. Руссо, сказанных в конце XVIII в.: «...не считайте, что трактаты и союзы что-нибудь стоят» (2). Действительно, договоры и соглашения между правительствами всегда являются фиксацией компромисса, соответствующего соотношению сил и возможностей его участников на момент подписания документа. Однако такое соотношение с течением времени — а в условиях войны время течет очень быстро — изменяется, и основа соглашения слабеет или исчезает вовсе. Тогда договор или разрывается его участниками, или сохраняется, но лишь как видимость.

На претензии Англии, подкрепляемые насилием со стороны ее флота, ответили объединением четыре страны. 16 декабря 1800 г. в Санкт-Петербурге подписали договор, который возобновлял «вооруженный нейтралитет» 1780 г., Россия и Швеция. Вскоре к ним присоединились Дания и Пруссия. Договор гласил, что нейтральные суда должны беспрепятственно участвовать в прибрежных и колониальных торговых операциях воюющих стран; неприятельский груз под нейтральным флагом не может подлежать захвату; коммерческие суда, следующие под конвоем военных кораблей, не могут подлежать досмотру; морские припасы, перевозимые на нейтральных судах, не должны считаться военной контрабандой. Договаривающиеся страны условились, если необходимо, отстаивать эти принципы силой, ведь каждое из положений ставило заслон несправедливым притязаниям Англии, от реализации которых зависело ее господство на море и, следовательно, ее доминирующая роль в мировых делах.

Кроме того, в России после занятия Мальты англичанами и их явного намерения сохранить остров за собой, в конце 1800 г. был наложен секвестр на английскую собственность. Правительство распорядилось задержать 300 английских судов в русских портах, а команды снять с них и отправить в глубь страны.

Таким образом, Англия не только потеряла своих союзников в борьбе против Франции, но и получила в ответ на несправедливые претензии нового мощного противника. Если бы противник добился своего, Англии пришлось бы признать крах притязаний на господство на морях, в колониях, в мировой торговле. Питт говорил, что под вопрос поставлены «морское превосходство» Англии, а также ее «надежды на континенте» (3). Таким образом, он прямо заявил о стремлении Англии добиться господства на море и обеспечить решение европейских дел в соответствии с ее интересами. Питт заметил также, что от «превосходства военно-морского флота Англии зависит ее безопасность» (4). В этом был свой резон: борьба против Франции приняла такой характер, что становилась реальной попыткой со стороны французов высадиться на Британские острова. Никто не сомневался, что тогда Англию ждет полный разгром. Спасение виделось в том, чтобы английский флот, господствуя у берегов Европы, не допустил высадки на английскую землю французских дивизий.

Лорд Гренвиль говорил: «если мы уступим им (т. е. участникам «вооруженного нейтралитета». — В. Т.), мы наверняка сразу же разоружим наш флот и предопределим

сдачу нами без дальнейшей борьбы всего, что мы захватили в виде компенсации за континентальные приобретения Франции» (5). Кроме этих соображений, английское правительство и адмиралтейство заботили и другие обстоятельства. Успех «вооруженного нейтралитета» означал бы, что торговля Англии и других стран Западной Европы с государствами, расположенными по берегам Балтики, перешла бы в руки купцом и владельцев судов четырех стран. И следовательно, Англия утратила бы весьма значительные доходы. К тому же на протяжении столетия строительство английского флота все больше и больше зависело от поступления из района Балтийского моря досок, матчатого леса, смолы, дегтя, парусины, пеньки и даже меди и железа (6).

По всем этим соображениям английское правительство в начале 1801 г. приняло решение направить эскадру в Балтийское море, чтобы вынудить участников «вооруженного нейтралитета» отказаться от противодействия Англии на море. Имелось в виду припугнуть четыре державы поочередно применением силы и заставить их расторгнуть заключенный между ними договор, а если такая дипломатия не даст немедленных результатов, то уничтожить их флоты.

Вскоре Питт из-за расхождений, касавшихся политики в отношении Ирландии, подал в отставку. Новое правительство сформировал Г. Аддингтон. Министром иностранных дел стал Р. Дженкинсон (впоследствии лорд Ливерпуль). Адмиралтейство возглавил вместо Спенсера лорд Сент-Винсент, под начальством которого, как мы помним, Нельсон служил на Средиземном море. Смена правительства на решении балтийского вопроса, однако, не отразилась.

О. Уорнер, сегодня исследующий историю английского флота и место в ней Нельсона, замечает, что Сент-Винсент к тому времени был «самым выдающимся офицером в Англии» (7). Поэтому он и стал первым лордом адмиралтейства.

А как же с Нельсоном? Ведь его вполне заслуженная популярность намного превосходила популярность любого другого офицера. В глазах очень многих он был национальным героем (8). Печать следующим образом описывала оказанный ему прием в ноябре 1800 г. в Грейг-Ярмуте, когда он впервые ступил на английскую землю после победы у Абу-Кира: «Собрались толпы людей, чтобы приветствовать доблестного героя Нила. Народ выпряг лошадей из его кареты, и люди впряглись сами и довели его до гостиницы, сопровождаемого бурей оваций... Мэр немедленно принял его лордство и вручил документ об избрании его почетным гражданином города» (9).

Через три дня в честь Нельсона состоялся прием у лорд-мэра Лондона. И опять повторились те же сцены. Толпа выпрягла лошадей и сама довезла карету до Гилд-холла — резиденции лорд-мэра. По пути жители бурно приветствовали адмирала. На приеме ему вручили от имени Сити шпагу в знак признания его заслуг. Так относилось общество к Нельсону.

А в верхах настроения были иные. В январе 1801 г. Нельсон рассказывал своему другу Коллингвуду о том, что его весьма холодно приняли при дворе. «Его величество только спросил у Нельсона, поправилось ли его здоровье, и затем, не ожидая ответа, повернулся к генералу... с которым разговаривал около получаса очень весело и оживленно» (10).

Когда в начале 1801 г. формировался кабинет Аддингтона, вопрос о том, чтобы Нельсон стал первым лордом адмиралтейства, даже не дебатировался. На то имелось много причин. Во-первых, хотя «от природы Нельсон был очень религиозен и высоко морален, он неправильно вел себя в отношении жены. Между ним и отцом даже наступило отчуждение. Отец всегда принимал сторону его жены. Нельсон был до безумия влюблен в Эмму Гамильтон» (11). Действительно, 13 января 1801 г. Нельсон окончательно порвал с женой. Во-вторых, у него ухудшилось зрение. 28 января 1801 г. он писал Эмме: «У меня очень плохо с глазом. Меня осматривал главный врач флота. Он запретил мне писать...» (12). (Острое воспаление глаза со временем прошло.) В-третьих, Нельсон начал судебное дело из-за призовых денег против одного из высокопоставленных морских офицеров, что выставило его в дурном свете. Наконец, слишком большая популярность Нельсона вряд ли нравилась тем, кто формировал правительство.

В общем, в адмиралтейство пришел Сент-Винсент, он продолжил подготовку к походу в Балтийское море. Соотношение сил у участников предстоящего конфликта было следующим. Англия выделила для похода 18 линейных кораблей, большое число фрегатов и других более мелких судов — всего 93 корабля (13) и 600 пехотинцев на случай, если придется предпринять высадку на берег. Им противостояло, по официальным данным, 82 русских, 23 датских, 18 шведских линейных кораблей, приблизительно 89 фрегатов, корветов и бригов, а также более 150 других мелких вооруженных судов. Реально, однако, союзные страны располагали значительно меньшим потенциалом. По английским источникам, в России в строю было не более 61 линейного корабля; из них только 31 на Балтике, а остальные в Черном и Средиземном морях. Причем корабли на Балтике базировались в нескольких портах: в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Архангельске и Ревеле (ныне Таллин). Англичане считали, что в боевую линию могло стать в то время не более 20 русских вымпелов. У шведов в Карлскруне насчитывалось 11 линейных кораблей. Датские суда концентрировались в Копенгагене. 10 датских линейных кораблей находились в боевой готовности и примерно столько же — в различной стадии подготовки (14).

Если бы все способные начать бой суда трех держав — России, Швеции и Дании — оказались собранными в единый кулак, они сумели бы разгромить англичан. Однако в адмиралтействе строили расчет на том, чтобы разбить противника по частям, ни в коем случае не допуская соединения трех флотов.

* * *

В Англии существует традиция производить награждения и повышения к Новому году (за исключением особых случаев). 1 января 1801 г. Нельсон получил ранг вице-адмирала. Вскоре он узнал, что командовать походом в Балтику поручили вице-адмиралу Х. Паркеру, а его, Нельсона, назначили вторым флагманом эскадры, т. е. заместителем Паркера. О. Уорнер, исходя из особенностей характера и боевого опыта обоих адмиралов, пишет: «Паркер в качестве командира и Нельсон в качестве его подчиненного напомнили многим упряжку из двух лошадей, в которой скаковая лошадь оказалась поставленной позади мерина» (15).

Х. Паркер был уважаемым офицером, происходил из известной семьи моряков, но ему перевалило уже за 60 лет и он давно не участвовал в военных действиях. Паркер любил комфорт, и перспектива похода в холодную Балтику его не прельщала. Его тревожили опасности и трудности экспедиции. Нельсон в личном письме Сент-Винсенту сообщал: «Наш друг несколько нервничает в связи с предстоящей встречей с темными ночами и ледяными полями, но мы должны приободриться» (16). Современные английские историки ссылаются еще на одну причину. «Паркер,— пишет О. Уорнер,— недавно женился на полненьком молоденьком создании; ее непочтительные люди называли „пышным пудингом"» (17). И далее: «Паркера следовало подтолкнуть, чтобы он ушел с флотом из Ярмута. И лишь благодаря в основном срочному и неофициальному обращению Нельсона в адмиралтейство Паркеру был послан приказ, чтобы флот немедленно поднял якоря. Мысли адмирала концентрировались в это время на бале, о котором его жена мечтала всей душой» (18).

Нельсон не знал о последнем обстоятельстве, а если бы и знал, все равно не остановился бы. Как только ему стал известен замысел английского правительства с помощью флота разбить союз «вооруженного нейтралитета», он заторопил с реализацией этого плана. Нельсон считал, что чем скорее удастся нанести удар по участникам «вооруженного нейтралитета», тем больше шансов на успех. Далее Нельсон считал, что основа, становой хребет объединения северных стран — Россия и, если вывести ее из строя, объединение тут же рассыплется. Следовательно, главный удар и без промедления надлежало нанести русскому флоту на Балтике и уничтожить его.

Нельсон торопит всех и вся. 1 марта он пишет Сент-Винсенту: «Время, мой дорогой лорд, наш самый лучший союзник, и я надеюсь, что мы им не пренебрежем» (19).

Конечно, не только позиция адмирала Паркера тормозила экспедицию. Были

причины и поважнее: собрать и снарядить корабли вообще дело долгое и непростое, а тут оно осложнилось затянувшейся сменой правительства: уходившие в отставку министры не желали и не могли принимать решения, а новых министров официально не существовало. Аддингтон получил поручение короля сформировать новое правительство 31 января 1801 г. Однако Георг III из-за болезни (он страдал от периодических приступов сумасшествия) не утверждал состав нового правительства до марта 1801 г. (20).

Наконец, 12 марта эскадра, собранная в Грейт-Ярмуте, вышла в море и направилась к проливам, соединяющим Северное море с Балтийским.

Через три дня адмиралтейство отдало секретный приказ, определявший цели и задачи экспедиции. В приказе говорилось, что первая акция должна быть предпринята против Дании. С датским правительством велись переговоры, целью которых было оторвать Данию от «вооруженного нейтралитета» дипломатическими средствами и превратить ее в союзника Англии. Вел переговоры в Копенгагене крупный чиновник министерства иностранных дел Ванситтарт. На случай неуспеха дипломатии Паркеру предписывалось применить силу и, разбив датский флот, или, если потребуется, применив другие военные средства, превратить Данию из врага в союзника (21).

Далее подчеркивалось, что «как только флот может быть уведен из-под Копенгагена по достижении одним или другим путем указанной выше цели... ему следует направиться к Ревелю. Если флот застанет там отряд русского военно-морского флота, обычно базирующегося на этот порт, то он должен немедленно и энергично атаковать русские корабли... уничтожить арсенал, а также захватить или уничтожить русские корабли, не подвергая, однако, слишком большому риску английскую эскадру» (22). С учетом последнего соображения, т. е. — не подвергать излишнему риску английскую эскадру, «ее командованию приказывалось затем направиться к Кронштадту и всеми средствами, которыми располагает эскадра, атаковать с целью захвата или уничтожения любые военные и иные принадлежащие России суда, где бы они ни встретились, а также всеми возможными средствами вредить этой державе» (23).

«И то же самое в отношении Швеции», гласил приказ. «Те же меры, которые предусмотрены в отношении судов и портов России... нужно применять и к шведским судам и портам», если Швеция будет упорствовать (24). Приказ был отдан от имени короля и подписан тремя членами коллегии адмиралтейства: Сент-Винсентом, Трубриджем и Маркхэмом.

Читатель, несомненно, отметил, что военные действия против России, Дании и Швеции предпринимались без объявления им войны, т. е. вероломно.

Нельсон занимался тактической стороной операции, а заодно пытался наладить нормальные отношения с Паркером. Как-то один из офицеров поймал палтуса. Нельсон знал, что Паркер любит вкусно поесть, и послал ему палтуса в подарок. Подарок Паркер принял с благодарностью, а вечером пригласил Нельсона к себе на обед. Постепенно отношения налаживались.

В то время, когда эскадра находилась вблизи Хельсингёра (Эльсинора), расположенного у входа из пролива Каттегат в пролив Эресунн (Зунд), туда прибыли Ванситтарт вместе с поверенным в делах Англии при датском дворе. Они привезли плохие известия. Дипломатическими средствами оторвать Данию от «вооруженного нейтралитета» не удалось. Датчане, решившись не порывать с союзом, принимали энергичные меры для обороны Копенгагена. Оба дипломата своими глазами видели, как росли не по дням, а по часам укрепления для защиты датской столицы с моря.

Конечно, Нельсон неоднократно обсуждал стратегию и тактику похода с Паркером и раньше, но 24 марта он изложил свои соображения в меморандуме. Суть этого важного для оценки мышления Нельсона документа, занимающего несколько страниц, сводится к следующему: «Чем больше я размышляю,— писал Нельсон Паркеру,— тем больше укрепляюсь во мнении, что ни минуты нельзя медлить с атакой противника. С каждым днем, с каждым часом он становится сильнее. Мы никогда не будем в лучшем положении, чтобы напасть на него, чем сейчас. Единственное, над чем я задумываюсь, это как добраться до противника с минимальным риском для наших

кораблей». И дальше уже целиком в своем стиле: «Я придерживаюсь мнения, что самые смелые действия являются максимально безопасными» (25).

По мере роста своей славы Нельсон усваивал возвышенный высокопарный стиль в разговорах с коллегами, в письмах к ним. Он писал адмиралу Паркеру, как если бы был королем, премьер-министром или хотя бы первым лордом адмиралтейства: «Итак, Вам доверена почти вся безопасность и, уж наверняка, честь Англии. На Вашу долю выпало больше, чем выпадало на долю какого-либо британского офицера когда-либо ранее. От Вашего решения зависит, упадет ли наша страна в глазах Европы или она еще выше подымет голову» (26).

Меморандум Нельсона следует оценивать, однако, не по напыщенности стиля, а по ясности и разумности стратегического замысла кампании, изложенного в нем. Весь меморандум, да и фразы об исторической ответственности Паркера призваны были расшевелить, активизировать главнокомандующего и, конечно, убедить его в правильности стратегического замысла Нельсона. «Во всей его переписке,— замечает А. Т. Мэхэн,— видны постоянные следы его мыслительной деятельности и неизменной точности его умозаключений в вопросах военного дела; но обыкновенно о его логике и принципах можно судить лишь по его действиям. В рассматриваемом же случае его воззрения и тот образ действий, которого он держался бы, если бы был хозяином положения, сформулированы им самим...» (27).

Нельсон предлагал Паркеру смелый план: пройти мимо Копенгагена и вначале расправиться с Россией и затем уж заняться Данией. «Предположим, что мы прошли бы через Большой Бельт, при ветре сначала западном. Не было ли бы тогда возможности направиться со всем флотом или с отрядом из десяти двух- и трехпалубных кораблей при одном бомбардирском судне и двух брандерах в Ревель для уничтожения там русской эскадры? Я не вижу большого риска в отделении такого отряда и в попытке затем добиться результата в Копенгагене с остальными судами» (28).

План Нельсона вытекал из его убеждения, что Россия является основой коалиции северных стран. Он был связан и с тем, что датчане избрали тактику пассивной обороны у стен своей столицы. Однако адмирал Паркер не хотел идти на риск и принял решение «не оставлять в тылу эскадры враждебную Данию» (29). Ей следовало нанести первый удар.

Нельсона не случайно беспокоил вопрос, как добраться до противника. Географические условия очень затрудняли действия англичан. Им надлежало из Северного моря пройти через пролив Скагеррак, печально славившийся у моряков частыми кораблекрушениями, и, обогнув северную оконечность полуострова Ютландия, войти в широкий пролив Каттегат. На юге пролив замыкается большим островом Зеландия, на котором и расположена столица Дании, и островом поменьше — Фгон, Дальше путь англичан лежал с севера на юг. Достичь Балтики можно было одним из трех проливов. Малый Бельт, отделяющий остров Фюн от Ютландии, эскадра не могла выбрать потому, что он вообще трудно проходим, а для крупных судов тем более. Большой Бельт безопаснее, но и он таил сложности для судоходства, которые англичане еще не преодолевали. Они обычно предпочитали пролив Зунд, между островом Зеландия и южной оконечностью Швеции,— наиболее спокойную и короткую дорогу до Копенгагена. Однако все достоинства пролива Зунд перечеркивались тем, что в самом узком месте, при входе в Зунд из Каттегата, у датчан стоял замок, служивший и крепостью, и государственной тюрьмой, и дворцом. Цитадель Хельсингёр (Эльсинор) приобрела мировую известность благодаря Шекспиру: именно здесь страдал Гамлет. Напротив Хельсипгёра на шведском берегу находилась крепость Хельсингборг. Если бы корабли англичан попытались пройти на юг через Зунд, то их накрыли бы ядра из пушек обеих крепостей. Сколько судов при этом было бы повреждено и выведено из строя, никто предвидеть не мог.

Эскадра стояла у входа в Зунд. Командование не могло решиться, каким проливом идти. Заранее взятые лоцманы с торговых судов, ходивших в балтийские порты, совершенно непредвиденно растерялись: ведь теперь им предстояло указывать путь кораблям

совсем других размеров, шедших с другими задачами. Нельсон высказывался за то, чтобы прорываться в Зунд под пушками Хельсингёра. Паркер долго колебался, но в конце концов согласился.

Прежде, однако, Паркер направил парламентаря к губернатору Хельсингёра с запросом: будет ли тот стрелять, если английская эскадра пойдет по проливу. Губернатор ответил, что будет. Корабли английской эскадры, выстроившись в линию, пошли через пролив. Батареи Хельсингёра открыли огонь, однако ядра не достигали судов. Тут же англичане заметили, что шведский берег молчит, и взяли поближе к нему. Корабли оказались вне опасности (30).

Шведские власти не отважились стрелять по английским судам. Да и стрелять им было, по существу, нечем: в Хельсингборге стояла одна батарея из восьми орудий легкого калибра.

Прорыв в Зунд прошел легче, чем английское командование предполагало. Некоторые английские суда, дав несколько залпов по Хельсингёру, убили двоих и 15 ранили. Англичане от огня противника потерь не понесли. Правда, на одном корабле при выстреле разорвало пушку, из-за чего семь человек были убиты и ранены (31).

Пройдя примерно 20 миль по проливу на юг, англичане увидели шпили Копенгагена. Здесь Зунд значительно расширился; Копенгаген на его западном берегу и город Мальме на побережье Швеции отделяло миль 15. Примерно посередине пролива лежал остров Сальтгольм. Английской эскадре предстояло действовать между островом и районом Копенгагена. Пролив между Сальтгольмом и Копенгагеном четко разграничивался четырьмя полосами. У Копенгагена шла полоса мелководья, где крупные корабли не могли пройти. За ней простирался сравнительно узкий, но достаточно глубокий так называемый «королевский фарватер», пригодный для любых судов. С востока его ограничивала большая песчаная отмель длиной в 3 мили и довольно широкая — так называемая «миддель грунд». Между отмелью и островом Сальтгольм проходил «голландский фарватер», как и «королевский», пригодный для любых судов.

Датчане в полной мере воспользовались благоприятной для них топографией местности, у северного входа в «королевский фарватер» они соорудили на прибрежной отмели на сваях мощный форт. Форт Трекронер располагал 69 орудиями, которые могли разбить один за другим корабли, направлявшиеся и в фарватер, и в канал, ведущий в гавань. В канале стояли шесть кораблей, способных поддержать форт огнем. От форта на юг вытянулась боевая линия датских кораблей, прикрывая столицу. Они буквально прижались к береговой отмели, и возможность зайти между ними и берегом (что Нельсон проделал в Абу-Кирском заливе) исключалась. Линия достигала в длину 1600 м. Между нею и «миддель грунд» оставалось пространство в 500 м. На датских судах различных классов, находившихся в линии, имелось 628 орудий, которые обслуживали 4848 человек (32).

За линией кораблей, на берегу, поднималась цепь фортов, пушки которых могли поддержать огнем своих моряков. Наиболее надежно и природой, и людьми был защищен северный вход в «королевский фарватер». Он казался неприступным, о чем сообщили Паркеру Ванситтарт и его коллега, все внимательно осмотревшие несколько дней назад.

Слава Нельсона как победоносного флотоводца уже распространилась по Европе, и датчане придавали его присутствию на английской эскадре большое значение. Известный историк Б. Нибур, бывший очевидцем событий, писал 24 марта своей знакомой: «Мы ожидаем, что наша линия обороны будет подвержена грозным нападениям: Нельсон находится в неприятельском флоте, и, конечно, при этом случае он употребит всю энергию, какую уже столько раз выказал прежде, в других обстоятельствах» (33).

Датчане проявили выдержку, мужество и патриотизм. Они сознавали справедливость своего дела, их глубоко возмущало насилие англичан. Когда появилась английская эскадра, многие записались добровольцами в солдаты. В течение нескольких дней студенты университета создали отряд в 1200 человек.

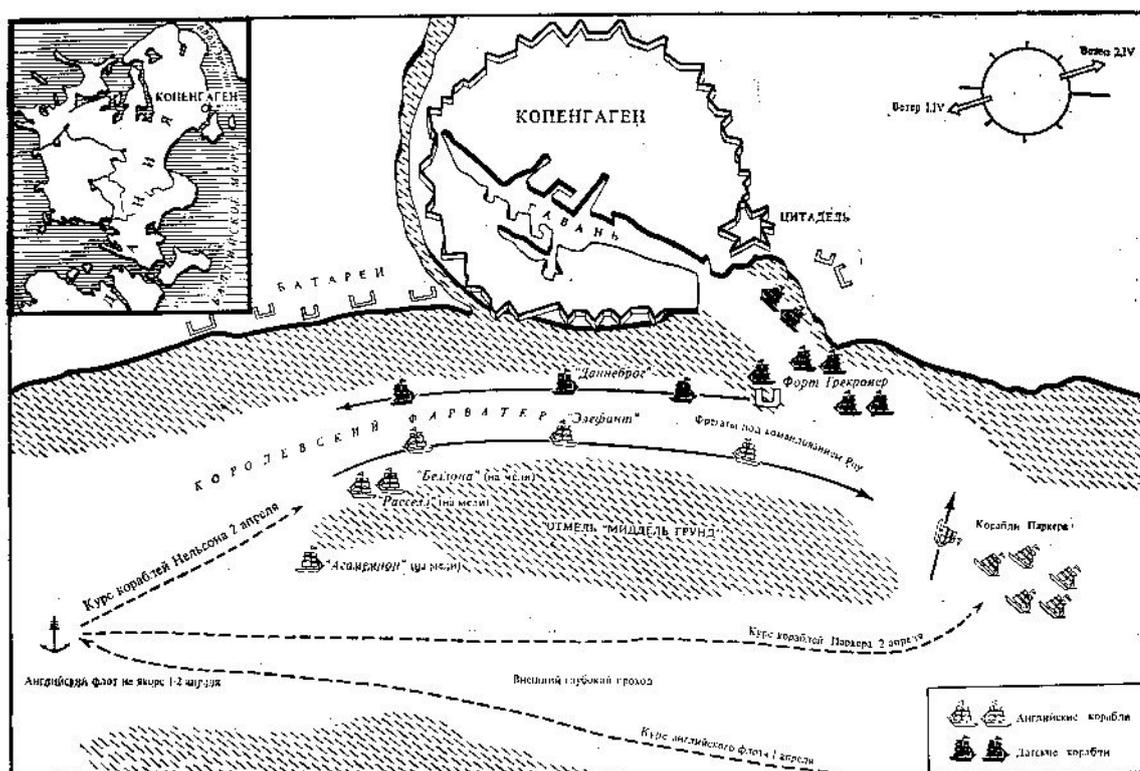
В Лондоне уже знали, что дипломатия результатов не дала и настала очередь пушек. Время осторожного, неторопливого, осмотрительного Паркера прошло. Теперь явно на главную роль должен был выдвинуться динамичный, решительный Нельсон.

Стояла мягкая зима, и лед в Балтике мог растаять раньше обычного. Тогда русские корабли пришли бы из Ревеля на помощь датчанам. А это означало бы появление 15—12 линейных кораблей противника дополнительно. Оставалось неясным, как поведут себя в такой ситуации шведы — вполне вероятно присоединят свои корабли к датским и русским.

С учетом этой потенциальной опасности, а также из-за неясности положения в северном входе в «королевский фарватер», у Нельсона сформировался следующий план: во-первых, атаковать Копенгаген как можно быстрее (с января его кличем неизменно было: быстрее, быстрее, быстрее), чтобы предотвратить соединение союзных флотов, и, во-вторых, атаку произвести через южный вход в «королевский фарватер», где и укрепления слабее и в случае чего легче помешать соединению датских кораблей с союзниками.

Споры на военном совете у Паркера шли в основном о том, как провести операцию, не подвергая большой опасности свои корабли: ведь эскадру ждал поход на Ревель, Кронштадт и дела со шведами. Нельсон предложил дать ему 10 линейных кораблей, и с ними он брался разгромить Копенгаген. Таким образом, большая часть эскадры не подвергается никакой опасности и сохранится для решения последующих задач. Тем самым Нельсон почти всю ответственность за копенгагенскую операцию возлагал на себя. Адмирал Паркер принял предложение своего второго флагмана и добавил ему еще два линейных корабля (34). Кроме этого, в распоряжение Нельсона поступали пять фрегатов, вся флотилия канонерских лодок, бомбардирских судов и брандеров.

С этим флотом Нельсону следовало, используя попутный ветер, двинуться на юг «голландским фарватером», и там, южнее «миддель грунда», остановиться и ждать, пока ветер не переменится; затем с попутным ветром с юга войти в «королевский фарватер» и атаковать датские корабли, форты и батареи; сломив сопротивление датчан, начать артиллерийский обстрел города и громить его до тех пор, пока Дания не капитулирует.

Сражение у Копенгагена

Адмирал Паркер должен был стать у северного входа в фарватер, с тем чтобы его восемь линейных кораблей могли обстреливать форт Трекронер с фланга, оказывая известную поддержку кораблям Нельсона. Кроме того, Паркер имел возможность прикрыть подбитые и выходящие из боя корабли Нельсона, которым только тут и удалось бы уйти из-под выстрелов противника — ведь ветер дул с юга на север, а в проливе и течение соответствовало направлению ветра.

Ночами, предшествовавшими сражению, англичане промеряли фарватер и намечали путь следования кораблей. Датчане предусмотрительно убрали буи, но не догадались, помешать противнику по ночам производить промеры. Капитан Харди сам занимался этим важным делом.

1 апреля 1801 г. весь флот подошел к северному краю «миддель грунда». Потом отряд Нельсона «голландским фарватером» двинулся на юг и бросил якорь у южной оконечности отмели. Отсюда до первых датских кораблей оставалось всего 2 мили. Ждали изменения ветра.

План боя, разработанный Нельсоном, был прост. Английским линейным кораблям надлежало пройти вдоль датской линии из 18 кораблей, прикрывавших город, и каждому кораблю стать против намеченного для него датского судна. Бросив якорь с кормы, открыть артиллерийский огонь и разбить намеченную цель. Фрегаты и другие мелкие суда назначались к действию в голове и хвосте линии. Таким образом, судьба сражения зависела от мощи огня, эффективности действий и смелости экипажей.

Этот план принципиально отличался как от использованного Нельсоном у Абу-Кира, так и от плана, использованного через четыре года у Трафальгара. План боя у Копенгагена — пример классической линейной тактики. Силы атакующих рассредоточивались по всему фронту, и возможность создания превосходства на каком-либо одном участке не предусматривалась. Почему адмирал поступил таким образом, неясно. Может быть, из-за невозможности или затруднительности свободного маневрирования в узком «королевском фарватере».

Удивительное дело, ветер переменялся на следующий день. В 9 часов 30 минут утра 2 апреля эскадра Нельсона подняла якоря и начала втягиваться в «королевский фарватер». Первый корабль вошел удачно, а следовавший за ним известный уже читателю «Агамемнон» не смог занять нужное положение в отношении ветра, чтобы обогнуть южную оконечность «миддель грунда». Другие корабли пошли более удачно, но двум из них тоже не повезло — они «приткнулись», т. е. сели на мель на краю «миддель грунда», уже в фарватере. Здесь пригодился Нельсону опыт плавания по узким проливам и между отмелями. Он мгновенно понял, где глубже, и там повел остальные корабли. Корабль Нельсона остановился напротив датского флагмана «Даннеброг». Английские фрегаты заняли места трех выбывших судов. У Нельсона осталось девять линейных кораблей. Вот здесь он оценил решение Паркера добавить ему два линейных корабля. Теперь Паркер отрядил Нельсону еще три судна взамен выбывших.

Самому Паркеру не повезло. Против него оказались и ветер, и течение, и он не сумел стать вблизи форта Трекронер, как предполагалось. Паркер занял такую позицию, с которой он видел сражение, но помочь Нельсону не мог.

В половине двенадцатого артиллерийская дуэль развернулась в полную силу. В 14 часов многие датские корабли уже прекратили огонь. «Даннеброг» горел. Но датчане мужественно защищались. Нередко замолчавшие датские корабли неожиданно вновь открывали ожесточенный огонь — это на смену погибшим артиллеристам приходили подкрепления с берега. Английские суда направляли своих матросов на шлюпках, чтобы захватить умолкнувшие датские корабли, но шлюпки расстреливали с береговых батарей.

Обе стороны дрались с упорством и ожесточением. Потери были огромны (их подсчитали только после боя): на английской эскадре насчитывалось 1200 убитых и раненых — на 300 человек больше, чем при Абу-Кире. Английские корабли получили большие повреждения в материальной части, многие из них потеряли половину рангоута,

Адмирал Паркер три часа наблюдал за сражением. Он видел, какой огонь

принимали на себя корабли Нельсона, и понимал, что долго они не выдержат, что дело может обернуться катастрофой. Он был недалек от истины.

И здесь произошел эпизод, один из самых популярных у историков военноморских сражений. Мы излагаем его по очерку полковника Стюарта, командовавшего солдатами-десантниками в эскадре Паркера и в момент Копенгагенского сражения не покидавшего Нельсона. Его документ «Описание событий, относящихся к поведению лорда Нельсона в Балтике в 1801 г.» помещен в многотомном издании «Донесения и письма Нельсона» (35).

«В это время,— вспоминает Стюарт,— как и все время, пока шло сражение, лорд Нельсон ходил на юте¹⁸ по правому борту. Временами он очень оживлялся, а потом делал удивительно точные замечания. Ядро ударило в мачту, и на нас посыпались щепки. Он сказал мне, улыбаясь: «Горячее дело. Сегодняшний день может в любой момент стать последним для каждого из нас». А затем, остановившись у трапа, он произнес слова, которые никогда не изгладятся из моей памяти. Он с чувством сказал: „Но запомните, что я ни за какие тысячи не согласился бы в этот момент быть где-либо в другом месте" (36). Когда был дан сигнал № 39 (с корабля адмирала Паркера.— В. Т.), гласивший «Выйти из боя», сигнальный лейтенант доложил о нем Нельсону. Адмирал продолжал прохаживаться, как бы не заметив сигнала. Когда адмирал повернул обратно, лейтенант спросил его: „Нам следует повторить сигнал?". Лорд Нельсон ответил: „Нет, просто подтвердите его". Лейтенант повернулся, чтобы отправиться на свое место, и Нельсон крикнул ему вслед: „Сигнал № 16 все еще поднят у нас?"¹⁹. Лейтенант ответил утвердительно, и Нельсон приказал ему: „Проследите, чтобы он оставался на месте..."» (37).

«Теперь Нельсон в состоянии сильного возбуждения энергичными шагами меррш палубу. О возбуждении свидетельствовало то, что обрубок его правой руки двигался. Сделав один или два поворота, он быстро спросил меня: „Вы знаете, что гласит сигнал № 39, поднятый на корабле главнокомандующего?". Я спросил его, что означает сигнал, и он сказал: „Ну конечно, выйти из боя". При этом он заметил, кажется капитану Фоли: „Вы знаете, Фоли, что у меня только один глаз, и поэтому у меня есть право иногда быть слепым". Затем с лукавством, присущим ему, он приставил подзорную трубу к слепому глазу и воскликнул: „Я действительно не вижу сигнала". Таким образом, на борту „Элефанта" (т. е. корабля Нельсона.— В. Т.) этот важный сигнал был лишь подтвержден, но не повторен» (38). Следовательно, распоряжение кораблям Нельсона о выходе из боя передано не было, и адмирал Нельсон не исполнил приказ главнокомандующего. Сражение продолжалось с прежним ожесточением.

Но Нельсон, не желавший выйти из боя и тем самым признать свое поражение, уже понимал, что раздавить огнем сопротивление датчан не сумеет. И он решил пойти на хитрость. Нельсон посылает к датчанам под флагом перемирия (таким образом не датчане, а Нельсон первым попросил о перемирии) офицера с письмом, весьма необычно озаглавленным: «Братьям англичан датчанам» (39). В письме говорилось, что у адмирала Нельсона есть приказ щадить Данию, если она больше не будет сопротивляться. Далее содержалась фраза о том, что Нельсон будет вынужден сжечь датские плавучие батареи, не имея возможности спасти «храбрых датчан, защищающих их» (40).

Датчане после многочасовой упорной битвы понесли огромные потери; им казалось, что победы уже не добиться. Тут и явился к датскому командованию английский парламентар со странным письмом Нельсона. Датчане не поняли, что оно означает, и запросили Нельсона. Адмирал в ответе превзошел самого себя в высокомерии и лицемерии. «Цель лорда Нельсона,— отвечал он,— посылающего на берег флаг перемирия, доказать свое человеколюбие. Он соглашается на то, чтобы враждебные

¹⁸ Ют — надстройка в кормовой части судна, простирающаяся от одного борта до другого, в ней располагаются жилые помещения.

¹⁹ Сигнал № 16 гласил: «Вести бой на ближней дистанции» и развевался на корабле Нельсона с самого начала сражения.

действия прекратились, пока лорд Нельсон не снимет своих пленников с призов. Он соглашается свезти на берег всех раненых датчан и сжечь или вывести из сферы боя свои призы. Лорд Нельсон ... всегда будет считать, что одержал величайшую из всех когда-либо одержанных им побед, если флаг перемирия послужит счастливым предвестником прочного и счастливого союза между всемилостивейшим правителем Великобритании и его величеством королем Дании» (41).

Эти письма Нельсона — удивительный документ, с каким апломбом говорит о человеколюбии человек, несколько часов назад намеревавшийся уничтожить всю датскую оборону с ее защитниками и затем разбить и сжечь ядрами Копенгаген, не щадя его населения — ни женщин, ни детей, ни стариков. Значит, хорошо побили адмирала, если он завел речь о человеколюбии. Но, подчеркивая свое человеколюбие, адмирал хотел одного — чтобы датчане проявили человеколюбие к нему, его офицерам и морякам.

Нельсону удалось провести датское командование. Огонь датчане прекратили, и надолго. Шлюпки с парламентарями курсировали от «Элефанта» к берегу, а затем от Нельсона к Паркеру, который стоял в 4 милях, и обратно. Двигались шлюпки медленно, Нельсон умышленно тянул время. И использовал его для того, чтобы снять с мели все свои суда, а наиболее пострадавшие вывести из фарватера в безопасную зону. Пушки Трекромьера молчали, когда перед ними уходили залечивать свои раны избитые английские корабли.

Лицемерие Нельсона — здесь он полностью был на уровне традиций и морали тогдашних английских правящих кругов — настолько очевидно, что подверглось осуждению и современниками, и историками. Военная хитрость, стремление поправить дело дипломатией там, где не удастся достичь цели оружием, вполне естественны в военных условиях. Но в данном случае утверждение Нельсона, что им двигало человеколюбие, относилось уже к другому порядку вещей. Не случайно такой поклонник Нельсона, как А. Т. Мэхэн, не счел возможным пройти мимо данного вопроса. Он приводит письмо Нельсона, написанное месяц спустя после Копенгагенского сражения, в котором адмирал замечает: «Многие из моих друзей думали, что этот шаг не может быть оправдан и представляет собой военную хитрость. Очень немногие приписывают его тому, что я в действительности чувствовал и что я, бог даст, сохраню до последнего момента, т. е. человеколюбие» (42). Итак, очень немногие даже из коллег Нельсона поверили в его «человеколюбие». Если в письме адмирал искренен, то оно лишь свидетельство того, как люди, вводя в заблуждение других, в конце концов сами начинают верить в собственный вымысел. В жизни подобное встречается нередко.

Более важный вопрос: одержали ли англичане военную победу над Данией 2 апреля 1801 г.? Почти все историки сходятся на том, что если бы датское командование не поддавалось на хитрость Нельсона, оно уничтожило бы весь его отряд. Соотношение сил к моменту перемирия обеспечивало возможность такого исхода. Военно-морской историк К. Ллойд пишет: «Письмо (первое письмо Нельсона.— В. Т.), безусловно, было послано в критический для англичан момент. Оснастка их кораблей была страшно побита, и корабли не смогли бы уйти, если бы и захотели это сделать» (43).

Переговоры о перемирии тянулись довольно долго. Датская сторона сопротивлялась требованиям английских адмиралов, но вдруг датчане стали уступчивее. Они получили сведения, что 24 марта 1801 г. в Санкт-Петербурге убит император Павел, упорный противник Англии. Россия могла пойти на сближение с Англией. Тогда сопротивление Дании выглядело бы бессмысленным.

На английской эскадре о событиях в России пока еще не знали. 9 апреля условия перемирия ратифицировали адмирал Паркер и кронпринц Дании. Дания на время перемирия выходила из «вооруженного нейтралитета». Английское правительство без удовлетворения оценило итоги битвы у стен Копенгагена. «По соображениям всех обстоятельств,— писали министры Нельсону,— его величество считает правильным одобрить перемирие» (44). Если бы в Лондоне сочли, что в Копенгагене одержана полная победа, то реакция и сейчас, и позже была бы иной.

Первый лорд адмиралтейства более положительно отозвался на усилия Нельсона. Он писал ему: «Все действия Вашего лордства, с самого назначения Вашего до настоящего момента, составляют предмет нашего постоянного восхищения. Я не могу делать сравнений,— все согласны, что есть только один Нельсон» (45).

Советские специалисты более критически относятся к действиям Нельсона. «В бою на Копенгагенском рейде,— пишут авторы «Истории военно-морского искусства»,— особенно ярко проявились недостатки тактики Нельсона:

— авантюризм, сказавшийся в переоценке своих сил и недооценке сил противника;

— недооценка роли разведки, приведшая к тому, что англичане вступили в бой, не разведав датских укреплений;

— недооценка важности навигационного обеспечения, которая привела к тому, что значительная часть английских кораблей села на мель;

— неправильное использование сил: Нельсон равномерно распределил корабли против всей оборонительной линии противника, что привело к распылению его сил, тогда как в данном случае следовало сосредоточить превосходящие силы на главном направлении; таким главным направлением могла быть южная часть оборонительной линии датчан, так как поддержка остальными силами в этом месте была невозможна, ибо датские корабли не могли передвигаться;

— просчет в отношении темпа боя: Нельсон рассчитывал в течение часа разбить датчан, фактически же бой длился почти шесть часов;

— пробел в разработанном плане боя: не был предусмотрен способ выхода из боя в случае неудачного его исхода для англичан» (46).

По условиям перемирия английская эскадра получала возможность беспрепятственно пройти в Балтийское море. Нельсон рвался к Ревелю. Для него поход на Балтику только начинался. 9 апреля он писал Сент-Винсенту: «Если бы от меня зависело, то я уже 15 дней тому назад находился бы у Ревеля, и ручаюсь, что русский флот вышел бы из этого порта не иначе, как с разрешения нашего адмиралтейства» (47).

Нельсон спешил, нервничал, что из-за переговоров о перемирии с датчанами ушло столько драгоценного времени. Медлительность Паркера его раздражала. Лишь через два дня после заключения перемирия, отослав в Англию один захваченный датский корабль и отправив на двух английских судах своих раненых, Паркер решил идти на Балтику.

* * *

Выйти из Зунда в Балтийское море было далеко не просто — путь преграждали многочисленные мели. Чтобы их преодолеть, пришлось пушки с тяжелых кораблей сгрузить на купеческие суда — адский труд при тогдашнем уровне механизации. Осадка больших судов уменьшилась, но некоторые из них все-таки то и дело задевали дно. По выходе в море пушки вновь поставили на их места. 12 апреля английская эскадра вышла на морской простор. Паркер попытался перехватить шведскую эскадру, но шведы уже знали о копенгагенском деле и укрыли свои корабли в Карлскруне под охраной береговых батарей. 23 апреля на английской эскадре стало известно о смерти Павла. За два дня до этого в Лондоне уже был подписан приказ о возвращении адмирала Паркера в Англию и назначении Нельсона главнокомандующим балтийской эскадрой. Приказ на эскадре получили 5 мая, и уже 7 мая Нельсон с отрядом быстроходных кораблей рванул к Ревелю (48). Зачем? Затем, чтобы захватить или уничтожить стоявшие в Ревеле корабли. Хотя после смерти Павла император Александр дал понять, что намерен пойти на улучшение отношений с Англией.

Ветер дул попутный, и 12 мая эскадра Нельсона подошла к Ревелю. Русский военно-морской начальник в Ревеле адмирал Спиридов доносил царю: «Всемиловейший государь. Сего числа отправленный от геиерала-от-кавалерии графа Палена на люгере „Великий князь" капитан-лейтенант Рожнов к ревельскому порту возвратился. И привез от английского контр-адмирала лорда Нельсона пакет на имя генерала графа Палена, который к нему и отправлен, а при том оный капитан-лейтенант Рожнов меня известил, что английский флот, состоящий из 18 линейных кораблей, 7 фрегатов и 22

разных мелких судов, под предводительством лорда Нельсона идет к нашим берегам; он оставил его у острова Даго идущим за нашим люгером под всеми парусами. И может быть, что сего же числа английский флот придет на ревальский рейд.

Через час после возвращения нашего люгера пришел на ревальский рейд английский катер, командир которого капитан Дигби, съехав на берег, вручил мне письмо от лорда Нельсона, в котором он меня просит, что так как имеет намерение с эскадрой войти в ревальскую бухту, то для безопасного прохода просил лоцманов, и в рассуждении сего, как я не имею повеления, чтобы им воспрещать вход, то и посылал к нему двух штурманов... Привезенный им пакет на имя генерала графа Палена к нему отправлен» (49).

В Ревеле Нельсона постигло большое разочарование. Захватить или уничтожить русские корабли ему не удалось: более чем за неделю до его прибытия они пробили проход во льду и ушли в Кронштадт. Несколько успокоившись, адмирал понял, что его агрессивный акт в отношении России в тот момент, когда министры в Лондоне намеревались наладить контакты с Санкт-Петербургом, мог причинить большой вред политике Лондона. И он решил изобразить свой приход как акт доброжелательства.

Русские моряки в Ревеле вежливо встретили английскую эскадру. 12 мая адмирал Спиридов сообщал царю: «Всемиловнейший государь. Английская эскадра, состоящая из 11 кораблей, 1 фрегата, 2 бригов и 2 люгеров, сего числа пришла в ревальскую бухту и остановилась на якоре верстах в 10 от гавани. Я посылал к начальствующему оною вице-адмиралу лорду Нельсону офицера с обыкновенными приветствиями, который, возвратясь, мне донес, что лорд Нельсон желает брать здесь, в Ревеле, свежую воду, мясо и хлеб для служителей, а между тем, как офицер к нему ездил, и от него приезжали двое капитанов с извещением, что он желает салютовать крепости и потом съехать на несколько времени на берег, на что ему от меня и от военного губернатора и было сказано, что крепость на его салют будет отвечать равное число пушек и что мы с большим удовольствием желаем его видеть» (50).

Стараясь успокоить российское правительство, Нельсон писал министру иностранных дел графу Палену: «Я счастлив, что имею возможность уверить Ваше сиятельство в совершенно миролюбивом и дружественном содержании инструкций, полученных мною относительно России. Прошу Вас заверить его императорское величество, что... мои собственные чувства полностью соответствуют полученным мною приказаниям. Я не могу это выразить лучше, как явившись лично, с эскадрой в Ревельский залив или в Кронштадт, смотря по желанию его величества. Этим я хочу доказать дружеское расположение, которое, как я надеюсь, будет при помощи божьей вечно существовать между нашими государями. Присутствие мое в Финском заливе окажет также большую помощь английским торговым судам, зазимовавшим в России. Я принял меры к тому, чтобы в моей эскадре не было ни бомбардирских судов, ни брандеров. Этим я хотел ясно показать, что не имею никаких иных намерений, кроме желания выразить глубокое уважение, которое я питаю к особе его императорского величества» (51).

13 мая граф Пален направил Нельсону письмо, свидетельствующее о том, что адмиралу не удалось ввести в заблуждение российское правительство относительно характера визита английской эскадры: «Милорд,— писал Пален.— Письмо, которое Ваша светлость, оказав мне честь, написали... вызвало у меня немалое изумление. Оно утвердило во мне уверенность в мирных намерениях Великобритании и в то же время показало Ваше намерение, милорд, отправиться со всем флотом под Вашим флагом на рейд Ревеля либо Кронштадта. Мой повелитель император отнюдь не предполагает, что подобный демарш совместим с горячим желанием, проявленным его британским величеством, восстановить доброе согласие, которое столь долгое время царило между двумя монархиями. Напротив, его императорское величество находит это полностью противоположным духу тех инструкций лондонского двора, о которых сообщил ему лорд Хоуксбери.

Вследствие этого его величество приказал мне известить Вас, милорд, что

единственная гарантия, какую он примет как знак лояльности Ваших намерений, будет срочное удаление флота, которым Вы командуете, и что не могут иметь место никакие переговоры с Вашим двором, пока его морские силы будут находиться в виду наших портов.

Император тверд в намерении урегулировать дружественным образом расхождения, существующие между двумя дворами. Его величество с удовольствием сообразуется с предложениями, которые направил ему Ваш повелитель король в ходе дружеских переговоров и которые покоятся на справедливости; но та демонстрация, которая сопровождает эти предложения, может лишь свести на нет предполагавшийся эффект.

Его величество надеется на Ваше благоразумие, милорд, которое позволит уделить данному сообщению все внимание, им заслуживаемое, и на то, что Вы позаботитесь предупредить то, что противоречит взаимным желаниям наших владык сохранить мир, а ничто не может быть более противоположным этому, чем дальнейшее пребывание английского флота в наших водах.

Просвещенный ум Вашей светлости не позволяет мне думать, будто Вы не понимаете, в какой мере Ваш ответ может оказаться решающим для определения будущего поведения русского двора, и что Вы хотите быть лично ответственным за последствия, вытекающие из Вашего сопротивления справедливым соображениям, изложенным в этом письме. Для моего августейшего повелителя было бы весьма тягостно отказаться от пути к согласию; однако он ни минуту не промедлит показать ту силу, которую ниспослало провидение в его руки, если худшее коснется чести его короны, и тогда это вынудит его к исполнению долга, всегда для него священного» (52).

Нельсону дали отпор, который он и его начальники вполне заслужили. Для того чтобы значение письма министра иностранных дел России стало вполне очевидным, необходимо учитывать при его оценке директиву английского правительства, данную эскадре Паркера — Нельсона при ее направлении на Балтику, особенно ту ее часть, где речь шла о русском флоте.

Француз Ж. Гравьер замечает о письме Палена: «Такой язык был достоин великого государства, и никогда еще беспокойный, заносчивый дух, оживлявший в эту эпоху британский флот, не получал более справедливого и строгого урока. Адмиралтейство слишком долго поддерживало этот дух...» (53). Ж. Гравьер писал это в середине XIX в. А полстолетия спустя офицер русского флота А. Бутаков высказался так: «Мы, русские, можем со своей стороны торжествовать, что злые козни зазнавшегося английского адмирала получили в России должный отпор, и урок, преподанный Нельсону в Ревеле, был едва ли не самым чувствительным политическим афронтом для героя, испытанным им за всю его блестящую карьеру» (54).

16 мая Нельсон ответил Палену совсем не в нельсоновской манере. Он старательно, местами даже подобострастно оправдывался: «Ваше превосходительство, будете так любезны и заметьте его величеству, что я вошел на ревельский рейд не ранее, чем получил на это разрешение их превосходительств коменданта и главного командира порта» (55). А в душе у него клокотало бешенство. «Не думаю,— говорил он,— чтобы граф Пален решился написать мне такое письмо, если бы русский флот был еще в Ревеле» (56).

Нельсон увел эскадру от Ревеля 17 мая. На следующий день Пален написал ему примирительный ответ: «Милорд, я не в состоянии представить более яркое свидетельство доверия, которое испытывает мой повелитель император в связи с результатами моего письма... Его императорское величество тотчас распорядился снять эмбарго, распространявшееся на английские суда. Это мероприятие могло бы осуществиться и ранее, если бы обстоятельства, предшествовавшие его правлению, не оставили места для враждебной демонстрации Вашего правительства на севере, и мой августейший повелитель с удовольствием последовал импульсу его любви к справедливости, дабы Европа не могла более заблуждаться относительно мотивов, которые заставляли действовать определенным образом.

Я весьма сожалею, милорд, что Ваше предшествовавшее письмо вызвало недоразумения; но кто, как не Вы, знающий законы чести и достоинства, не должен тому удивляться.

Его императорское величество обязало меня известить Вашу светлость, что ему было бы приятно выразить личную признательность герою Нила и увидеть Вас при своем дворе, если Ваши инструкции позволят Вам оставить флот и прибыть на одном корабле в один из наших портов» (57).

Но это Нельсона не интересовало. Вскоре в Балтийском море произошла встреча Нельсона с новым послом Лондона в России лордом Сент-Эленсом, который на фрегате направлялся в Санкт-Петербург. Посол посоветовал вице-адмиралу держаться осторожно и ни в коем случае не мешать намечавшемуся улаживанию отношений между Англией и Россией. В июне 1801 г. была подписана российско-английская конвенция, по которой обе страны сделали взаимные уступки в морской торговле.

Итак, в активе Нельсона в балтийском походе оказались сомнительная победа у Копенгагена и безусловная неудача с походом против русского флота. И как всегда после неудачи, па него напала хандра, он стал донимать адмиралтейство жалобами на плохое здоровье. Просьбу об отпуске оно охотно уважило. В июне 1801 г. командование английской балтийской эскадрой принял вице-адмирал Поль, а Нельсон 1 июля вернулся в Грейт-Ярмут. За Копенгаген он получил титул виконта. Других наград, однако, не последовало. Вице-адмирал возмущался такой, по его мнению, несправедливостью, публично протестовал и требовал регалий для своих капитанов, но напрасно. Правительство и адмиралтейство, а также Сити не были уверены, что результат сражения у Копенгагена давал основания для раздачи наград его участникам. С этим Нельсон никогда не мог согласиться и примириться.

Глава IV ТРАФАЛЬГАР

Нельсон по возвращении в Англию из балтийского похода обнаружил, что всех опять волнует тревожный вопрос о возможном вторжении французов через пролив на Британские острова. Достоверно стало известно, что в Булони и других портах французского побережья сколачивается флотилия средних и мелких судов для доставки десанта в Англию. 24 июля 1801 г. Нельсона назначили начальником английской оборонительной эскадры, состоящей из фрегатов и других судов поменьше.

Идея вторжения на Британские острова была не новой. Еще король Филипп II пытался нанести таким путем сокрушительное поражение Англии, направив к ее берегам в 1588 г. «Великую армаду», однако буря разметала ее корабли. В следующем столетии голландцы вошли в реку Мидуэй в Восточной Англии, впадавшую вместе с Темзой в море, т. е. неподалеку от Лондона, но и их экспедиция не имела успеха. Теперь идея возродилась во Франции. «План вторжения,— пишет О. Уорнер,— занимал мысли Наполеона по крайней мере с 1798 г., когда он не надолго приезжал в Дюнкерк и на побережье Фламандии» (1). Нельсон предпринял два нападения на булонский порт с целью захватить или уничтожить сконцентрированные там суда (2). Смелые атаки были отбиты с ощутимыми потерями для нападавших, что явилось третьей — после Тенерифе и Мальты — серьезной неудачей Нельсона. Однако дело шло к миру с Францией, и промахи вице-адмирала в проливе Па-де-Кале не сказались на его военной репутации.

В октябре 1801 г. Александр I подписал мирный договор с Наполеоном Бонапартом. Примеру своего союзника последовала Турция. А в марте 1802 г. в Амьене мир с Францией заключила и Англия. Мир для нее был невыгодным, поэтому он не мог быть длительным. Но все же передышку Англия себе обеспечила. Потребность в боевых адмиралах на время уменьшилась. 10 апреля 1802 г. Нельсон опустил свой синий флаг — адмирала списали на берег на половинное жалование. Он целиком погрузился в личную жизнь.

Элементарный такт требует, чтобы при рассказе о деятельности людей,

сыгравших видную роль в политической или общественной жизни, в науке или культуре, о них судили по результатам, которых они достигли в своей области. Нередки, однако, отступления от доброй традиции. Подчас биографы и мемуаристы упиваются житейскими неурядицами того или иного исторического деятеля. Обычно это делается по двум причинам. Одни с увлечением рассуждают о семейных передерягах своих героев, чтобы под предлогом «скрупулезной объективности» бросить тень на их дела, косвенно дискредитировать их заслуги в общественной и государственной деятельности. Другие же, идя таким путем, пытаются (может быть, даже иногда и бессознательно) приподнять, приукрасить свою собственную мелкую и незначительную персону. Максим Горький о подобных литераторах писал: «Странные это существа. Они суетливо кружатся у подножия самых высоких колоколен мира, кружатся, как маленькие собачки, визжат, лают, сливая свои завистливые голоса со звоном великих колоколов земли; иногда от кого-нибудь из них мы узнаем, что кто-то из предков Льва Толстого служил в некоем департаменте, Гоголь обладал весьма несимпатичными особенностями характера, узнаем массу ценных подробностей в таком же духе, и хотя, может быть, все это правда, но — такая маленькая, пошлая и ненужная...» (3).

Отношения Нельсона с Эммой Гамильтон, однако, не относятся к подобной категории вещей. Даже самые умные и тактичные исследователи — советский историк Е. В. Тарле или американец А. Т. Мэхэн — не смогли говорить о Нельсоне, не касаясь его личной жизни. И это вполне оправданно. Слишком большую роль сыграла Эмма Гамильтон в судьбе Нельсона. Она стала его соратником на политическом и дипломатическом поприще, его доверенным лицом. Их переписка свидетельствует о том, что у Нельсона не было никаких служебных тайн от Эммы. К тому же их связывала огромная, всепоглощающая любовь, о которой написаны многие тома.

Если в своей военно-морской деятельности Нельсон обладал большим боевым опытом и умело его использовал, то в личной жизни его отличала поразительная наивность и непрактичность. Возвратившись в 1800 г. из Италии в Лондон, он искренне надеялся, что его семейные дела как-то образуются, что жена его Фанни все поймет и примирится с существованием Эммы Гамильтон. Естественно, из этого ничего не получилось, произошел полный и окончательный разрыв. Нельсон написал жене прощальное письмо, в котором говорил, что она никогда не давала ему повода упрекнуть ее в чем-либо, и навсегда прервал с ней переписку. Нельсон позаботился о том, чтобы его жена ни в чем не нуждалась: обеспечил ей пенсию в 1200 ф. ст. в год. Фанни могла продолжать вести образ жизни, соответствующий ее положению, — она ведь оставалась юридически супругой вице-адмирала, виконтессой Нельсон.

С октября 1801 г. по май 1803 г. Нельсон был свободен от служебных обязанностей и жил в Англии вместе с Гамильтонами. В 1801 г. у Эммы родилась дочь, ее назвали Горацией. Фантастично, но факт — сэр Уильям как бы не знал ни о беременности своей жены, ни о рождении ребенка. Некоторые биографы утверждают, что он, действительно, ничего не подозревал: Эмма, женщина изобретательная, маскировала беременность и роды тяжелым недомоганием. Девочку сразу же отдали на сторону, кормилице. Появление ребенка на свет и его местонахождение хранились в глубокой тайне. Думается, однако, что 70-летний Гамильтон многое замечал, а об остальном догадывался, но, будучи привязан к Эмме и к своему прославленному другу, предпочел сделать вид, что считает их отношения платоническими.

У Нельсона никогда не было своего дома, и он страстно желал приобрести его. Теперь, имея правительственную пенсию и доходы от имения в Сицилии, он мог реализовать свою мечту. Предприимчивая Эмма подыскала милях в 10 от Лондона приличный дом с довольно обширным земельным участком — Мертон. В сентябре 1801 г. Нельсон стал владельцем имения. Всю сумму за Мертон — 9 тыс. ф. ст. — пришлось выложить ему одному, хотя жить там предполагали и Нельсон, и Гамильтоны.

Эмма с присущим ей азартом занялась перестройкой дома, перепланировкой участка. Нельсону все здесь нравилось. Он любил беседовать с часто навещавшими его капитанами, прогуливаясь по площадке, которая называлась «корма». Другая площадка

именовалась «палубой».

По земельному владению протекал большой ручей — приток реки Уэндл, впадавшей в Темзу. Эмма назвала его Малым Нилом. Сэр Уильям пристрастился к рыбной ловле и подолгу просиживал с удочкой на тихом берегу Малого Нила. Часто бывал он и в Лондоне, целые дни проводя в Британском музее, где находилась значительная часть его художественной коллекции. Сэру Уильяму хотелось тишины, покоя. Как все старики, он любил, уютно устроившись в кресле или на берегу речушки, поразмышлять о смысле жизни. Но Мертон не являлся «спокойным домом».

Двухэтажное здание вмещало более 15 отдельных спален, а также большое число общих комнат, холлов, гостиных. И все эти помещения были заполнены многочисленными гостями — главным образом родственниками Нельсона всех степеней и возрастов. За стол садилось ежедневно не менее 15—20 человек. Соседи Нельсона гордились знакомством со знаменитым адмиралом и почитали за честь посетить его дом, приезжали и друзья из Лондона, среди них герцог Кларенский, лорд Минто и еще кое-кто из знати. Однако двор и свет в целом игнорировали Мертон и с демонстративным осуждением относились к «тройственному союзу» Нельсона с Гамильтонами. Эмма платила горячей ненавистью аристократическим снобам за их высокомерие. Не заботясь о мнении света, она появлялась в общественных местах вместе с Нельсоном. Эмме очень хотелось иметь открытый, большой, радушный дом. Деньги считать она не умела, и Нельсон постоянно испытывал нужду в наличных средствах.

Биографы Нельсона довольно единодушно отмечают, что вице-адмирал был беден, или, точнее, небогат. «Жизнь в Мертоне,— пишет, например, А. Бутаков,— велась широкая в угоду леди Гамильтон и очень отражалась на кармане Нельсона, всегда щедрого и всегда нуждавшегося в деньгах, между тем, как его денежное содержание совсем не соответствовало его заслугам отечеству» (4). Несомненно, однако, что Нельсон располагал достаточными средствами, чтобы жить так, как многие люди его ранга. Допустим на минуту, что доходы адмирала составляли бы, скажем, в два раза большую сумму. Можно ли сомневаться, что и их точно так же проглотили бы Мертон или еще более великолепное имение?

История знает множество случаев, когда величайшие таланты гибли, задыхаясь в нужде, Но бывает и так; говоря о том или ином деятеле, сетуют, что он страдал от бедности, от непомерных долгов, и забывают сообщить, сколько проигрывал в карты онный страдалец...

Бесспорно тем не менее, что двор, правительство и адмиралтейство награждали Нельсона меньше, чем других адмиралов. Причин тут несколько: его строптивость и самостоятельность, зависть к его выдающимся способностям, происки недоброжелателей и т. п.

Говоря об этих причинах, биографы Нельсона склонны преуменьшать значение зависти посредственностей к таланту. Недоброжелательное отношение к нему в высших сферах и в адмиралтействе они объясняют тем, что личная жизнь вице-адмирала стала пятном на его репутации.

Оценивать личную жизнь Нельсона можно и нужно только с учетом фактических, а не ханжески рекламируемых в классовых интересах моральных норм, которых круги, осуждавшие Нельсона, а иногда и подвергавшие его остракизму, сами придерживались. Здесь уместно вспомнить о моральных принципах Гревилля и Гамильтона, о чем говорилось выше. Это было не исключение, а правило.

Свидетельств тому бездна. В июле 1973 г. американский, отнюдь не прогрессивный журнал «Ньюсуик» посвятил этой проблеме специальное историческое исследование (5). Заключалось оно знаменитой аксиомой актрисы Пат Кэмпбелл, относящейся к старому Лондону: «Здесь вы можете делать все, что угодно, до тех пор, пока вы не делаете этого на улице и не пугаете лошадей» (6).

Таковы были нравы английских верхов конца XVIII — начала XIX в. В свете объективно существовавших условий и надлежит рассматривать отношение лондонской знати к Нельсону.

6 апреля 1803 г. «союз трех» пришел к концу. Уильям Гамильтон скончался. Похороны состоялись в Пемброкшире. Нельсон на них не присутствовал: он не любил похорон и старался избегать подобных печальных церемоний. Эмма скорбела о кончине человека, который так много сделал для нее и всегда был добр к ней. Правда, завещание сэра Уильяма свидетельствовало о том, что в последнее время его отношение к жене изменилось: он ничего не оставил ей, назначив своим единственным наследником Чарлза Гревилля. Но Эмму это мало заботило. Все ее помыслы сосредоточивались на другом. Уход из жизни сэра Уильяма делал несколько более реальной ее «голубую мечту» — официально стать супругой своего возлюбленного. Однако на пути к алтарю все еще стояла законная леди Нельсон. После смерти Гамильтона Эмма и Нельсон смогли наконец взять к себе нежно любимую обоими Горацию. Но мертоновская идиллия длилась недолго.

Период неустойчивого мира заканчивался. 8 марта 1803 г. король обратился к парламенту с призывом готовиться к возобновлению военных действий. 16 мая 1803 г. Нельсон получил назначение главнокомандующим средиземноморской эскадрой, а через два дня началась война между Англией и Францией.

Вице-адмирал Нельсон 18 мая 1803 г. поднял свой флаг на корабле «Виктори» я через два дня вышел в Средиземное море.

* * *

К этому времени «Виктори» было уже изрядно изношенным судном, спущенным на воду еще в мае 1765 г. Водоизмещение — около 3500 тонн, т. е. обычное для крупных трехпалубных линейных кораблей тех времен. В 1805 г. на нем стояло 104 пушки пяти различных калибров (7). Корабль был отремонтирован и стал флагманом эскадры Нельсона.

Британский флот возобновил блокаду французских портов. Англичане захватили много торговых судов противника. В свою очередь, французы, заняв Ганновер, энергично готовились к вторжению в Англию.

Переход от мира к войне ознаменовался уходом Аддингтона и возвращением на пост премьер-министра Уильяма Пихта, сторонника энергичной военной борьбы против Франции. В это же время генерал Бонапарт короновал сам себя и стал императором. Его агрессивные планы, отражавшие захватнические устремления крупной французской буржуазии, создавали угрозу многим европейским державам и стимулировали создание третьей коалиции против Франции.

Нелегко налаживался новый союз. Многие разделяло союзников. Высокомерные претензии Англии на право контроля в открытом море за торговыми судами всех государств вызывали возмущение в Петербурге. Англорусские противоречия не ослабели и на Ближнем Востоке, Однако перед угрозой со стороны общего врага взаимные претензии отступили на второй план, и 11 апреля 1805 г. в Петербурге Англия и Россия подписали англо-русский договор о союзе. В коалицию вошли Австрия, Турция и ряд других стран.

В верхах Нельсона не любили, но дальновидные политики ценили его. Популярность же Нельсона среди простых людей была огромной. Вице-адмирал выгодно выделялся на фоне своих бесцветных коллег. В народе считали, что Нельсон смел, удачлив, что он сможет наверняка нанести поражение врагу там, где другие ни за что не сумеют. В условиях грозной военной борьбы, когда способные военные лидеры нужны для выживания нации, люди склонны делать из них кумиров. Впрочем, вице-адмирал и не сомневался в собственной исключительности. Экспансивный, легко возбудимый Нельсон страшно любил поклонение и лесть (этим путем шла к его сердцу Эмма Гамильтон), но в то же время он был совершенно лишен холодной, спесивой надменности, столь свойственной английским аристократам, очень общителен и прост в отношениях с офицерами и матросами, неизменно заботился о здоровье и хорошем питании своих экипажей. Однажды произошел такой случай. Со стоянки его эскадры в Англию готовился уйти фрегат, на котором отправлялась почта. На следующий день ожидалось сражение, и все, кто мог, писали письма. Почту запечатали в

мешки и передали на фрегат, тронувшийся в путь под полными парусами, когда обнаружилось, что молодой моряк, собиравший и отправлявший почту, в спешке забыл опустить в мешок собственное письмо. С растерянным видом он держал его в руке, стоя перед дежурным офицером. Офицер резко отчитал моряка. Случайно Нельсон находился невдалеке и видел всю сцену. «В чем дело?» — спросил он офицера, «Пустяк, не достойный вашего внимания, адмирал», — ответил тот, но Нельсон потребовал объяснений и, узнав о происшествии, отдал приказ поднять сигнал и вернуть фрегат. Письмо гардемарина было отправлено. Случай беспримерный! Он произошел на глазах сотен матросов, и назавтра его обсуждала вся эскадра. Способность вице-адмирала совершать такие поступки делала его очень популярным среди личного состава флота. Тут Нельсон очень походил на Наполеона, но тот разыгрывал такие эпизоды умышленно, с целью произвести впечатление на своих солдат и офицеров; Нельсон же в гораздо большей степени руководствовался искренними порывами души.

Опять, как и несколько лет назад, Нельсон караулил французский флот, базировавшийся в Тулоне. 23 апреля 1804 г. Нельсон получил повышение — стал адмиралом белого флага.

В январе 1804 г. французский адмирал Вильнёв, воспользовавшись штормовой погодой, обманул бдительность англичан и вышел в море. Опять Нельсон терзался сомнениями относительно намерений противника. Повторилось то, что произошло в 1798 г. Нельсон решил, что Вильнёв повел свои корабли на Ближний Восток, и направился к Александрии. О французском флоте там и не слышали. В это время французские суда, сильно потрепанные штормом, вернулись в Тулон.

Снова началась скучная и изнуряющая блокада. Но опять эскадра Вильнёва вышла из Тулона (опять англичане ее проморгали) и, благодаря сильному попутному ветру проскочив 8 апреля 1805 г. Гибралтар, двинулась на запад, через Атлантический океан в Вест-Индию. Там ей предстояло 35 дней ждать прихода другой французской эскадры — из Бреста. Соединившись, они вместе с союзной испанской эскадрой должны были направиться в Ла-Манш и прикрыть переправу через пролив французских сил вторжения в Англию.

Нельсон пытался искать французские корабли в Средиземном море. Затем, получив из Гибралтара сведения о том, что они ушли в океан, предположил, что Вильнёв взял курс на Вест-Индию. Зачем, он, конечно, не знал, считая, что цель — захват вест-индских английских колоний, и прежде всего острова Ямайка. И тогда Нельсон принял решение — идти вслед за французами, нагнать их в Вест-Индии и сорвать их планы.

Узнав о прибытии английской эскадры под командованием Нельсона, Вильнёв, никак не ожидавший ее здесь, испугался, что в распоряжении противника имеется значительно больше кораблей, чем у него, и, не пробыв положенного срока, отправился обратно в Европу. На его счастье, брестская эскадра так и не вышла к нему навстречу. Нельсон послал быстроходный бриг в Англию и предупредил, что французская эскадра возвращается. Это означало, что ее следовало встретить, навязать бой и, уж по крайней мере, не дать ей возможности соединиться с испанским флотом.

«Английское адмиралтейство и Нельсон, — отмечают советские историки, — проявили несостоятельность в оценке обстановки, вследствие чего Вильнёв смог осуществить скрытый прорыв французской эскадры из Тулона в Вест-Индию, заставив эскадру Нельсона бесплодно искать его в Средиземном море» (8).

Сигнал Нельсона был вовремя получен. Английский адмирал Кальдер, располагая 15 кораблями, имел стычку с 20 судами французов и испанцев, что привело, впрочем, к ничтожным результатам. Англичане взяли только два испанских корабля. Французы сумели уйти и укрылись в портах Виго и Ферроль. В Англии прокатилась буря возмущения, ибо усилилась опасность вражеского вторжения на Британские острова (Кальдера отдали под суд). Многие говорили о том, что Нельсон этого не допустил бы. Его авторитет на фоне трусости и нерасторопности Кальдера вырос еще больше.

18 августа 1805 г. Нельсон вернулся в Англию. «Виктори» бросил якоря на

Спитхедском рейде. Адмирал крайне нуждался в отдыхе. 19 августа 1805 г. он спустил флаг и отправился в Мертон. На душе у него было беспокойно. Нельсон понимал, что предстоят решающие сражения и, может быть, очень скоро.

Наполеон полагал, что, высадив войска в Англии, он не только решит исход войны в свою пользу, но и станет хозяином Европы и всего мира. Вторжение, таким образом, превратилось в крупный козырь в политике новоявленного императора.

На побережье Ла-Манша французы сконцентрировали более 120 тыс. отборных солдат. Ими командовали лучшие наполеоновские генералы. Для перевозки их было собрано и построено 2,5 тыс. судов.

В Англии об этих приготовлениях знали не только правительственные сферы, но и весь народ. Тревога и страх овладели страной. Молниеносные и сокрушительные победы генерала Бонапарта в Италии произвели огромное впечатление. И всех волновал один вопрос: что может противопоставить Англия французскому вторжению?

Как моряк Нельсон возлагал самые большие надежды на флот. Такие надежды лелеяли многие в Англии. И неудивительно,— ведь морские традиции в стране имели многовековую историю.

Адмирал Сент-Винсент бодро заявлял: «Я не утверждаю, что враг не сможет прийти сюда. Я только говорю, что он не сможет прийти морем» (9). Эффектные слова, призванные поднять веру в мощь английского флота. С точки зрения логики они, однако, весьма уязвимы: если враг мог появиться на английской земле, то только с моря. В то время авиадесантов еще не знали. По этому поводу английские историки сегодня пишут: «... пока французский флот все еще не был разгромлен в бою, угроза внезапной высадки „Великой Армии" с моря нависала, как отдаленная туча» (10). Задним числом О. Уорнер явно приукрашивает положение Англии. Опасность нависала не как отдаленная туча, она висела над страной, как Дамоклов меч.

Нельсон полагал, что Наполеон готовится неожиданно вторгнуться и захватить Лондон. Для этого ему хватило бы примерно 40 тыс. солдат. Половину из них он мог посадить к западу от Дувра, а остальные — к востоку от города. Доставили бы армию вторжения к английским берегам 200—250 канонерских лодок, которые в благоприятную погоду в состоянии форсировать пролив за 12 часов. Военный же флот Франции, предприняв диверсию против Ирландии, отвлек бы английские военные корабли от пролива.

Многие строили предположения о замыслах Наполеона и возможном ходе вторжения в Англию. Например, один из видных офицеров английского флота, М. Е. Планкетт, смотрел на дело очень мрачно. «Полки наши,— писал он,— будут столько сопротивляться неприятелю, сколько этого можно надеяться от их небольшого числа. Но полки эти, из которых нужно отделить, по крайней мере, 30 000 человек для защиты Ирландии, составили бы тогда армию не более как в двадцать или двадцать пять тысяч человек. К этим 25 000 можно прибавить еще солдат-ветеранов... Что же касается до наших воинственных поселян, то можно ли серьезно назначать им действительную роль в этой быстрой борьбе, которая решит участь Англии или, по крайней мере, участь столицы? Есть случаи, когда вооружение крестьян может остановить движение армии, но в Англии для этого недостает двух необходимых вещей: времени и пространства. Армия, высаженная на берега Сассекса, через два дня будет в Лондоне» (11).

Тревога, владевшая англичанами, передалась газетам. В Англии тогда печать уже была довольно сильна. Газеты упрекали правительство в недостаточности предпринимаемых мер обороны, требовали, самых энергичных усилий в этом направлении.

Адмирал Нельсон мыслил военно-морскими категориями и считал необходимым легкими кораблями флота истребить собранную французами в проливе армаду до того, как она двинется через пролив.

Адмирал полагался на средства, с которыми ему приходилось иметь дело.

Уильям Питт мыслил значительно шире, чем Нельсон. Как истинный англичанин, премьер-министр любил и ценил флот, может быть, и преувеличивал его роль в войне, но понимал, что с помощью одного флота нельзя, не только выиграть войну, но даже снять

угрозу французского вторжения в Англию. Необходимо наступление сухопутных армий на Францию с востока и северо-востока. Именно поэтому Питт, не покладая рук и не жалея золота, трудился над созданием третьей коалиции против наполеоновской Франции. И в наиболее опасный для Англии момент, в августе 1805 г., русские войска под командованием М. И. Кутузова вступили в Западную Европу.

Навстречу Кутузову Наполеон двинул булонскую экспедиционную армию. Английские политики, допустившие столько ошибок в своих планах борьбы против Бонапарта, не имели серьезной уверенности в том, что русским удастся избежать поражения. А успех французов означал бы, что угроза появления их на Британских островах только отсрочена. Лишь значительно позднее выяснилось, что самоотверженные действия русских армий избавили Англию от вторжения наполеоновских войск. «План Наполеона высадить стратегический десант на Британские острова был тщательно разработан, однако в нем имелся грубый политический просчет, выразившийся в неправильной оценке позиции России. Наступление русских войск под командованием М. И. Кутузова в Европе привело к тому, что план Наполеона форсировать Ла-Манш провалился» (12).

Нельсон надеялся отдохнуть в Англии месяц-полтора. Случилось, однако, так, что ему удалось пробыть дома всего 25 дней. И эти дни не были днями отдыха и покоя. Адмирал часто ездил из Мертон в Лондон. Там страшно тревожились по поводу того, что французы и испанцы могут собрать свои флоты в один мощный кулак, и желали знать мнение Нельсона о степени опасности и мерах для ее предотвращения. С ним много раз беседовал Уильям Питт, встречались министры, принц Уэльский — наследник престола и, конечно, Бархэм — новый глава адмиралтейства.

Тревога в Лондоне имела под собой весьма реальные основания. «Пока Нельсон находился в отпуске в Мер-тоне, — пишет К. Ллойд, — планы вторжения, которые строил Наполеон, вполне созрели. Жантийома в Бресте и Вильнёва в Ферроле бомбардировали приказами, требовавшими выйти в море. Не теряйте ни минуты и входите в Ла-Манш вместе с моими объединенными флотами. Англия наша. Мы полностью готовы. Люди и снаряжение погружены на суда. Придите всего на 24 часа, и все будет кончено» (13).

Бархэму было уже 80 лет, но он не утратил способности разбираться в обстановке. Нельсона он близко не знал, однако быстро усвоил суть его соображений и проникся доверием к ним. В руководящих кругах создалось единодушное мнение, что в предстоящем решающем сражении между английским и объединенным франко-испанским флотами командование должно быть поручено Нельсону. Срочно, неотложно требовалась решительная победа на море, и только Нельсон мог привести английский флот к ней. Кальдеры в такой ситуации совершенно не годились.

В конце августа Питт сказал Нельсону, что его услуги, вероятно, понадобятся очень скоро. При очередной их встрече были обсуждены все возможные варианты будущей битвы с вражескими флотами. Питт поставил прямой вопрос: «Кто должен командовать предстоящей операцией?». Нельсон ответил: «Вы не найдете лучшего человека, чем нынешний командующий — Коллингвуд». Адмирал Коллингвуд, как мы помним, друг Нельсона, в тот момент руководил средиземноморской эскадрой. Можно ли считать рекомендацию искренней? Едва ли. Уж слишком любил Нельсон морские баталии, чтобы упустить случай взять на себя командование английским флотом в таком большом и важном сражении. Питт без колебаний отверг предложение Нельсона, заявив: «Нет. Это не подойдет. Вы должны взять на себя командование». Нельсон заявил, что готов отплыть немедленно (14).

В предстоящем сражении англичане надеялись не просто добыть победу, а решительно сокрушить военно-морскую мощь врага (во всяком случае, такая ставилась задача). Нельсон не мог не понимать, что сражение потребует больших жертв. В те дни адмиралы и капитаны в разгар боя находились на верхней палубе и подвергались той же опасности, что и рядовые матросы. Нельсон в битвах лишился глаза, затем руки, и никто не мог дать гарантий относительно того, что на сей раз шальное ядро не отнимет у него саму жизнь.

Когда все формальности с назначением вице-адмирала были исполнены, он написал своему верному другу, банкиру Дэвисону: «Я могу очень много потерять и очень мало приобрести» (15). И в самом деле он прославился на всю Европу, занимал достаточно высокий пост, любил и был любим. И все это он мог потерять в один миг!

Но, несмотря ни на что, Нельсона радовало его назначение. В том же письме к Дэвисону он поясняет: «Я иду потому, что это правильно и необходимо, и я сослужу верную службу моей стране» (16). Для Нельсона сознание долга — тот внутренний голос, который диктовал ему образ действий.

Отъезд Нельсона из Англии ускорился из-за того, что адмирал Вильнёв сумел ускользнуть со своими кораблями из Виго и Ферроля и скрыться в открытом море. Куда он направился, в Лондоне не могли установить почти две недели. «Страна,— пишет А. Т. Мэхэн,— переживала в течение двух недель слишком большой страх, чтобы пойти на риск и снова ощутить его» (17).

2 сентября один из друзей Нельсона, капитан Блэквуд, неожиданно появился в Мертоне в 5 часов утра. Адмирал уже встал, был одет и даже позавтракал. Увидев Блэквуда, он понял: произошло что-то из ряда вон выходящее. Тот ехал со срочным донесением в адмиралтейство от Коллингвуда, но предварительно решил сообщить новость — архиважную — Нельсону: Вильнёв наконец нашелся. Он со своей эскадрой в Кадисе, соединился с основными силами союзного испанского флота. Для какой цели там собралось столько линейных кораблей врага, неизвестно.

13 сентября 1805 г. Нельсон покинул Мертон. Утром на следующий день он прибыл в Портсмут, где его ожидал «Виктори». За полчаса до полудня личный флаг адмирала взвился над кораблем, и в 14 часов Нельсон вступил на его палубу. В тот момент, как и вообще в последние дни пребывания на английской земле, он находился в радостно-приподнятом настроении — в отличие от своих соотечественников, обуруваемых мрачными предчувствиями и страхом.

Нельсон получил приказ или накрепко заблокировать флот противника в Кадисе, или разбить его в решительном сражении. Он предупредил Питта: имейте в виду, «только достаточное число кораблей есть залог того, что неприятельский флот будет уничтожен» (18). Питт и Бархэм обещали сделать все возможное. Нельсон надеялся, что численность его эскадры будет доведена до 40 линейных кораблей, но нужного количества кораблей он так и не получил. И, как это неоднократно бывало раньше, ему прежде всего не хватало небольших крейсерских судов. Нельсон рассчитал, что встреча с противником должна скоро произойти, поскольку из-за концентрации огромного количества судов в Кадисе (с многочисленными экипажами) там быстро истощатся запасы продовольствия.

Пока же адмирал всячески старался выманить противника из порта. Он убрал подальше эскадру Коллингвуда, крейсировавшую вблизи Кадиса с целью обеспечить прочную блокаду франко-испанского флота. Теперь с вражеских кораблей ее нельзя было увидеть, лишь цепочка мелких судов англичан оставалась для наблюдения. В предстоящем сражении следовало «встретить врага в море» и здесь его уничтожить (19).

Нельсон прекрасно знал, что французские и испанские корабли превосходят во многих отношениях английские. Но боевая выучка команд — от рядовых до офицеров и капитанов — в английском флоте была значительно выше, чем у французов и тем более у испанцев, которые подолгу простаивали в портах под блокадой, что лишало их возможности приобрести необходимый опыт и закалку.

Французский инженер Форре в 1802 г. писал о причине превосходства англичан: «У них на кораблях все хорошо организовано... и артиллерия их хорошо действует... У нас же совершенно противное» (20). Английские канониры стреляли более метко и быстро. Они делали по выстрелу в минуту, тогда как лучшим французским канонирам требовалось три минуты на один выстрел.

Французские адмиралы все это понимали. Особенно скептически оценивали они состояние союзного испанского флота. Адмирал Декре говорил Наполеону: «Я верю в действительную силу кораблей вашего величества и в той же степени уверен в тех

кораблях Гравины, которые были уже в море. Но что касается прочих испанских кораблей, которые в первый раз выйдут из порта, дурно вооруженные, под командой неопытных капитанов, то, признаюсь, я не знаю, что можно осмелиться предпринять на другой день вступления под паруса с этою многочисленною частью союзного флота» (21).

Первый вариант плана сражения Нельсон составил еще тогда, тогда английская эскадра гонялась за французами. Окончательный вариант плана он сформулировал на борту «Виктори» 9 октября, вблизи Кадиса. Нельсон решил разделить свою эскадру на два отряда, во главе большого отряда кораблей поставить второго флагмана — Коллингвуда. Ему надлежало врезаться во вражескую линию, разорвав ее на части. Затем в дело вступал отряд Нельсона, которому предстояло победоносно завершить сражение. В боевом приказе учитывался и такой немаловажный фактор, как ветер. Нельсон понимал, что многое зависит от случая, непредвиденных обстоятельств. Поэтому Коллингвуду и капитанам кораблей предоставлялась возможность проявить инициативу. «Второй командующий будет направлять движение своей линии судов, держа ее в максимально компактном порядке, насколько позволят условия. Капитаны должны следить за тем, чтобы занимать свое определенное место в линии. Но в случае, если сигналы (командующего.— В. Т.) будут неразличимы и непонятны, капитаны не совершат большой ошибки, поставив свой корабль против корабля противника» (22).

Обеим линиям английской эскадры предстояло подойти на расстояние орудийного выстрела к центру вражеской линии с тем, чтобы как можно быстрее атаковать ее и разрезать у 12-го корабля, считая от арьергарда.

Свой отряд Нельсон планировал направить на вражеский центр. Приказ требовал приложить все усилия, чтобы захватить главнокомандующего франко-испанской эскадрой адмирала Вильнёва и второго командующего, испанского адмирала Ф. Гравину.

Нельсон предполагал применить ту же тактику, которой он придерживался при Абу-Кире и у Копенгагена. Разница заключалась лишь в том, что там корабли противника были неподвижны, а у Кадиса сражение могло произойти с маневрирующей вражеской эскадрой.

Сотни книг и тысячи статей восхваляют Нельсона за произведенную им революцию в тактике военно-морского боя. Как и многие другие утверждения, касающиеся Нельсона, оно требует к себе спокойного, трезвого подхода. Если в чем-то и есть заслуга Нельсона, то лишь в том, что он, по выражению английского автора У. Х. Фитчера, «приложил здравый смысл к ремеслу войны» (23).

За многие десятилетия до описываемых событий английский флот принял далеко не рациональную тактику, ставшую затем непреложным законом: ставить свои суда во время боя параллельно линии судов неприятеля. Получалась дуэль двух кораблей, общее сражение распадалось на изолированные схватки отдельных судов.

Первым сломал нелепую к этому времени общепринятую военно-морскую традицию, как это уже отмечалось выше, русский адмирал Ф. Ф. Ушаков. В Англии и до Нельсона некоторые адмиралы понимали абсурдность линейной тактики. В 1756 г., например, адмирал Бинг попробовал изменить ее, но в сражении его постигла неудача и он был казнен за своеволие. Нельсон же полностью отринул эту тактику и, поскольку ему сопутствовал успех, достиг громкой славы.

Готовясь к сражению с Вильнёвом, Нельсон больше всего боялся, что союзный флот не выйдет из Кадиса или, даже если нужда и заставит его покинуть порт, уклонится от сражения с английской эскадрой. Опасался он напрасно: Вильнёв уже не мог не принять боя, так как Наполеон, возмущенный нерешительностью своих адмиралов, требовал от них эффективных действий.

Однако военно-морское дело Наполеон знал плохо и не понимал, из чего складывается победа в морском сражении. Двинув булонскую армию на восток, против Кутузова, император решил, что и французскому флоту следует не торчать вблизи пролива между Францией и Англией, а проводить операции у берегов Испании, у Гибралтарского пролива и в Средиземном море. Вильнёв получил приказ взять на

полгода продовольствия, направиться из Кадиса через Гибралтар в Средиземное море, в Картахену, и соединиться там с восемью линейными кораблями. Одновременно с новой оперативной директивой Вильнёв получил от адмирала Декре из Парижа следующее письмо: «Главное намерение императора состоит в том, чтобы отыскать в рядах, в каких бы то ни было званиях офицеров, наиболее способных к высшему начальствованию. Но чего ищет он прежде всего, так это благородной любви к славе, соревнования за почести, решительного характера и безграничного мужества. Его величество хочет уничтожить эту боязливую осторожность, эту оборонительную систему, которые мертвят нашу смелость и удваивают предприимчивость неприятеля. Эту смелость император желает видеть во всех своих адмиралах, капитанах, офицерах и матросах, и, каковы бы ни были ее последствия, он обещает свое внимание и милости всем тем, кто доведет ее до высшей степени» (24).

Прошло всего несколько дней, и Наполеон отдал Вильнёву новый приказ, предписывавший после прибытия в Картахену проследовать к Неаполю. «Я желаю,— требовал император,— чтобы везде, где встретите неприятеля, слабейшего в силах, Вы бы немедленно нападали на него и имели с ним решительное дело... Вы должны помнить, что успех предприятия зависит более всего от поспешности Вашего выхода из Кадиса. Мы надеемся, что Вы сделаете все, что от Вас зависит, чтобы поскорее это исполнить, и рекомендуем Вам в этой важной экспедиции смелость и наивозможно большую деятельность» (25).

Наполеон не просто приказывал, он сурово осуждал Вильнёва. «У англичан,— говорил император,— очень поубавится спеси, когда во Франции найдутся два или три адмирала, которые желают умереть» (26).

Не надеясь, что Вильнёв по приказу обретет отвагу и мужество, Наполеон срочно направил ему замену в лице вице-адмирала Розали. Из Парижа в Мадрид, а оттуда в Кадис путь был в те времена долгим. К тому же карета Розали сломалась в дороге. Вильнёв узнал о приезде своего преемника в Испанию, когда тот еще не успел добраться до Кадиса. Мог ли в таких условиях французский главнокомандующий не выйти в море? Обстоятельства работали на Нельсона, хотя он об этом так никогда и не узнал.

У союзников в Кадисе насчитывалось 33 линейных корабля — 18 французских и 15 испанских. В их распоряжении имелось 3 французских фрегата и 2 брига. Нельсон располагал 27 кораблями. По количеству орудий англичане также уступали союзникам.

Вывод франко-испанских кораблей из порта затянулся почти на два дня. Англичане тщательно следили за выдвижением противника и старались, во-первых, занять более выгодную позицию относительно направления ветра и, во-вторых, стать так, чтобы Вильнёв не смог укрыть после сражения свой флот в Кадисе. В результате сложного маневрирования боевая встреча двух эскадр произошла у мыса Трафальгар, что южнее Кадиса и несколько севернее Гибралтара.

* * *

21 октября 1805 г. ветер дул слабый и неустойчивый, шла зыбь — предвестник скорого шторма, что препятствовало выстраиванию судов в боевые линии. Поэтому французские корабли образовали нечто вроде полумесяца. Английский адмирал спешил, и благоприятный для него ветер — как много от него зависело в те годы в военноморских баталиях! — обеспечивал движение судов со скоростью примерно 5 миль в час. 100-пушечный корабль «Ройал Соверен» возглавлял линию Коллингвуда. «Виктори» под флагом Нельсона, шедший во главе второй колонны, двигался медленнее.

Уже в самом начале принятый ранее план, согласно которому Коллингвуду следовало атаковать первым, изменился. Англичане теперь шли на врага одновременно двумя колоннами перпендикулярно к линии объединенной союзной эскадры, держа курс на ее центр, где, по их предположениям, находился корабль Вильнёва.

* * *

21 октября, в день сражения, Нельсон по привычке вышел на палубу «Виктори» очень рано, как всегда, в адмиральском мундире со всеми орденами, но без шпаги.

Вскоре он вызвал капитана Блэквуда, командовавшего фрегатами. Нельсон

распорядился, чтобы фрегаты во время боя занялись добиванием сильно поврежденных вражеских кораблей и сохранением тех судов-призов, которые будут захвачены. Блэквуд посоветовал адмиралу в целях безопасности перейти на фрегат, судно более быстроходное и маневренное. Нельсон не согласился. Капитаны советовали ему переодеться, ведь блестящий мундир и сверкающие звезды обязательно привлекут внимание врага. А если корабли «свалятся», то расстояние, отделяющее французских стрелков от палубы «Виктори», станет совсем небольшим. Но Нельсон не обратил внимания и на это замечание.

На корабле шли последние приготовления к бою. В помещениях офицеров и адмирала снимались переборки, убиралось все, что там находилось, к бортам комендоры подкатывали орудия и подносили заряды. Матросы посыпали палубы песком, чтобы после того, как они будут залиты кровью, ноги не скользили (27).

Нельсон спустился в свою уже преобразившуюся каюту и оформил завещание. Капитаны Харди и Блэквуд на спине нагнувшегося комендора скрепили документ подписями, с тем чтобы он имел юридическую силу. Текст гласил:

«Дополнительное распоряжение к духовному завещанию Нельсона.»

Октября, двадцать первого числа, одна тысяча восемьсот пятого года в виду соединенных флотов Франции и Испании, находящихся на расстоянии примерно десяти миль.

Пишу, принимая во внимание, что выдающиеся услуги Эммы Гамильтон, вдовы почтенного Уильяма Гамильтона, сослужили огромнейшего значения службу нашему королю и стране, как мне об этом известно, причем она не получила никакого вознаграждения ни от короля, ни от государства. Во-первых, она добыла в 1796 г. письмо короля Испании его брату неаполитанскому королю, в котором он уведомлял брата о своем намерении объявить войну Англии. На основании этого письма наше правительство отдало приказы сэру Джону Джервису (тогда он так именовался) нанести, если будет возможность, удары по арсеналам Испании или по ее флотам. В том, что ни один из этих ударов не был нанесен, неповинна леди Гамильтон. Такая возможность могла представиться. Во-вторых, английский флот, находившийся под моим командованием, никогда не смог бы второй раз возвратиться в Египет, если бы леди Гамильтон не повлияла на королеву неаполитанскую и не побудила ее написать письма губернатору Сиракуз с просьбой о содействии флоту в получении всего необходимого снабжения, если корабли зайдут в любой порт Сицилии. Мы пришли в Сиракузы и, получив все нужные запасы, направились в Египет и уничтожили французский флот. Если бы я сам мог вознаградить за эти услуги, я бы сейчас не обращался с призывом к моей стране. Но поскольку это было не в моих силах, я вверяю Эмму леди Гамильтон заботам моего короля и страны с тем, чтобы они обеспечили ее так, чтобы она могла жить в соответствии с ее рангом. Я также завещаю милосердию моей страны мою приемную дочь Горацию Нельсон Томпсон и желаю, чтобы она именовалась в будущем только Нельсон. Только об этих одолжениях я прошу моего короля и мою страну в момент, когда я иду в битву за них. Да благословит господь моего короля и страну и всех тех, кто мне дорог. Нет нужды упоминать моих родственников; они, конечно, будут должным образом обеспечены.

Нельсон и Бронте

Свидетели: Генри Блэквуд, Т. М. Харди» (28).

Сколь поразительны наивность и простосердечие, казалось бы, умудренного в походах и сражениях человека! Нельсон, безусловно, верил: его предсмертная просьба к королю и правительству позаботиться об Эмме — вполне достаточное основание для того, чтобы они щедро ее обеспечили. Он не мог не знать, что в высшем обществе ее ненавидят, осуждают и презирают. И тем не менее за несколько минут до сражения он поручил два самых дорогих для него существа заботе короля! Говорили, что, когда через

несколько недель Эмме стало известно содержание этого завещания, она воскликнула: «Каким же ребенком был мой Нельсон!». Король и правительство так никогда и не исполнили последнюю волю национального героя Англии. Остаток своей жизни Эмма Гамильтон провела в тяжелой нужде и лишениях.

Примерно в 11 часов Нельсон обошел батареи, поблагодарил офицеров и комендоров за хорошую подготовку к бою. Затем дал Коллингвуду сигнал, уточняющий, в каком месте предстоит разрезать строй противника.

Вдохновение... Оно приходило к Нельсону перед решающими сражениями. Вот и теперь, в последние минуты перед боем, он приказал поднять для всей английской эскадры сигнал: «Нельсон верит, что каждый исполнит свой долг». Сигнальщик сказал, что в коде нет некоторых слов. Тогда Нельсон дал текст, ставший в тех пор боевым девизом его соотечественников: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг» (29). Сигнал вызвал взрыв энтузиазма.

Первым вламывается в строй противника корабль «Ройал Соверин», возглавляющий линию Коллингвуда. Его встречает ураганный орудийный огонь. «Виктори» держит курс на огромный 130-пушечный испанский корабль «Сантиссима Тринидад» и на французский «Буцентавр», где находится Вильнёв. Но ветер ослабевает, и «Виктори» движется совсем медленно, а французы, видя флаг Нельсона, бьют по кораблю с особым усердием. Английские корабли прорезают поодиночке строй франко-испанской эскадры, и бортовые залпы противника по ним оказываются неэффективными — не то, что продольные залпы английских орудий.

Прорезать линию противника, не «свалившись» с одним из его судов, «Виктори» не может и «сваливается» с «Редутаблем». Французские артиллеристы и стрелки в течение нескольких минут выводят из строя почти всех находящихся на верхней палубе «Виктори». Адмирал Нельсон и капитан «Виктори», могучий, широкоплечий Харди, остаются на палубе среди груды убитых и раненых. Собственно, руководить боем уже нечего. Каждый делает свое дело, зная заранее замысел адмирала. Капитан слышит слова Нельсона: «Дело слишком горячее, Харди, чтобы ему долго продолжаться» (30).

Английские корабли бьют двойными зарядами в упор по амбразурам вражеских судов. Там потерь и разрушений больше, чем у англичан. После первого же залпа «Виктори» на «Буцентавре» уничтожено 20 орудий и убито 400 человек.

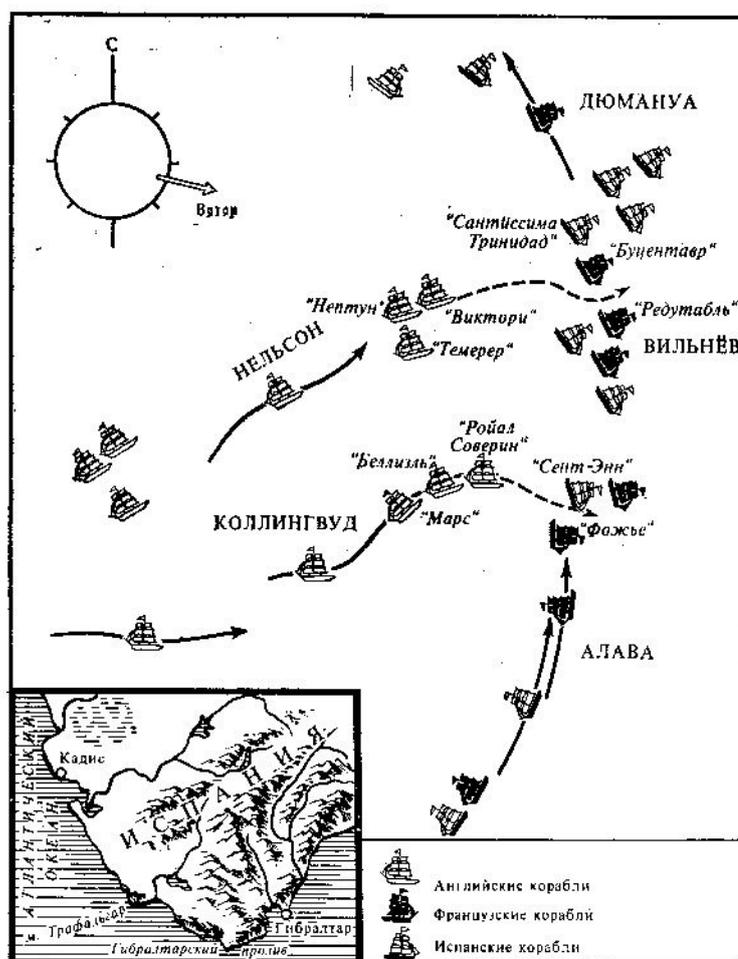
Но французы ведут бой с прежним азартом. Мачты «Редутабля» усеяны стрелками. И вдруг Харди с ужасом видит: только что стоявший рядом с ним Нельсон падает на левый бок. Наклонившись над раненым адмиралом, сквозь оглушительный шум боя он слышит: «Наконец они меня доканалы» (31).

Пуля, пущенная французским унтер-офицером, сидевшим на мачте «Редутабля», попала в эпюлет, прошла через левое плечо, легкое, позвоночник и застряла в мускулах спины. Адмирала снесли вниз, где уже лежало много раненых.

Нельсон понимал, что это конец; врач стремился лишь облегчить его предсмертные муки. Но, несмотря на страдания, Нельсон продолжал тревожиться об исходе сражения. То и дело он требовал к себе капитана Харди.

А бой продолжался. Лишь через час после ранения адмирала французы дрогнули. В 14 часов с минутами французский главнокомандующий спустил свой флаг. «Буцентавр» сдался, и Вильнёв попал в плен.

В 16 часов Харди поздравил адмирала с победой. «Взяты 15 кораблей», — сообщил он (как потом оказалось, было уничтожено или захвачено 18 судов противника). «Это хорошо, — ответил Нельсон, — но я рассчитывал на 20». И тут же приказал Харди бросить якоря. Адмирал предвидел, что скоро начнется шторм и если поврежденные Сражение при мысе Трафальгар корабли не станут на якорь, то затонут или будут выброшены на прибрежные скалы.

Сражение при мысе Трафальгар

Харди, который послал к Коллингвуду шлюпку с сообщением о ранении Нельсона, заметил: «Я думаю, милорд, что теперь адмирал Коллингвуд возьмет на себя ведение дел». «Надеюсь, не сейчас, пока я еще жив», — ответил Нельсон. Так до последней минуты он не пожелал сдать командование эскадрой. В вахтенном журнале «Виктори» есть запись: «Редкий огонь продолжался до четырех с половиной часов, когда, после доклада лорду виконту Нельсону о победе, он скончался от своей раны» (32).

Перед смертью адмирал все время вспоминал об Эмме и Горации, просил передать им его вещи и локон. Он хотел избежать традиционных похорон, когда могилой моряка становится море, и пожелал, чтобы его тело доставили на родину. Харди обещал.

Нельсон умер, зная, что в последнем бою одержал победу. Он самоотверженно исполнил свой долг. Сражение прекратилось в 17 часов 30 минут. Потери союзников убитыми, ранеными и пленными составили более 6 тыс. человек. Англичане потеряли в два раза меньше — 3 тыс. человек (33). Лишь 11 вражеских кораблей ушли в Кадис, а 4 спасшихся в открытом море вскоре попали в плен.

Трафальгарское сражение — самое крупное по результатам и значению из всех батальи, происходивших на море за 22 года коалиционных войн против Франции. «Сражение при Трафальгаре 21 октября 1805 г., — замечает русский военный исследователь Ф. Е. Огородников, — было последним, в котором французский флот отважился померяться силами с британским» (34).

Харди исполнил последнюю волю своего начальника и друга. Тело Нельсона было помещено в бочку с коньяком и доставлено в Лондон. Случилось это не сразу. «Виктори» настолько пострадал в бою, что его пришлось наскоро отремонтировать в Гибралтаре, чтобы он смог дойти до Англии. Лишь 5 декабря корабль прибыл в Портсмут. Похороны адмирала Нельсона состоялись 9 января 1806 г. Но его мечта покоиться в Вестминстер-

ском аббатстве не сбылась, он погребен в соборе св. Павла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После событий, о которых шла речь, минуло 175 лет. Тот, кто впервые попадает в Лондон, обычно сразу же отправляется на Трафальгарскую площадь, ибо это одна из его главных достопримечательностей — место проведения митингов и демонстраций трудящихся. В окружении фонтанов и бронзовых львов возвышается огромная колонна. Ее венчает фигура Нельсона со шпагой в руке, как бы прислонившегося к бухте толстого корабельного каната. Снизу фигура адмирала кажется маленькой, в действительности же она в три человеческих роста. На нее ушло 16 тонн меди из расплавленных французских пушек, взятых в качестве трофея при Трафальгаре. Колонна высока, и с ее вершины медному адмиралу видно море... Долго строились колонна и Трафальгарская площадь — мемориал морского сражения и адмирала.

Первые и весьма внушительные памятники Нельсону появились в разных городах Англии в конце 1905 г. — иногда они сооружались за несколько дней. Это было стихийное выражение народных симпатий к памяти адмирала. Странно, но в Лондоне, где находились адмиралтейство, правительство и королевский двор, с увековечением памяти Нельсона не торопились. Шли годы, десятилетия, а работа, по свидетельству К. Оман, «продвигалась медленно или приостанавливалась совсем». Удивительно, но на завершение нельсоновского мемориала не хватало средств. Ускорило дело неожиданное обстоятельство. «Русский царь, намеревавшийся улучшить отношения с Англией путем личного визита, сделал денежную дотацию», — сообщает К. Оман (1), и все работы удалось закончить к 1867 г. Скульптурное и архитектурное решение площади, однако, не понравилось большинству англичан. По мере того как уходили из жизни люди, испытывавшие сильную, хотя и тщательно скрываемую неприязнь к Нельсону, формировался и стабилизировался культ выдающегося адмирала. В наиболее крайней и находящейся в противоречии с правдой истории форме он выглядит так: «Адмирал Нельсон заслонил собой Британию от «Великой Армии» Наполеона, сосредоточенной в Булони» (2). Эти слова принадлежат Уинстону Черчиллю, премьер-министру Англии периода второй мировой войны, и сказаны они осенью 1940 г., когда стране угрожало вторжение немецко-фашистских армий.

Здесь не просто характерное для буржуазной политики и историографии преувеличение роли личности в истории. Тут искажение важных исторических событий периода наполеоновских войн. Истина заключается в том, что за два месяца до Трафальгарского морского сражения Россия, входившая вместе с Англией, Австрией и Неаполитанским королевством в третью антифранцузскую коалицию, развернула на суше настолько активные и опасные для Франции действия, что Наполеон счел за лучшее вывести предназначенные для вторжения в Англию войска из Булонского лагеря и направить их на восток. Так усилиями русских войск была снята угроза французского вторжения на Британские острова. Несостоятельны и утверждения англо-американских источников о том, будто именно английский флот сыграл главную роль в обеспечении победы над наполеоновской Францией. Операции английского флота носили вспомогательный характер, судьба войны решалась на суше.

Английская историография, возвеличивая Нельсона, считает его искусным тактиком. С этим согласна и советская историография военно-морского дела.

Действительно, под руководством Нельсона английский парусный флот одержал самую внушительную победу за всю свою историю. Однако нельзя забывать и о другом. Во-первых, Нельсон далеко не всегда одерживал победы. У него бывали и поражения, причем весьма серьезные. Вспомним хотя бы атаку острова Тенерифе, неудачные попытки захвата Мальты, авантюру с нападением неаполитанской армии на французские войска в Италии и, наконец, сомнительную победу в битве на Копенгагенском рейде. Во-вторых, новая тактика морских сражений, приписываемая Нельсону, еще до него применялась выдающимся русским адмиралом Ф. Ф. Ушаковым в русско-турецкой войне

1787—1791 гг. и французским адмиралом П. А. Суффреном в Ост-Индии.

Достижения Нельсона в области военно-морского искусства не использовались впоследствии. После Трафальгара уже не было крупных морских сражений. В 1810 г. английский парусный флот достиг своих пределов. Он насчитывал 625 действующих судов, причем более 100 линейных. Количество моряков и морских пехотинцев в нем достигло 142 тыс. (3) После окончания войны против Франции в английском флоте начался застой. Это был результат заносчивости, усилившейся после Трафальгара в английском военно-морском офицерском корпусе, и отсутствия в течение десятилетий опасного противника на море (4).

Одновременно создавались условия для распространения достижений промышленной революции на флоте. Появились суда с паровым двигателем и металлическим корпусом, были изобретены мины и торпеды. Это означало конец парусного флота. Парусников сохранилось немного — лишь для учебных целей. То новое, что внес Нельсон в морскую войну, стало достоянием истории, как и парусный флот, не получив должного утверждения и развития.

Победы английского флота под руководством Нельсона имели гораздо большее международное значение. В сражениях при Абу-Кире и Трафальгаре французский флот получил такие удары, от которых он уже не мог оправиться. Длительная англо-французская борьба за господство на морях закончилась решительной победой Англии. «В нельсоновский период было установлено английское господство на морях на целое столетие», — справедливо замечает Х. Ллойд (5).

Господство на морях дало возможность Англии в полной мере использовать преимущества, полученные от промышленного переворота для того, чтобы в конце концов стать первой колониальной и торговой державой мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I. Становление моряка и личности

1 Oman C. Nelson. London, 1974, p. 10.

2 Mahan A. T. The Life of Nelson: The Embodiment of the Sea-Power of Great Britain. Boston, 1897, vol. 1, p. 6.

3 Tracy N. The Falkland Island Crisis of 1770: Use of Naval Force.— English Historical Review, 1975, Jan., p. 40.

4 Ibid.

5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 631—632.

6 Oman C. Op. cit., p. 1.

7 Ibid., p. 7.

8 Ibid., p. 8.

9 Mahan A. T. Op. cit., vol. I, p. 8.

10 Ibid.

11 Lloyd C. Nelson and Sea-Power. London, 1973, p. 12—13.

12 Гравьер Ж. Морские войны времен Французской республики и Империи. СПб., 1851, т. 1, с. 8.

13 Oman C. Op. cit., p. 12.

14 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 606.

15 Там же, с. 611. 18 Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 27, с. 15.

17 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 580.

18 Там же, с. 584.

19 Там же, с. 583.

20 Там же, с. 584—585.

21 Там же, с. 608.

22 Врентано Л. История хозяйственного развития Англии. М., 1930, т. 3, с. 106.

23 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 583—584.

- 24 Times, 1974, Sept. 3.
 25 Rude G. Paris and London in the Eighteenth Century. New York, 1973, p. 275.
 26 Times, 1974. Sept. 3.
 27 Churchill W. S. The Second World War. Boston, 1948, vol. 1, p. 207-208.
 28 История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 326.
 29 Political and Strategic Interests of the United Kingdom: An Outline. London, 1939,
 p. 19, 21.
 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 219.
 31 Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955, с. 316.
 32 Plimmer S. and D. Slavery: The Anglo-American Involvement. New York, 1973, p.
 7.
 33 Ibid., p. 15.
 34 Ibid., p. 8.
 35 Ibid., p. 19.
 36 См.: Татаринова К. Н. Очерки по истории Англии, 1640— 1815 гг. М., 1958, с.
 357.
 37 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 228.
 38 Там же, с. 229.
 39 Lloyd C. Nelson and Sea-Power, p. 11.
 40 Mahan A. T. Op. cit., vol. I, p. 12.
 41 Ibid.
 42 См.: Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson. London, 1845,
 vol. I, p. 4.
 43 Oman C. Op. cit, p. 21.
 44 Людвиг Э. Гёте. М., 1965, с. 183.
 45 См.: Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 9.
 46 Dispatches and Letters of... Nelson, vol. 1, p. 22.
 47 См.: Lloyd C. Nelson and Sea-Power, Appendix 1.
 48 См.: Hart R. Nelson's Navy. London, 1973, p. 56—57.
 49 Hart R. Op. cit., p. 34—35.
 50 Ibid., p. 36.
 51 Ibid., p. 38.
 52 Ibid., p. 36.
 53 Ibid, p. 47.
 54 Ibid, p. 76.
 55 Ibid, p. 80—81.
 56 Ibid, p. 82.
 57 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 9.
 58 Oman C. Op. cit, p. 26.
 59 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 5.
 60 Ibid.
 61 Ibid, vol. 4, p. 268.
 62 Oman C. Op. cit, p. 29.
 63 Hart R. Op. cit, p. 66—67.
 64 Oman C. Op. cit, p. 31.
 65 См.: Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 14.
 66 Oman C. Op. cit, p. 35.
 67 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 35.
 68 Ibid, p. 70.
 69 Ленин В. Л. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.
 70 См.: Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p.
 71 Oman C. Op. cit, p. 61.
 72 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 102.
 73 Oman C. Op. cit, p. 68.

- 74 Ibid, p. 70.
 75 см.: Mahan A. T. Op. cit, vol. 1, p. 56.
 76 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 116.
 77 Mahan A. T. Op. cit, vol. 1, p. 57.
 78 Ibid, p. 62.
 79 см.: Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 113.
 80 см.: Oman C. Op. cit, p. 73.
 81 Lloyd C. Nelson and Sea-Power, p. 24.
 82 Oman C. Op. cit, p. 76.
 83 Ibid.
 84 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 144.
 85 см.: Oman C. Op. cit, p. 77.
 86 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 150.
 87 см.: Clarke / . а., McArthur J. The Life and Service of Horatio Viscount Nelson, from his Lordship's Manuscripts. London, 1809, vol. 1, p. 136.
 88 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 167.
 89 Lloyd C. Nelson and Sea-Power, p. 24.
 90 Oman C. Op. cit, p. 78.
 91 Mahan A. T. Op. cit, vol. 1, p. 85.
 92 Ibid, p. 86.
 93 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 273—274.
 94 Ibid, p. 258.
 95 Ibid, p. 252.
 96 Oman C. Op. cit, p. 120.
 97 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 1, p. 2.
 98 Mahan A. T. Op. cit, vol. 1, p. 89.
 99 Ibid, p. 73.
 100 Иностранная литература, № 1, 1974, с. 116.
 101 Mahan A. T. Op. cit., vol. 1, p. 92.
 102 Ibid, p. 77.
 103 Oman C. Op. cit, p. 110.

Глава II. Сан-Висенти, Абу-Кир, Неаполь. Гамильтоны

- 1 Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794): Сборник документов и материалов. М., 1929, с. 333.
 2 Там же, с. 340.
 3 Там же, с. 332.
 4 Там же, с. 339.
 5 Emsley C. Political Disaffection and the British Army in 1792.— Bulletin of the Institute of Historical Research, 1975, Nov., p. 244.
 6 См.: Mahan A. T, Op, cit, vol. 1, p. 270.
 7 Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М., 1940, т. 1, с. 170—171.
 8 Marcus G. I. A Naval History of England. London, 1971, vol. 2, p. 82.
 9 Emsley C. Op. cit, p. 230.
 10 Ibid.
 11 Ibid, p. 234.
 12 Ibid, p. 245.
 13 Marcus G. I. Op. cit, p. 83.
 14 Ibid, p. 83-84.
 15 См.: Коган М. Восстание британского военного флота в 1797 г.— Борьба классов, 1936, № 10, с. 56.
 16 См.: Hart R. Op. cit, p. 86.

- 17 См.: Коган М. Указ, соч., с. 56, 57.
- 18 Там же, с. 56—57.
- 19 Там же, с. 59.
- 20 Морской сборник, 1917, № 10, с. 28.
- 21 James W. Durable Monument: Horatio Nelson. London, 1948, p. 116—117.
- 22 Oman (. Op. cit, p. 29.
- 23 Ibid, p. 236.
- 24 См.: Mahan A. T. Op. cit, vol. 1, p. 303.
- 25 См.: Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 130. 28 James W. M. Op. cit, p. 123.
- 27 Ibid, p. 435.
- 28 Ibid, p. 436.
- 29 См.: Oman C. Op. cit, p. 256, 257.
- 30 Ibid.
- 31 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 2, p. 447.
- 82 Ibid, p. 448.
- 83 Ibid, p. 455.
- 34 Ibid, p. 456.
- 35 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 11.
- 36 Ibid.
- 37 Lloyd C. Nile Campaign: Nelson and Napoleon in Egypt. London, 1973, p. 27.
- 38 James W. M. Op. cit, p. 128.
- 39 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 133.
- 40 Spenser Papers. London. 1924, vol. 2, p. 448—449.
- 41 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 25.
- 42 Lloyd C. Nile Campaigne..., p. 27.
- 43 Мэхэн А. Т. Указ, соч., т. 1. с. 191.
- 44 См.: Marcus G. J. Op. cit., p. 128.
- 45 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 138.
- 46 Russel J. Nelson and the Ha-miltons. New York, 1969, p. 40.
- 47 James W. M. Op. cit, p. 133.
- 48 История военно-морского искусства. М., 1954, т. 2, с. 15.
- 49 Russel J. Op. cit, p. 47.
- 80 Lloyd C. Nile Campaign..., p. 42.
- 51 Морской сборник, 1916, № 8, с. 55.
- 52 См.: Советская историческая энциклопедия, 196.1, т. 1, с. 50.
- 53 Oman C, Op. cit, p. 298.
- 54 см.: Lloyd C. Nile Campaign..., p. 24.
- 55 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 61.
- 56 Ibid.
- 57 Oman C. Op. cit, p. 280.
- 58 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 95—96.
- 59 Ibid, p. 89.
- 60 Oman C. Op. cit, p. 310.
- 61 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 130.
- 62 Тарле Е. В. Соч. М., 1959, т. 10, с. 188.
- 63 Russel, J. Op, cit, p. 17.
- 64 Ibid, p. 22. 85 Ibid.
- 66 Ibid.
- 67 Ibid, p. 23.
- 68 Ibid.
- 69 Ibid, p. 27—28.
- 70 Mahan A. T. Op. cit, vol. 1, p. 380.
- 71 Russel J. Op. cit, p. 159.
- 72 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 170.

- 73 James W. M. Op. cit, p. 152.
 74 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 193—194.
 75 Oman C. Op. cit, p. 312, 322.
 76 Russel J. Op. cit, p. 59.
 77 James W. M. Op; cit, p. 158.
 78 Ibid, p. 166.
 79 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 409.
 80 Ibid., p. 411.
 81 James W. M. Op. cit, p. 178.
 82 Ibid, p. 179.
 83 Тарле Е. В. Соч., т. 10, с. 117.
 84 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 198.
 85 Тарпје Е. В. Coi, т. 10, с. 184—185.
 86 См.: Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 236.
 87 Тарле Е. В. Соч., т. 10, с. 191.
 88 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 1, с. 196.
 89 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 3, p. 325.
 90 Тарле Е. В. Соч., т. 10, с. 198—199.
 91 Lord Strang. Foreign Office. London, 1957, p. 92.
 92 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 4, p. 242.

Глава III. Балтийский поход

- 1 Мэхэн А. Т. Указ, соч., т. 2, с. 17.
 2 История дипломатии, т. 1, с. 408.
 3 Marcus G. J. Op. cit, vol. 2, p. 171.
 4 Ibid.
 5 Phillips W. A., Reade A. H. Neutrality. London, 1936, vol. 2, p. 105—106.
 6 См.: Lloyd C. Nile Campaign-ne..., p. 92.
 7 Warner O. Nelson's Battles. London, 1971, p. 108.
 8 см.: Lloyd C. Nile Campaign-ne..., p. 94.
 9 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 4, p. 267.
 10 Ibid, p. 278.
 11 Nelson's Battles, p. 108.
 12 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 4, p. 279.
 13 см.: James W. Naval History of Great Britain. London, 1860, vol. 3, p. 43.
 14 Ibid.
 15 Warner O. Nelson's Battles, p. 109.
 16 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 4, p. 290.
 17 Warner O. Nelson's Battles, p. 109.
 18 Ibid, p. 110.
 19 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 4, p. 290.
 20 Ibid., p. 282.
 21 Ibid., p. 294—295.
 22 Ibid, p. 295.
 23 Ibid.
 24 Ibid.
 25 Ibid, p. 295—296.
 26 Ibid, p. 296.
 27 Мэхэн А. Т. Указ, соч., т. 2, с. 37.
 28 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 4, p. 297.
 29 Ibid., p. 339.
 30 см.: James W. Op. cit, vol. 3, p. 45.
 31 Ibid.

- 32 см.: Гравьер Ш. Указ, соч., т. 2, с. 11.
 33 Там же, с. 12.
 34 см.: *Dispatches and Letters of ...Nelson*, vol. 4, p. 303.
 35 Ibid, p. 229-313. 38 Ibid., p. 308.
 37 Ibid, p. 308—309.
 38 Ibid, p. 308—309.
 39 Ibid, p. 315.
 40 Ibid, p. 316. 45 Ibid, p. 316.
 42 Мэхэн А. Т. Указ, соч., т. 2, с. 42.
 43 Lloyd C. Nile Campaigne..., p. 102.
 44 Мэхэн А. Т. Указ, соч., т. 2, с. 43,
 45 Там же. с. 44.
 49 История военно-морского искусства, т. 2, с. 21.
 47 *Dispatches and Letters of ...Nelson*, vol. 4, p. 341.
 48 Ibid, p. 352.
 49 Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР, ф. 198, д. Архив графа Кушелева, оп. 1, д. 60, л. 109,
 50 Там же, л. 115.
 51 *Dispatches and Letters of Nelson*, vol. 4, p. 364.
 52 Брикнер А. Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). СПб., 1892, т. 4, с. 53—54.
 53 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 2, с. 34.
 54 Морской сборник, 1869, № 3, с. 38—39.
 55 *Dispatches and Letters of ...Nelson*, vol. 4, p. 371—373.
 56 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 2, с. 34-35.
 57 Брикнер А. Указ, соч., с. 55.

IV. Трафальгар

- 1 Worrser O. *Nelson's Battles*, p. 151.
 2 Ibid.
 3 Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953, т. 24, с. 59.
 4 Морской сборник, 1899, № 3, с. 40.
 5 За рубежом, 1973, 20—26 июля.
 6 Там же, с. 21
 7 Hart R. *Op.cit.*, p.28-29.
 8 История военно-морского искусства, т. 2. М., 1954, с. 25.
 9 Warner O. *Nelson's Battles*, p. 152.
 10 Ibid.
 11 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 2, с. 43-44.
 12 История военно-морского искусства, т. 2, с. 25.
 13 Lloyd C. *Nelson and Sea-Power*, p. 125.
 14 Ibid., p. 126—127.
 15 *Dispatches and Letters of ...Nelson*, vol. 7, p. 30.
 16 Ibid.
 17 Mahan A. T. *Op. cit.*, vol. 2, p. 328.
 18 Ibid, p. 333.
 19 Warner O. *Nelson's Battles*, p. 152.
 20 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 2, с. 123.
 21 Там же, с. 118—119.
 22 *Dispatches and Letters of ...Nelson*, vol. 7, p. 91.
 23 Морской сборник, 1916, № 8, с. 55.
 24 Гравьер Ж. Указ, соч., т. 2, с. 101.
 25 Там же, с. 118.

-
- 26 Там же, с. 119.
  - 27 Hart R. Op. cit, p. 16.
  - 28 Dispatches and Letters of ...Nelson, vol. 7, p. 140—141.
  - 29 Lloyd C. Nelson and Sea-Power, p. 132.
  - 30 Oman C. Op. cit, p. 630.
  - 31 Ibid, p. 631.
  - 32 Mahan A. T. Op. cit, vol. 2, p. 394, 396.
  - 33 История военно-морского искусства, т. 2, с. 28.
  - 34 Огородников Ф. Е. Военные средства Англии в революционных и наполеоновских войнах. СПб., 1902, с. 339.

Заключение

- 1 Oman C. Op. cit, p. 681.
- 2 За рубежом, 1977, 8—14 февр, с. 17.
- 3 Warner O. Great Battle Fleets. London, 1973, p. 141.
- 4 Ibid.
- 5 Lloyd C. Nelson and Sea-Power, p. 28.